

UNIWERSYTET WARMIŃSKO-MAZURSKI W OLSZTYNIE
UNIVERSITY OF WARMIA AND MAZURY IN OLSZTYN

Acta
Polono-
Ruthenica

XXV/1

WYDAWNICTWO
UNIWERSYTETU WARMIŃSKO-MAZURSKIEGO
OLSZTYN 2020

Kolegium redakcyjne
Iwona Anna NDiaye (redaktor naczelna), Joanna Orzechowska (sekretarz naukowy)

Redaktorzy tematyczni
Iwona Anna NDiaye (emigrantologia)
Grzegorz Ojcwicz (literaturoznawstwo i przekładoznawstwo)
Joanna Orzechowska (językoznawstwo i kulturoznawstwo)

Redaktorzy językowi
Miroslawa Czetyrba-Piszczako (język ukraiński)
Mark Jensen (język angielski)
Alla Kamalova (język rosyjski)
Irina Korzeniewska (język rosyjski)
Helena Pociachina (język białoruski)

Redaktor wydawniczy
Katarzyna Zawilska

Skład i łamanie
Marzanna Modzelewska

Projekt okładki
Barbara Lis-Romańczukowa

Lista recenzentów zostanie zamieszczona w ostatnim numerze danego roku

Czasopismo jest dostępne na licencji Creative Commons – Uznanie autorstwa – Użycie niekomercyjne
– Bez utworów zależnych (CC BY-NC-ND)

Adres redakcji
Instytut Literaturoznawstwa UWM
ul. Kurta Orbitza 1, 10-725 Olsztyn
tel./fax 89 527 58 47
e-mail: acta.pol.rut@gmail.com

ISSN 1427-549X
e-ISSN 2450-0844

© Copyright by Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego • Olsztyn 2020

Wydawnictwo UWM
ul. Jana Heweliusza 14, 10-718 Olsztyn
tel. 89 523 36 61, fax 89 523 34 38
www.uwm.edu.pl/wydawnictwo/
e-mail: wydawca@uwm.edu.pl

Ark. wyd. 13,30; ark. druk. 11,25
Nakład: 90 egz., druk: Zakład Poligraficzny UWM w Olsztynie, zam. 127

CZASOPISMO NAUKOWE UKAZUJE SIĘ OD 1994 ROKU

Rada Naukowa

Ludmiła Babiienko (Uralski Uniwersytet Federalny im. Pierwszego Prezydenta Rosji Borysa Jelcyna w Jekaterynburgu, Rosja)
Nikołaj Barysznikow (Piatigorski Uniwersytet Państwowy, Rosja)
Irina Biełobrowcea (Uniwersytet Talliński, Estonia)
Michaela Böhmig (Uniwersytet Neapolitański im. Fryderyka II, Włochy)
Jolanta Brzykcy (Uniwersytet Mikołaja Kopernika w Toruniu, Polska)
Indira Dzagania (Suchumski Uniwersytet Państwowy w Tbilisi, Gruzja)
Elda Garetto (Uniwersytet w Mediolanie, Włochy)
Svetlana Garziano (Uniwersytet Jean Moulin Lyon III w Lyonie, Francja)
Frank Göbler (Uniwersytet Johanna Gutenberga w Moguncji, Niemcy)
Natalia Gordijenko (Białoruskie Państwowe Archiwum-Muzeum Literatury i Sztuki, Białoruś)
Tatiana Kiryłłowa (Astrachański Państwowy Uniwersytet Medyczny, Rosja)
Marina Kolesnikowa (Północno-Kaukaski Uniwersytet Federalny w Stawropolu, Rosja)
Galina Krasnoszczekowa (Południowy Uniwersytet Federalny w Taganrogu, Rosja)
Wadim Krysko (Instytut Języka Rosyjskiego im. W.W. Winogradowa Rosyjskiej Akademii Nauk, Rosja)
Andrzej Ksenicz (Uniwersytet Zielonogórski, Polska)
Czesław Lachur (Uniwersytet Opolski, Polska)
Natalia Lichina (Bałtycki Uniwersytet Federalny im. Immanuela Kanta w Kaliningradzie, Rosja)
Pewieł Ławriniec (Uniwersytet Wileński, Litwa)
Leonid Malcew (Bałtycki Uniwersytet Federalny im. Immanuela Kanta w Kaliningradzie, Rosja)
Tatiana Marczenko (Dom Rosyjskiej Zagranicy im. A. Sołżenicyna w Moskwie, Rosja)
Walentina Masłowa (Witebski Uniwersytet Państwowy im. Piotra Maszeraua, Białoruś)
Manatkul Mussatajewa (Kazański Narodowy Uniwersytet Państwowy im. Abaja w Alma-Aty, Kazachstan)
Natalia Nesterowa (Permski Narodowy Badawczy Uniwersytet Politechniczny w Permie, Rosja)
Dmitrij Nikołajew (Instytut Literatury Światowej im. A.M. Gorkiego Rosyjskiej Akademii Nauk w Moskwie, Rosja)
Vera Ozheli (Państwowy Uniwersytet im. Akakija Cereteli w Kutaisi, Gruzja)
Vladimir Papoušek (Uniwersytet Południowoczeski w Czeskich Budziejowicach, Czechy)
Tatiana Rybalczenko (Uniwersytet Państwowy w Tomsku, Rosja)
Michaił Sarnowski (Uniwersytet Wrocławski, Polska)
Andrzej Sitarski (Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Polska)
Giovanna Spendel de Varda (Uniwersytet Turyński, Włochy)
Aħa Szelajewa (Sankt-Petersburski Uniwersytet Państwowy, Rosja)
Sevinç Üçgül (Uniwersytet Erciyes w Kayseri, Turcja)
Enisa Uspensky (Uniwersytet Sztuki w Belgradzie, Serbia)
Swietłana Waulina (Bałtycki Uniwersytet Federalny im. Immanuela Kanta w Kaliningradzie, Rosja)
Katarzyna Wojan (Uniwersytet Gdański, Polska)
Lola Zwonariowa (Rosyjska Akademia Edukacji w Moskwie, Rosja)

Rada Programowa

Walenty Piłat (Honorowy Przewodniczący, Olsztyn, Polska)
Jan Czykwini (Białystok, Polska)
Wolfgang Gładrow (Berlin, Niemcy)
Joanna Mianowska (Toruń, Polska)
Leontij Mironiuk (Olsztyn, Polska)
Irena Rudziewicz (Olsztyn, Polska)
Lucjan Suchanek (Kraków, Polska)
Alicja Wołodźko-Butkiewicz (Warszawa, Polska)

Editorial Board

Iwona Anna NDiaye (Editor-in-Chief), Joanna Orzechowska (Managing Editor)

Thematic Editors

Iwona Anna NDiaye (Study of Emigration)
Grzegorz Ojcewicz (Literary Studies and Translation Studies)
Joanna Orzechowska (Linguistics and Cultural Studies)

Language Editors

Mirosława Czetyrba-Piszczako (Ukrainian language)
Mark Jensen (English language)
Alla Kamalova (Russian language)
Irina Korzeniewska (Russian language)
Helena Pociechina (Belarusian language)

This journal is the open access and non-profit enterprise. The published papers may be collected, read and downloaded free of charge – with Author's rights reserved. We have adopted a Creative Commons licence CC BY-NC-ND (Attribution-NonCommercial-NoDerivatives).

ISSN 1427-549X (Print)
ISSN2450-0844 (Online)

© Copyright by University Publisher of Warmia and Mazury in Olsztyn • Olsztyn 2020

Address of the Editorial Department
Institute of Literary Studies
University of Warmia and Mazury in Olsztyn
Kurta Obitza 1, 10-725 Olsztyn (Poland)
Phone: +48 89 527 58 47
E-mail: acta.pol.rut@gmail.com

Editorial Council

Ludmila Babenko (Ural Federal University the first President of Russia B.N. Yeltsin of Ekaterinburg, Russia)
Nikolay Baryshnikov (Pyatigorsk State University, Russia)
Irina Belobrovtsseva (Tallinn University, Estonia)
Michaela Böhmig (University of Naples Federico II, Italy)
Jolanta Brzykcy (Nicolaus Copernicus University of Toruń, Poland)
Indira Dzagania (Sukhumi State University of Tbilisi, Georgia)
Elda Garetto (The University of Milan, Italy)
Svetlana Garziano (Jean Moulin Lyon 3 University, France)
Frank Göbler (Johannes Gutenberg University of Mainz, German)
Natalia Harziyenka (Belarusan State Archives-Museum of Literature and Art, Belarus)
Tatiana Kirillova (Astrakhan State Medical University, Russia)
Marina Kolesnikova (North-Caucasus Federal University of Stavropol, Russia)
Galina Krasnoshchekova (Southern Federal University of Taganrog, Russia)
Vadim Krysko (V.V. Vinogradov Russian Language Institute of Russian Academy of Sciences of Moscow, Russia)
Andrzej Ksenicz (University of Zielona Góra, Poland)
Czesław Lachur (University of Opole, Poland)
Pavel Lavrinec (Vilnius University, Lithuania)
Natalia Likhina (Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia)
Leonid Malcev (Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia)
Tatiana Marchenko (Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad of Moscow, Russia)
Valentina Maslova (Vitebsk State University, Belarus)
Manatkul Mussataeva (Abai Kazakh National Pedagogical University of Almaty, Kazakhstan)
Natalia Nesterova (Perm National Research Polytechnic University, Russia)
Dmitry Nikolaev (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences of Moscow, Russia)
Vera Ozheli (Kutaisi Akaki Tsereteli State University, Georgia)
Vladimír Papoušek (University of South Bohemia of České Budějovice, Czech Republic)
Tatiana Rybalchenko (Tomsk State University, Russia)
Michał Sarnowski (University of Wrocław, Poland)
Andrzej Sitarski (Adam Mickiewicz University in Poznań, Poland)
Giovanna Spendel de Varda (University of Turin, Italy)
Alla Shelaeva (Saint Petersburg State University, Russia)
Sevinç Üçgül (Erciyes University of Kayseri, Turkey)
Enisa Uspensky (University of Arts of Belgrade, Serbia)
Svetlana Vaulina (Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia)
Katarzyna Wojan (University of Gdańsk, Poland)
Lola Zvonareva (Russian Academy of Education of Moscow, Russia)

Program Council

Walenty Piłat (Honorary Chairman, Olsztyn, Poland)
Jan Czykwini (Białystok, Poland)
Volfgang Gladrow (Berlin, German)
Joanna Mianowska (Toruń, Poland)
Leontij Mironiuk (Olsztyn, Poland)
Irena Rudziewicz (Olsztyn, Poland)
Lucjan Suchanek (Cracow, Poland)
Alicja Wołodźko-Butkiewicz (Warsaw, Poland)

Spis treści

Emigrantologia

Lucjan Suchanek, О пользе феноменологии в эмигрантологических исследованиях	11
Joanna Mianowska, Малоизвестные страницы публицистики Русского Зарубежья: «Русские уголки» Франции в очерках Константина Парчевского	21
Małgorzata Ułanek, Pisarz na wygnaniu: wymiary emigracji w opowiadaniu Vladimira Nabokova <i>Письмо в Россию</i>	35
Svetlana Garziano, <i>Другие берега</i> Владимира Набокова в перспективе геопоэтики первой волны эмиграции	47
Elena Eltsova, «О сколько звезд над Африкой твоей!»: литературно-публицистическое наследие русских эмигрантов Туниса	61
Виктория Захарова, Путевые очерки Бориса Зайцева периода эмиграции: аксиологические аспекты геопоэтики	75
Elena Janchuk, Идея простора в творчестве Марины Цветаевой	87

Językoznawstwo

Tamara Graczykowska, Słownictwo pola semantycznego „Edukacja i wychowanie” w moskiewskiej gazecie „Trybuna Radziecka” z lat 1927–1938	103
Bartosz Juszcak, Dialekt miejski Moskwy. Próba definicji	119
Olga Makarowska, Клиповые мемные тексты. Часть 1. Иконоидные тексты	135
Jolanta Miturska-Bojanowska, Funkcjonowanie angielskiego wyrażenia <i>golden parachute</i> w języku polskim i rosyjskim	149
Dmitrii Lukianov, Языковой образ Польши и России в текстах обоюдных СМИ	163

Table of Contents

Emigrantology

Lucjan Suchanek, On the benefit of phenomenology in emigrantological research ...	11
Joanna Mianowska, The Little-Known Pages of Russian Journalism Abroad: “Russian Corners” in France in the Essays of Konstantin Parchevskiy	21
Małgorzata Ułanek, A Writer in Exile: Aspects of Emigration in Vladimir Nabokov’s Short Story <i>A Letter That Never Reached Russia</i>	35
Svetlana Garziano, Vladimir Nabokov’s <i>Other shores</i> in perspective of the first wave of emigration	47
Elena Eltsova, “How many there are stars over your Africa!”: The literary and publicistic body of the Russian emigrants’ work in Tunisia	61
Victoria Zakharova, Travel essays by Boris Zaitsev during the period of emigration: axiological aspects of geopoetics	75
Elena Yantchuk, The notion of expanse in the works of Marina Tsvetaeva	87

Linguistics

Tamara Graczykowa, Vocabulary of the semantic field “Education” in the Moscow newspaper “Trybuna Radziecka” from the years 1927–1938	103
Bartosz Juszcza, Urban dialect of Moscow. An attempt to define	119
Olga Makarowska, Mem clip texts. Part I. Iconoid texts	135
Jolanta Miturska-Bojanowska, Functioning of English calque <i>golden parachute</i> in Polish and Russian	149
Dmitrii Lukianov, The language image of Poland and Russia in Polish and Russian media respectively	163

Emigrantologia

DOI: <https://doi.org/10.31648/apr.5564>

Дата подачи статьи: 17 февраля 2020 г.
Дата принятия к печати: 8 марта 2020 г.

О ПОЛЬЗЕ ФЕНОМЕНОЛОГИИ В ЭМИГРАНТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Lucjan Suchanek

Polska Akademia Umiejętności, Polska

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7739-3987>

E-mail: l.suchanek@upcpoczta.pl

Аннотация: Статья посвящена специфике эмигрантологических исследований и той роли, которую в них играет феноменология. Автор обращает внимание на то, что эмиграция и ее богатое наследие дают возможность проводить многогранные исследования. Хорошие результаты, помимо антропологических (человеческая философия) и персоналистических исследований, могут быть достигнуты феноменологическими исследованиями, в том числе с точки зрения феноменологии близости. Это новое направление феноменологического исследования представлено работами польского философа Адама Хэрнаса *Od zawsze jesteś przy mnie* и российским представителем феноменологической психиатрии Елены Калитеевской *Феноменология близости*.

Ключевые слова: эмиграция, эмигрантология, феноменология близости, персонализм

Submitted on February 17, 2020

Accepted on March 8, 2020

ON THE BENEFIT OF PHENOMENOLOGY IN EMIGRANTOLOGICAL RESEARCH

Lucjan Suchanek

Polish Academy of Arts and Sciences, Poland

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7739-3987>

E-mail: l.suchanek@upcpoczta.pl

Abstract: The article aims to explore the specificity of emigrantological studies and the role that phenomenology plays in them. The author draws attention to the fact that emigration and its rich tradition open a new venue for conducting multifaceted research. Apart from anthropological (human philosophy) and personalistic approaches, phenomenological ones, including the phenomenology of intimacy, can also lead to fruitful results. This new trend appears in the Polish philosopher Adam Hernas's book *You have always been with me* (*Od zawsze jesteś przy mnie*) and in the work *The Phenomenology of Intimacy* (*Fenomenologia bliskości*) written by Elena Kaliteevska – the Russian representative of the phenomenological psychiatry.

Keywords: emigration, emigrantology, phenomenology of proximity, personalism

Эмиграция и ее наследие являются благодатным материалом для разнообразных, в том числе многоаспектных исследований. Для гуманитарных наук характерно обращение к идиографическому методу, направленному на описание индивидуальных особенностей определенных фактов, на выявление их уникальности для конкретного объекта. Идеографический метод эффективен при изучении единичных, особенных феноменов и широко применяется в исторических, архивных, источниковедческих описаниях. К такому виду наук следует отнести эмигрантологию, для которой идиографический метод является доминирующим. В эмигрантологии, как и в других гуманитарных науках, возможен также номотетический подход, позволяющий на основе описания и классификации частных явлений выявлять общие закономерности. В качестве примера назовем литературоведение (шире филология), где используются формализм, структурализм и ряд других теоретических направлений.

Основатель феноменологии – немецкий философ Эдмунд Гуссерль (нем. Edmund Husserl, 1859–1938). Главные идеи феноменологии изложены им в книге *Логические исследования* [Гуссерль 2011], где выдвигается гипотеза о совершенной науке, которая служила бы обоснованием для всех других наук и познания в целом. Решающую роль в ней играют понятия *феномен* и *интенциональность*. В теории Гуссерля *феномен* – это не только данные в созерцании качества вещей, феномен объединяет объекты, характеризующиеся единством своего содержания. Под *интенциональностью* Гуссерль понимает **постоянную направленность сознания на предмет**. Таким образом, феноменология – это не только определенное пространство философских размышлений, но также **особый метод исследования**, который может быть применен к самым разным сферам познания, к различным научным дисциплинам.

История философии показывает, что к феноменологии, феноменологическому движению, принадлежат ученые, развивающие ее идеи и применяющие ее методы в различных дисциплинах: психология и психиатрия (Л. Бинсвангер), этика (М. Шеллер), эстетика (Р. Ингарден), право (Конрад-Мартиус), социология (М. Натансон, А. Шютц), педагогика (Т. Литт), религия, литературоведение, математика, естествознание, история и другие. Об актуальности феноменологии свидетельствует появление «дочерних» научных дисциплин, это феноменологическая социология, феноменологическая психология, экзистенциальная феноменология, феноменология культуры. Так, разработка феноменологии культуры принадлежит немецким и французским феноменологам, ведущим исследования в различных научных областях – антропология (М. Шелер, М. Мерло-Понти), онтология (М. Хайдеггер), этика (Э. Левинас – феноменологическое изучение проблематики отношения «Я» к другим личностям), герменевтика (П. Рикер, Х.-Г. Гадамер) и другие аспекты бытия человека в культуре. К выдающимся представителям феноменологии следует отнести, кроме вышеназванных, К. Ясперса, П. Риккера, Э. Штейн, Ж.П. Сартра, Ж. Паточку, в России – Г. Шпета (герменевтика), А. Лосева, в Польше, кроме Р. Ингардена, Й. Тишнера.

Следует заметить, что идеи феноменологии получили развитие в другом направлении современной философии – в персонализме. Персоналистическая проблематика также рассматривается в русле феноменологии (М. Шелер, Д. фон Гильдебранд, Э. Штейн, Р. Ингарден, Э. Левинас). Идеи персонализма развивали в России Н. Бердяев, Л. Шестов и отчасти Н. Лосский. Его сильное влияние сказалось в работах ученика Р. Ингардена – К. Войтылы, будущего папы Иоанна Павла II. Персонализм признает личность высшей формой бытия,

описывает человека как личностное бытие, имеющее материальное и душевное измерение, для которого характерна разумность и впечатлительность по отношению к высшим ценностям. Персонализм подчеркивает ценность личности по отношению к миру вещей, а также по отношению экономико-общественным и политическим структурам [Kowalczyk 2008, 315–334]. Феноменологическое направление занимает в нем доминирующее место.

Персонализм утверждает, что личность не является монадой (М. Бубер) и всегда живет в мире, который населён другими личностями, поэтому «я» составляет единое целое с другими. В связи с этим большое значение отводится проблеме личностного общения, в котором сторонники персонализма видят цель и назначение человеческого существования, что закреплено в персоналистской концепции коммуникации.

Историки философии выделяют в персонализме диалогический персонализм, представителями которого являются М. Бубер, М. Недонсель, Н.А. Бердяев, М.М. Бахтин. Таким образом, философия диалога обращает внимание на социальную сторону экзистенции личности и поэтому не менее важными считает такие категории, как Я, Ты, Мы.

Думается, что в эмигрантологических исследованиях особую роль должна играть философская антропология – философия человека, отвечающая на вопрос «Кто есть человек?». Этой проблеме посвящена моя статья *Место антропологии в эмигрантологических исследованиях* [Suchanek 2013, 11–21], посвященная эмиграции первой волны.

Антропология (философия человека), персонализм и феноменология могут принести хорошие результаты в эмигрантологических исследованиях. Эти дисциплины позволяют сосредоточить внимание на особенностях жизни на чужбине, так как его существование отличается от жизни людей, пребывающих в естественных для них природных, социальных и культурных условиях. Жизнь эмигранта отлична как от существования соотечественников на его бывшей Родине, так и от существования людей на новом месте обитания, причем это касается как низшего (энергетического) начала, так и высшего – духовного. *Homo emigrans* – это один из антропологических типов (аспектов человека). Рассуждения на данную тему должны исходить из специальных предпосылок, так как в эмиграции все природные и культурные факторы формирования и развития человека как индивида и члена общества не действуют, или действуют в ограниченной степени.

Материальные, духовные и общественные условия существования эмигранта, как и любого человека в макро и микросреде, определяет в значительной

степени окружающий мир. Наиболее существенными являются проблемы «человек и Другой», «человек и общество (семья, народ, родина, государство)», что отражается в категориях 'общение' и 'социализация личности'.

Отношения «Я – Ты» приводят к новой форме интерперсональной жизни – «Мы». В эмиграции эти отношения начинают формироваться заново, происходит процесс выработки новой идентичности, процесс очень трудный, так как новая страна – это обычно закрытое общество. Для человека, затерянного в чужой стране, не знающего, как правило, культурных традиций, особенностей национального менталитета, доступ к новым общественным контактам затруднителен. К этим сложностям присоединяется уже неоднократно по-разному мотивированная нерасположенность к чужакам жителей принимающей страны. Экзистенция эмигранта осложнена также тем, что он существует в среде общества принимающей страны и одновременно общается с людьми близкого ему общества эмигрантов. Таким образом, особенность эмиграции заключается в том, что эмигрантское сообщество отличается от структуры общества как в покинутой стране, так и в стране принимающей.

Сложившаяся ситуация рождает потребность в поиске «своего» круга, в котором возможно обрести понимание и солидарность. Парадоксально то, что создаваемые эмигрантами содружества также формируются по типу закрытого общества [Культура... 1995, 10]. Для эмигранта, как и в доэмигрантской жизни, главной ценностью остается семья, гарантирующая потребность в близости и личном контакте. Применительно к структурам высокого уровня – народ, родина, страна, государство, принадлежность эмигранта к ним является усложненной. Он вынужден сделать выбор и определить свое отношение к новому, окружающему его социуму.

Исследования выявляют, что принадлежность к эмигрантскому сообществу может быть статично-пассивным или активно-динамическим. Поскольку человек – это *homo creator* (человек созидатель), эмигрант обязан сам себя создавать заново для существования в новом социально-культурном пространстве, однако решение этой задачи – процесс не быстрый и трудный. И если человек может приспособиться к бытовым условиям, то для перестройки и развития психо-личностного и эстетического необходима культурная ниша. В процессе формирования культурной ниши фундаментальная роль принадлежит важнейшим когнитивным структурам – память прошлого, знание истории народа и государства. Для российских эмигрантов наиболее существенным было сохранение памяти о дореволюционной России и народном самосознании [Бунин, online]. Особую актуальность приобрело сохранение языка как элемента национальной идентичности.

Сохранению национальной идентичности способствовали создаваемые эмигрантами общественные неформальные структуры: общества, объединения, ассоциации, что давало возможность реализовывать потребность в участии жизни эмигрантов. Такая возможность создавалась также благодаря бурно развивающимся партийным организациям, а провозглашаемые ими лозунги защищали от идеологической изоляции. Перед эмигрантами открывалась возможность выбора одной из возможных идейных позиций, участие в деятельности какой-либо политической партии, а каждая из них провозглашала различные картины будущего Родины. Подобное участие в общественной жизни эмиграции являлось субститутом реальной деятельности для блага своей родной страны [Киселев 1999].

Предназначение общества и государства – обеспечение духовных потребностей человека, в частности, религиозных, благодаря которым он преодолевает культурные и природные границы. Религиозный вектор указывает на вертикальный характер существования индивида, обращение к трансценденции, где акт и цель трансцендирования – Бог. Реализовать такую активность помогали религиозные институты, высшая форма которых представлена Церковью.

Эмигранту угрожает одна из самых частых форм изоляции и отстранения – одиночество. Оно может вызывать экзистенциальную опустошенность, отсутствие смысла жизни, ощущение ее бессодержательности, неполноценности. И как результат, приводит к существованию исключительно в рамках настоящего – повседневности, бесперспективности.

Эмиграция, независимо от ее причин, как процесс перемещения из одной реальности в другую носит травмирующий характер для многих аспектов жизни человека – индивидуального, антропологического, культурного [Suchanek 2003, 193–201; 2009, 87–88]. Она значительно затрудняет, а в крайнем случае делает невозможным, сознательную, творческую автотрансформацию, приспособление к новым антропологическим и культурным условиям, может стать причиной культурного шока. И как результат – опустошенность и отчужденность, ведущие к маргинализации индивида и тем самым – к осознанию жизненной неудачи.

Ситуация конфронтации с иной культурной средой вызывает стресс в эпистемологическом, моральном и аксиологическом планах и приводит к психической депрессии, подавленности, упадку духа. Она может рождать ксенофобию, социальную замкнутость, в результате чего человек становится закрытой монадой, а в целом, группа эмигрантов может существовать

по принципу гетто. Это показатель того, что между культурами сообщества эмигрантов и социумом принимающей страны отсутствует диалог.

Одной из форм освобождения от травмы является попытка к адаптации в новом социуме; для русских эмигрантов это был трудный процесс. Возможны два варианта решения этой проблемы. Первый – двуязычие, используемое в творческом процессе. Это, например, опыт Владимира Набокова (английский и русский языки) и Льва (Leon) Гомолицкого (польский и русский языки). Второй вариант адаптации к культуре Запада – это включение в жизнь через язык искусства, его формы выражения, что характерно для эмигрантов первой волны – художников, сценографов, музыкантов, дирижеров, балетмейстеров, танцоров, певцов [*Русское зарубежье...* 1997]. Встречи и культурный диалог взаимно обогащают, не несут с собой деструкции и не вызывают метафизической тревоги, того, что М. Хайдеггер определил термином *die Angst* (страх) [Хайдеггер 1997].

Новые перспективы в феноменологических исследованиях эмиграции возникли после появления нового направления в феноменологии – феноменология близости. В Польше вышла монография Адама Хернаса *Od zawsze jesteś przy mnie. Zarys filozofii bliskiego* (*Ты всегда со мной. Опыт философии близости*) [Hernas 2017]¹, посвященная проблеме опыта (восприятия) другого человека в перспективе близости, т.е., в самом фундаментальном измерении. Автор рассматривает фигуру Близкого (находящегося рядом) иначе, чем это у М. Бубера (Ты) и Э. Левинаса (Другой). По мнению Хернаса, близкий не появляется, он всегда присутствует (с. 37), значит он атемпорален – без близкого жизнь стала бы невозможной, близость – это существование другого во мне. Эти мысли относят нас к проблеме таких форм присутствия, как *Gesick* (доля – Хейдеггер) и *Schicksal* (судьба – Шеллер), но они понимаются автором выше-названной монографии иначе. Он утверждает, что мир близких – это один, общий мир, а не сумма отдельных миров (с. 172), что напоминает концепцию собирательной личности (Хайдеггер – нем. *Gesamtperson*). Под термином *собирательная личность* понимается общество, народ, культура, Церковь. Автор пишет: «близость – это непосредственное ощущение другого человека таким образом, что мы понимаем его лучше, чем самого себя» (с. 156).

В своей статье хочу обратить внимание на книгу под названием *Феноменология близости*, автором которого является Елена Калитеевская [Калитеевская]. Это монографический труд Елена Калитеевская – философа, специ-

¹ См. рецензию на книгу Адама Хернаса [Brejda 2018]. В дальнейшем в тексте скобках указываются номера страниц в по этому изданию.

алист по психологии и психотерапии (Гештальт-терапия). Ее исследования проводятся в области феноменологической психиатрии, развитие которой является результатом проникновения идей философской феноменологии в клиническую практику психиатрии. Видными представителями этого направления были К. Ясперс, Л. Бинсвангер. От феноменологов они унаследовали стремление обратиться «к самим вещам» (у Гуссерля: *Zurück zu den Sachen!* «Назад, к самим вещам!»), к живой патологической реальности и прислушиваться к миру. Феноменологическая психиатрия близка феноменологической психологии, преследующей цель описательного изучения сознания, субъективности и переживаний человека. В этом контексте следует вспомнить, также основанную на философской феноменологии Гуссерля и на феноменологическом методе феноменологическую социологию, создателем которой был Альфред Шюц. Он занимался исследованием того, как члены общества создают и воссоздают свой жизненный мир. Шюц считал, что социальная реальность зависима от нашего сознания и наших интерпретаций этой реальности. Поэтому, по его мнению, необходимо погружение в мир, в котором живет человек, – в жизненный мир. Феноменологический анализ жизненного пространства общности (феноменология группы) можно понимать как *со-присутствие, со-бытие с другими* или *бытие-друг-с-другом*.

Е. Калитеевская, рассматривая феноменологию близости, утверждает, что опыт человеческого существования – «это не только опыт контакта, но также и опыт отхода, отдаление», который позволяет сформулировать желание встречи. Эти проблемы Калитеевская рассматривает в рамках разных видов дуальности: близость – одиночество, близость – любовь, близость – измена, близость – зависимость, близость – власть.

Анализируя одиночество, автор обращает внимание на то, что, кроме уже названного, это также чувство брошенности, изоляция, вследствие чего «человек оказывается совсем один», «замкнутым внутри себя самого». Калитеевская утверждает, что «человек становится человеком только в опыте отношений с другими людьми», «Я существую, поскольку существуешь Ты» [Калитеевская]. Автор обращает внимание на проблему «человеческая ситуация» и ее границы и показывает, что их освоение происходит через различные механизмы. «Первый из них – это слияние, где человек определяет себя как представителя семьи, народа, группы. Регуляторным механизмом отношений в данном случае является страх». Страх здесь понимается как зависимость, снятие с себя ответственности. В других формах зависимости, при зависимости индивидуальной, как, например, в случае любви, регуляторным механизмом установления отношений близости является стыд

[Калитеевская]. В заключении Калитеевская пишет: «Близость – это процесс, который нельзя проконтролировать, сделать должным, подчинить морали. И на помощь позвать некого. Близость случается или нет. Или она возможна, но не сейчас» [Калитеевская].

Итак, предпринятый нами экскурс в феноменологию, а также комментарий новых направлений в психологии и психиатрии, возникшие под ее влиянием, позволяют более полно очертить круг проблем в изучении эмиграции как социального и культурного явления, но также способствуют более глубокому осознанию и комментированию различных фактов (феноменов) существования эмигрантов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бунин Иван. *Речь, произнесенная в Париже 16 февраля 1924 г.* (online) <http://bunin-lit.ru/bunin/bio/missiya-emigracii.htm> (доступ 10.02.2020).
- Гуссерль Эдмунд. 2011. *Логические исследования*. Т. I: *Пролегомены к чистой логике*. Пер. с нем. Бернштейна Э.А. Ред. Франк С.Л. Москва: Академический проект.
- Калитеевская Елена. 2007. *Феноменология близости*. «Гештальт». (online) <http://www.gestalt.ru/> (доступ 10.02.2020).
- Кисеев А.Ф. 1999. *Политическая история русской эмиграции, 1920–1940 гг.: Документы и материалы*. Москва: Владос.
- Культура Российского зарубежья: Сборник статей*. 1995. Отв ред. Квакин А.В., Шулупова Э.А. Москва: Российский институт культурологии.
- Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь*. 1997. Общ. ред. Шелохаева В.В. Отв. ред. Канищева Н.И. Москва: РОССПЭН.
- Хайдеггер Мартин. 1997. *Бытие и время*. Москва: Ad Marginem.
- Brejdek Jaromir. 2018. *Od zawsze jesteśmy wspólnotą. Fenomenologia bliskości: Hernas – Scheler – próba porównania* (Rec. Adam Hernas. *Od zawsze jesteś przy mnie. Zarys fenomenologii bliskiego*). „Kwartalnik Filozoficzny” t. XLVI, z. 1. Red. Stróżewski W. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, Uniwersytet Jagielloński.
- Hernas Adam. 2017. *Od zawsze jesteś przy mnie. Zarys filozofii bliskiego*. Kraków: Instytut Myśli J. Tischnera.
- Kowalczyk Stanisław. 2008. *Polski personalizm współczesny*. „Biblioteka Teologii Fundamentalnej” nr 3: 315–334.
- Suchanek Lucjan. 2002. *Эмиграция как травма*. W: *Językoznawstwo: prace na XIII Międzynarodowy Kongres Słowistów w Lublanie 2003*. Seria „Z Polskich Studiów Słowistycznych”, seria 10. Warszawa: Polska Akademia Nauk. Komitet Słowianoznawstwa: 193–201.
- Suchanek Lucjan. 2009. *Człowiek w traumie. Emigrantologia na przykładzie emigracji rosyjskiej dwudziestego wieku*. „Ethos” nr 3–4 (87–88): 230–244.
- Suchanek Lucjan. 2013. *Место антропологии в эмигрантологических исследованиях*. W: *Руска дијаспора и словенски свет. Зборник радова*. Београд: Учредитељ Петра Буньк: 11–21.

REFERENCES

- Brejdek Jaromir. 2018. *Od zawsze jesteśmy wspólnotą. Fenomenologia bliskości: Hernas – Scheler – próba porównania* (Review Adam Hernas. *Od zawsze jesteś przy mnie. Zarys fenomenologii bliskiego*). “Kwartalnik Filozoficzny” Vol. XLVI, no 1. Ed. Stróżewski W. Cracow, Polska Akademia Umiejętności, Uniwersytet Jagielloński. (In Polish)
- Bunin Ivan. *Reč', proiznesennâ v Pariže 16 fevralâ 1924 g.* [Speech delivered in Paris on February 16, 1924]. Available at: <http://bunin-lit.ru/bunin/bio/missiya-emigracii.htm> (Accessed February 2020). (In Russ.)
- Gusserl' Ėdmund. 2011. *Logičeskie issledovanîa* [Logical research]. Vol. 1: *Prolegomeny k čistoj logike* [Prolegomes to pure logic]. Ed. Frank S.L. Moscow, Akademičeskij proekt. (In Russ.)
- Hajdegger Martin. 1997. *Bytie i vremâ* [Being and time]. Moscow, Ad Marginem. (In Russ.)
- Hernas Adam. 2017. *Od zawsze jesteś przy mnie. Zarys filozofii bliskiego*. Cracow, Instytut Myśli J. Tischnera. (In Polish)
- Kalitevskaâ Elena. 2007. *Fenomenologiâ blizosti* [The phenomenology of proximity]. “Geštal't”. Available at: <http://www.gestalt.ru/> (Accessed February 2020). (In Russ.)
- Kiseev A.F. 1999. *Političeskaâ istoriâ russkoj èmigracii, 1920–1940 gg. Dokumenty i materialy* [The Political History of Russian Emigration, 1920–1940: Documents and Materials]. Moscow, Vladost. (In Russ.)
- Kowalczyk Stanisław. 2008. *Polski personalizm współczesny*. “Biblioteka Teologii Fundamentalnej” no 3, pp. 315–334. (In Polish)
- Kul'tura Rossijskogo zarubež'â: Sbornik statej* [Culture of the Russian Abroad: Collection of Articles]. 1995. Eds Kvakin A.V., Šulepova Ė.A. Moscow, Rossijskij institut kul'turologii. (In Russ)
- Russkoe zarubež'e. Zolotaâ kniga èmigracii. Pervaâ tret' XX veka. Ènciklopedičeskij biografičeskij slovar'* [Russian abroad. The Golden Book of Emigration. The first third of the XX century. Encyclopedic Biographical Dictionary]. 1997. Eds Šelohaeva V.V., Kaniševa N.I. Moscow, ROSSPEN. (In Russ.)
- Suchanek Lucjan. 2002. *Èmigraciâ kak travma* [Emigration as a trauma]. In: *Językoznawstwo: prace na XIII Międzynarodowy Kongres Sławistów w Lublanie 2003*. Series “Z Polskich Studiów Sławistycznych” no 10. Warsaw, Polska Akademia Nauk. Komitet Słowianoznawstwa, pp. 193–201. (In Russ.)
- Suchanek Lucjan. 2009. *Człowiek w traumie. Emigrantologia na przykładzie emigracji rosyjskiej dwudziestego wieku*. “Ethos” no 3–4 (87–88), pp. 230–244. (In Polish)
- Suchanek Lucjan. 2013. *Mesto antropologii v ùmigrantologičeskikh issledovaniâh* [Place of anthropology in emigrant studies]. In: *Ruska dijaspora i slovenski svet. Zbornik radova* [Russian diaspora and Slovenian world. Digest of articles]. Beograd, Učreditel' Petra Bunî k, pp. 11–21. (In Russ.)

DOI: <https://doi.org/10.31648/apr.5382>

Дата подачи статьи: 15 декабря 2019 г.

Дата принятия к печати: 08 марта 2020 г.

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ПУБЛИЦИСТИКИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ: «РУССКИЕ УГОЛКИ» ФРАНЦИИ В ОЧЕРКАХ КОНСТАНТИНА ПАРЧЕВСКОГО

Joanna Mianowska

Uniwersytet Kazimierza Wielkiego w Bydgoszczy, Polska

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5084-053X>

E-mail: miano@wp.pl

Аннотация: Очерки малоизвестного эмигрантского публициста первой волны русского исхода XX века К.К. Парчевского *По русским углам* печатались в парижской газете «Последние новости» с 9 августа 1936 года по 4 июля 1937 и вышли отдельной книгой в 2002 году. У каждого из них свое лицо (их свыше 30). Они вписываются в раздел поэтики, имеющий своим предметом анализа образы географического пространства в индивидуальном творчестве. Эта поэтика сложилась уже в качестве академической науки как раздел культурологии и часть литературоведения. Очерки Парчевского составлены по географическому принципу, но представляют также интерес и в отношении статистики. Их фактология и информативность позволяют сделать вывод о наличии нового угла зрения и нового ракурса о судьбах русской диаспоры в разных уголках Франции. В анализируемых очерках осмыслена природная данность и историко-творческая заданность этого периода.

Ключевые слова: К.К. Парчевский, Русские уголки, географическое пространство, геопэтика, исторический аспект, собеседники очеркиста, фактический материал, сложности эмигрантского быта, географический принцип

Submitted on December 15, 2019

Accepted on March 8, 2020

THE LITTLE-KNOWN PAGES OF RUSSIAN JOURNALISM ABROAD: “RUSSIAN CORNERS” IN FRANCE IN THE ESSAYS OF KONSTANTIN PARCHEVSKIY

Joanna Mianowska

Kazimierz Wielki University in Bydgoszcz, Poland

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5084-053X>

E-mail: miano@wp.pl

Abstract: The sketches of K. Parchevskiy, a little-known emigrant publicist of the first wave of Russian emigration in the twentieth century, entitled *Across the Russian Corners* [*По русским углам*], were published in the Paris newspaper *Latest News* from August 9, 1936 to July 4, 1937, and came out as a book in 2002. Each of them is unique (they are over 30). They fit into the profile of poetics, which has as its object of analysis the images of geographical space in individual creative works. Poetics has become an academic science as a branch of cultural and literary studies. Parchevskiy’s essays are composed on a geographical principle but are also of interest with regard to statistics. The factual and informative value these essays convey allows perceiving the fate of the Russian diaspora in different parts of France from a new and fresh point of view. The analysed essays reflect the natural reality as well as the historical and creative structure of that period.

Keywords: K. Parchevskiy, Russian corners, geographical space, geopoetics, historical aspect, the essayist’s interlocutors, factual material, the complexity of emigrant life, geographical principle

Малоизвестный в Польше эмигрант первой волны русской эмиграции Константин Константинович Парчевский, юрист по образованию, доктор права упоминается в биографических словарях Г. Струве и *Российское зарубежье во Франции* под ред. Л. Мнухина, а также в *Литературной энциклопедии русского зарубежья (1918–1940)* под ред. А. Николюкина [Струве 1996, 289, 396, 414; *Российское зарубежье...* 2010, 404; *Литературная энциклопедия...* 2000, 231, 309, 310, 363, 364, 404, 460; *Литературная энциклопедия...* 2002, 594]. С 1923 года в эмиграции в Париже, работал какое-то время на заводе

Renault, но вернулся к журналистике. Стоит отметить в его биографии то, что в 1926 и 1927 годах он был сначала членом правления, а затем, в 1931 году, стал секретарем Союза русских писателей и журналистов в Париже, а также публиковал свои очерки в «Последних новостях», где работал специальным корреспондентом [*Российское зарубежье...* 2010, 404]. Его очерки, печатавшиеся в этой парижской газете с 9 августа 1936 года по 4 июня 1937 года, вышли отдельной книгой *По русским углам* [Парчевский 2002]. Парчевский – это также автор книги *В Парагвай и Аргентину. Очерки Южной Америки* (Париж 1936). В 1941 году он вернулся в СССР.

Обратимся, однако, к *Русским углам* Парчевского. Интересен факт, что эту книгу родственники Парчевского переписали собственноручно в читальных залах Государственной (бывшей Ленинской) библиотеки из газеты «Последние новости», сохраняя также расположение и название очерков [Беляев 2002, 5]. Надо сказать, что газета «Последние новости», в которой много и охотно публиковал свои очерки Парчевский, выходила в Париже с 27 апреля 1920 года до половины 1940 года, а первым ее редактором был присяжный поверенный М.Л. Гольдштейн. С 1 марта 1921 года почти 20 лет «Последние новости» редактировал известный деятель и лидер кадетов П.Н. Милюков [Петрова 2000, 319–329; *Публицистика...* 1999, 11–12]. Газета была сугубо информационным вестником, «хотя в ней ярко отражались» также события театральной, музыкальной и литературной жизни [Купцова 1999, 170–176].

Парчевскому–публицисту в познании условий эмигрантской жизни в пригородах Парижа помогла его широкая общественная деятельность в Комитете помощи ученым и писателям, он организовал в эмиграции концерты Ф. Шаляпина, балетные представления С. Лифаря, а также выставки картин русских художников.

Будучи секретарем Тургеневской библиотеки, Парчевский организовывал писательские встречи, вечера для детей эмигрантов, а также выставку в доме на Монпарнасе к 100-летию со дня смерти А.С. Пушкина.

Русских уголков в книге очерков Парчевского свыше тридцати, и у каждого из них своя судьба и свое лицо. Стоит разобраться в том, насколько очерки Парчевского вписываются в раздел поэтики, имеющий своим предметом анализ образов географического пространства в индивидуальном творчестве. Исследования француза Кеннела Уайта и россиян Игоря Сиды и Владимира Абашева доказали, что геопозитика сложилась в качестве академической науки как раздел культурологии и часть литературоведения. Отметим, что в 1995 году в России поэт и эссеист Игорь Сид создал Крымский геопозитический клуб, годом позже была организована первая научная конференция по геопозитике

[*Введение в геопоэтику...* 2013; Абашев 2006; Сид 1996]. На неоднозначное понимание термина «геопоэтика» указывает А. Кораблев, поставив вопрос о «движении и продвижении понятия „геопоэтика”» [Кораблев 2015, 297–304]. Исследователь из Донецка отмечает, что движение понятия геопоэтика – это процесс вполне естественный, а его культурная экспансия позволяет «осваивать и завоевывать мир» не только автору, но и авторским проекциям – идеям, образам, концептам [Кораблев 2015, 299].

В свете сказанного обратимся к очеркам К. Парчевского, посвященным взаимодействию русских эмигрантов и заселяемого ими пространства. Парчевский создавал свои очерки в 30-е годы минувшего века, когда еще Париж был окружен местечками, составляющими провинцию – Нильванж, Клиши, Шампони, Нежан и другие. Сейчас это уже районы Парижа, которые начали достраиваться после Второй мировой войны, но русские эмигранты селились там в 20-е – 30-е годы. Отметим, что очерки Парчевского составляют отдельные законченные тексты, и они связаны лишь по географическому принципу. В *Предисловии* книги справедливо подчеркнуто, что описываемая Парчевским жизнь русских эмигрантов показана в эволюции, а изменения в ней прослеживаются со времени исхода из России и до конца 1930-х годов.

Первые партии эмигрантов появились во Франции в 1922 году в Марселе, и там же некоторые из них уже поселились. В очерке *Марсель* Парчевский не указывает на точное число русских поселенцев: «(...) старожилы полагают, что в городе застряло не больше полутора тысяч русских» [Парчевский 2002а, 138]. В Марселе, ставшем в первые годы эмиграции главным пунктом исхода россиян, приезжих ожидали агенты, вербующие на работу в крупных фабриках и заводах. Оставшихся же поселяли в бараках, предназначенных для русских и армян. Со временем бараки превратились в городок с огородами, столовыми, а также церковью и «государственной» властью. Однако «русский муравейник», лагерь Виктор Гюго, по словам Парчевского, был уничтожен, а беженцы вскоре получили возможность поселиться на берегу моря, уже в окрестностях Марселя [Парчевский 2002а, 140]. Здесь россияне начали возводить свои строения и со временем вырос городок «Сент-Анн». Внучка Парчевского Т. Орехова подчеркивает, что ее дед в совершенстве владел французским языком и поэтому много разговаривал с французами, которые жили вблизи русских эмигрантов [Орехова 1998, 145]. Это помогало автору очерков собирать фактический материал в местных общественных организациях, местной префектуре, получая данные о появлении и распределении русских беженцев. Сказанное указывает также на исторический аспект в очерках Парчевского. Т. Орехова справедливо подчеркивает, что в очерках ее деда

(...) фактический материал, изложенный с точки зрения юриста-социолога, переключается с живыми рассказами очевидцев, записанными образным художественным языком равнодушного собеседника, который сам прошел нелегкий путь беженца-эмигранта от Константинополя до Парижа [Орехова 1998, 146].

Молодой собеседник Парчевского, рассказывая о повседневности русских беженцев, заявляет: «(...) в общем, везде русская жизнь более или менее одинакова (...) и у нас в Марселе: есть уже церкви разных направлений, аптечка, библиотека, несколько ресторанов, все полагающиеся организации», но он же сразу констатирует: «(...) эмиграция устала и единственно к чему стремится – это тихо дожить свой век» [Парчевский 2002а, 142].

Кроме крупных городов – таких, как Марсель, Лион, Бордо русские эмигранты оседали в небольших местечках в Лотарингии, в Нормандии, вблизи Ла Рошеля, а также в Гренобле и его окрестностях, вблизи Тулона, Ниццы и даже на Лазурном берегу. Российские беженцы селились и в горной местности Савойн. Автор очерков пытался в описываемых городах найти их стиль и душу. В этой связи особенно большие затруднения появились по отношению к Лиону и лионцам. Парчевский констатирует: «Печален русский Лион, печальнее всех других русских углов, несмотря на свои еженедельные вечеринки в ресторане «Лира», где собираются одни и те же люди, и бесконечные «чашки чаю» всевозможных организаций» [Парчевский 2002б, 128]. Внимания заслуживает низкий уровень жизни эмигрантов в Лионе, безработица (безработных свыше 400). В очерке ставится вопрос помощи русским безработным в Лионе, зависящей от эмигрантских организаций и даже от частей (районов) города. Многие неимущие собираются за подачками у русского трактира «Лира», у русских церквей в часы богослужений или ранним утром собирают на рынке отбросы непроданных продуктов. Оборванный и обросший клочьями человек умоляет: «Подайте, Христа ради, голодному русскому офицеру (...) только что приехал из Марселя. Два дня ничего не ел, ночевать негде (...)» [Парчевский 2002б, 129]. Оказывается, что просящий русский офицер лгун, он где-то работал, потом произошло сокращение кадров, и он не смог справиться со сложностями повседневной жизни, превратившись в нищего, для которого лишь алкоголь становится утешением. Однако был и такой район вблизи Лиона, предместье Вилленбан, где власти мэрии пытались помочь приезжим, выделяя им такое же пособие, как и французам. Собеседники Парчевского рассказывают ему разные истории о военных русских эмигрантах – генерале-старике, не сумевшем мыть полы и умершем без работы, о русском офицере, который ходил с револьвером

и кричал: «Мне выхода нет. Тому, кто помешает пройти на работу, пушу пулю, а последнюю самому себе» [Парчевский 2002б, 132].

Публицист отметил, что русские не поддаются ассимиляции и «(...) у всех сохраняется нечто общероссийское 'свое' с чисто местными наслоениями», и потому можно говорить о типах – русских американцах, балканцах, онемеченных и офранцузенных россиянах [Парчевский 2002в, 132–133]. Внимательный наблюдатель, собеседник автора очерков, отмечает две стадии эмиграции – сначала это были беженцы, которые через несколько лет превратились в эмигрантов. В последние же годы довольно значительная часть превращается из эмигрантов в иммигрантов. Суммируя высказывания своих собеседников, Парчевский заявляет: «(...) нельзя не чувствовать разочарования во всем, во что недавно верили люди (...) создавшееся в первые годы эмиграции установленного образца мировоззрение переживает острый надлом. Еще ничего не пришло на смену. Все в брожении, в томительном искании, в тоске по утраченной правде и смыслу жизни» [Парчевский 2002в, 137].

Одним из главных пунктов, через который россияне попадали из Константинополя во Францию, был Марсель, где многие уже оседали, но число оставшихся автор очерков сам назвать не в состоянии. Как и в других районах, русские работают на крупных фабриках и заводах, в гаражах, мелких мастерских, в порту в качестве грузчиков или в малярных предприятиях. Важно подчеркнуть, что Парчевский во время пребывания во Франции, наблюдая за жизнью эмигрантов, расширяет свое культурное пространство. Автор очерков переходит в другое пространство, создавая свои творческие идеи, беседуя с наблюдателями и разными собеседниками.

В очерке *Лазурный берег* Парчевский представляет все разнообразие состава русской эмиграции. Это бывшие участники экспедиционного корпуса 1916 года, посланные на западный фронт, далее также бывшие русские солдаты, которых он называет «усмотрителями непокорной Куртины» и которые выводились из экспедиционного корпуса в лагере около местечка Куртин в департаменте Крез и были отголоском Февральской революции в России, а стали мирными французскими предпринимателями (они наполовину говорили по-русски), затем гвардейцы, белые офицеры и казаки, бывшие русские чиновники, помещики, фабриканты, юристы, наконец, представители русской знати [Парчевский 2002г, 143]. Погода влияет на то, чем занимаются жители Лазурного берега: «В этих благословенных краях, где всегда светит солнце, а в феврале цветут мимозы и персики, многим русским удалось завести свое хозяйство» [Парчевский 2002г, 146]. Парчевский пишет о русских куроводах, фермах в районе Тулона и до Ниццы. Публицист называет образцовых

русских куроводов – это «Летгорн бланш» В. Николаева под Тулоном. Владелец прославленной фирмы рассказывает: «Мы продаем не только яйца и мясную птицу, но также производителей цыплят и яйца лучших пород для инкубатора» [Парчевский 2002г, 147]. Важно подчеркнуть, что предприятие Николаева «вовсе не типично для местных русских куроводов».

Во французских городах русских эмигрантов мало, автор очерков отмечает, что большая часть местной колонии живет обычно в окрестностях. В каждом из своих очерков Парчевский заявляет, что единственным объединяющим для всех русских центром является церковь, а члены русской колонии жертвуют иконы, облачение, заказывают панихиды, покупают утварь и украшения. Публицист отмечает «пристрастие» русских к французской Ривьере, как и ко всей Франции. Еще в конце XIX века они вкладывали сюда свои деньги, строили виллы, рестораны и пансионаты. В качестве примера Парчевский вводит очерк *Канны* с целым русским кварталом «Калифорния», где были виллы с русскими названиями. Автор очерка называет имена землевладельцев, а также членов попечительского совета храма в Каннах. В подземной крипте церкви находятся гробницы высокопоставленных эмигрантов – великого князя Николая Николаевича, герцога Ольденбургского, генерала Юденича. Из беседы Парчевского с настоятелем церкви о Николаеве можно узнать, что если в первые годы эмиграции в Каннах проживали состоятельные русские, то в течение десяти лет все обеднело. Постоянным оставался только природный ландшафт – теплое море, клумбы, цветы, лимонные деревья, эвкалипты и пальмы. Однако в казино, элегантных кафе русских не видно, как и нет русских вилл, а также отдыхающих от государственной службы князей, представителей дворянства. Все переместилось в Канн-ла-Бокка, в маленький городок на берегу моря, в двух километрах от Канн, где расположился вагоноремонтный завод и муниципальное предприятие по уничтожению мусора. «Настоящим русским углом» называет Парчевский предприятие в Бокка по эксплуатации городских отбросов [Парчевский 2002д, 156]. Здесь русских эмигрантов около 90%, французов – 10%. Директора этого предприятия русского офицера Е.М. Краморова собеседники Парчевского называют хорошим человеком «(...) зла от него не увидишь, напротив, всегда найдешь поддержку и помощь» [Парчевский 2002д, 157]. Автор очерка детально описывает условия жизни в русском уголке Бокка, а также деятельность эмигрантских общественных организаций, как и предприятий, связанных с культурой. Подытоживая написанное о Канн-ла-Бокка, Парчевский заявляет: «В таких углах, где русские сбились в кучу и живут

уездно-эмигрантским укладом, не только не заметно признаков денационализации, но и на местную жизнь оказывается серьезное русское влияние» [Парчевский 2002д, 159].

В продолжение географического принципа, по которому построены очерки Парчевского, обратимся к названному городу *Ницца* [Парчевский 2002е, 171–176]. Здесь находилась одна из крупных и своеобразных русских колоний. Парчевский выделяет две Ниццы – одна из них древняя полуитальянская, со старыми трущобами и грязными, узенькими улицами, другая – город-курорт, который своим великолепием растянулся вдоль побережья. Общее – это море и солнце. Парчевский видит

прославленные рестораны, грандиозные здания банков, магазинов с витринами сверкающих бриллиантов, изысканных нарядов, духов (...) дальше казино с пятичасовым чаем и пышными залами для карточной игры, театры, кинематограф и бары [Парчевский 2002е, 172].

Все это предназначено не для русских эмигрантов, а для пресыщения «господина из Сан-Франциско». Парчевский, несомненно, знал и читал произведение И. Бунина *Господин из Сан-Франциско* (1915) о богатом господине, планирующем

наслаждаться солнцем Южной Италии, побывать в Ницце, Монте-Карло, во Флоренции, в Риме, в Венеции и Париже, в Севилье, на английских островах, в Афинах и Константинополе, а также в Палестине и Египте и даже в Японии [Бунин 1996, 344–368].

Публицист убежден в том, что «несмотря на кризисы и потрясения, на свете еще много господ из Сан-Франциско, имеющих возможность проводить зиму на Ривьере» [Парчевский 2002е, 173]. На фоне великолепия этой «блистательной, единственной в мире набережной» автор очерка *Ницца* представляет историю русской колонии с 1856 года, роскошь русской жизни, причуды богачей в Ницце в прошлом, а в качестве примера: «В один прекрасный день полоска набережной была усыпана солью, а по ней, пуская ‘соль в глаза’ проходим, промчался на лихой тройке с ямщиком в тулупе важный русский барин» [Парчевский 2002е, 174]. Настоящее – это русский угол, названный Парчевским «гамбетовским уездом» (от улицы Гамбетты – района торговли и демократических развлечений). Здесь везде слышна русская речь:

Русских узнаешь в этом квартале не только по разговору, но и без слов: по потрепанному костюму, стоптанным башмакам, полинявшей шляпе, а главное – по нескрываемой печали во всем: в глазах, жестах, походке [Парчевский 2002е, 176].

В качестве осколков прошлого остались в Ницце две церкви – старая в центре и новая на бульваре Цесаревича, построенная в стиле русского зодчества на Красной площади, облицованная невыцветающим кирпичом. Старое и новое соединяет то, что, как и прежде, по праздникам у церкви собирается вся русская Ницца, а церковный сад – это «место встреч, обмена мнений, осведомления и соприкосновения всех эмигрантских слоев и толков» [Парчевский 2002е, 175].

Парчевский стремится установить примерное число русских в Ницце, но получается неразбериха, когда без каких-либо свидетельств собеседники автора очерков заявляют: «Русских в Ницце? Тридцать тысяч. Во Франции – шестьсот, а во всем мире – два миллиона» [Парчевский 2002ж, 176]. Сам Парчевский считает, что эти цифры – лишь догадка и они «(...) описаны какими-нибудь секретарями с потолка и пущены в оборот. За секретарями потянулись ораторы, а за ораторами журналисты» [Парчевский 2002ж, 177]. Наблюдатель в очерке Парчевского считает, что россияне ведут себя громко в метро и на улице, среди них много пьяных эмигрантов и поэтому «(...) нетрудно впасть в ошибку, будто их видимо-невидимо» [Парчевский 2002ж, 177]. Наиболее точные сведения о численности русских эмигрантов, по Парчевскому, находятся в префектуре, однако есть количество людей без документов и их на всем побережье сотни две–три. Этот слой составляют безработные, пьяницы и бродяги.

Стоит отметить, что очерки Парчевского представляют интерес в отношении статистики. Очеркист корректирует цифры покинувших Россию. Наиболее точными и показательными, по его мнению, являются сведения учреждений, выдающих карты для иностранцев, на которые он ссылается. Отметим, что среди авторитетных публикаций и исследователей нет единого мнения о числе ушедших из России после октябрьского переворота [Агеносов 1998, 4; *Эмиграция...* 2001, 43; R. Väcker i Z. Karpus 2002, 6]. Географические и статистические реалии дают возможность исследовать политические отношения. Ведь не случайно В. Абашев считает геопэотику основой геополитики [Абашев 2006]. Подчеркнем в этой связи внешнюю реальность очерков Парчевского, в которых сочетаются пейзажи описываемых им мест с портретами русских эмигрантов. Фактология и информационность, проявленная в наблюдениях очеркиста, а также в записях и беседах с конкретными людьми, позволяет

сделать вывод о наличии нового угла зрения, нового ракурса повествования о судьбах русской диаспоры в разных уголках Франции.

Парчевский среди русских углов французского побережья считает Ментону самым тихим и спокойным местом на Ривьере, называя ее «уединенным русским углом» [Парчевский 2002з, 207]. Благоприятный климат, но без «нищизской суеты и каннской роскоши» способствовал жизни «вне времени и пространства». Это место связано с воспоминаниями о прошлом России. Очеркист ссылается на беседы с 92-летним деятелем эпохи реформ Александра II, а также с пожилыми светскими дамами, с вдовой предводителя дворянства, с пожилым штатским, генералом, бароном. Среди «последних могилок» Парчевский удостоил вниманием знаменитого скульптора С. Бернштама, который подарил городскому управлению Ментоны свою коллекцию скульптуры и, по словам очеркиста:

в ментонском городском музее теперь стоят бронзовые фигуры русских царей, проекты памятников, собственноручно снятая им (скульптором С. Бернштамом – И.М.) с мертвого Достоевского гипсовая маска, исполненные автором с натуры бюсты Гончарова, Тургенева, Салтыкова-Щедрина. Всех их хозяин знал лично [Парчевский 2002з, 210].

Россия прошлого больше видна на русском некрополе. Здесь князья, графы, генералы и сановники и, как отмечает очеркист: «Чуть не вся аристократия России собрана на маленьком клочке земли» [Парчевский 2002з, 210]. Но есть здесь и общая могила, где «(...) под небольшим холмом нашли окончательное успокоение и правые и левые, останки нынешних и бывших эмигрантов» [Парчевский 2002з, 211].

Стоит подчеркнуть, что Парчевский, создавший свои очерки по географическому признаку, находит русские углы во французской провинции, где создаются небольшие провинциальные колонии, в которых обустроить жизнь гораздо проще. Это Сен-Клеман, предместье Санса, местечки Аянж, Альгранж, Нильванж, Кнютанж и другие, в которых очеркист показывает судьбы фермеров, аристократов, священников, офицеров, шоферов, но и осевших здесь казаков и староверов. Важно подчеркнуть, что на этих периферийных территориях хотя и появился русский голос, но, по словам очеркиста: «совсем перевелись все дяди Вани, Астровы и непонятные Чайки. Жизнь стала сложнее, а люди проще» [Парчевский 2002и, 57].

Из провинциальных бесед с соотечественниками вытекает, что «широкие эмигрантские круги проявляют полное равнодушие к политике, политическим организациям (...) и даже к центральным общеэмигрантским учреждениям»

[Парчевский 2002к, 67]. Подчеркнута привязанность русских эмигрантов к бытовым подробностям и мелочам русской жизни: «Всякие наши борщи, ватрушки и чай с вареньем оказались крепче книги, газеты и чего угодно, тут все едины, и русское дело стоит твердо...» – заявляет один из собеседников очеркиста [Парчевский 2002к, 68].

Исходя из сказанного, стоит подчеркнуть, что Парчевский на основе изученных материалов, личных наблюдений и ощущений, бесед с эмигрантами разных слоев населения из различных русских уголков Франции, непредвзято и неполитизированно рассматривает географические реалии существования русских беженцев, что позволяет осмыслить природную данность и историко-творческую заданность этого времени. В очерке *Вокруг Парижа* одинокий старик, один из собеседников Парчевского, констатирует:

Эмиграция – временный эпизод, Россия – постоянна... Среди эмиграции есть хлам, но очень много прекрасного человеческого материала. Обидно, разумеется, что в большинстве случаев он пропадает без пользы для себя и для России. Но что поделаешь? Страна наша велика и обильна, а природа исключительно расточительна [...] Одни из нас вымрут, другие растворятся в иностранной массе, кое-кто, может быть, вернется (Парчевский 2002л: 216–217).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Агеносов Владимир. 1998. *Литература русского зарубежья*. Москва: Терра.
- Абашев Владимир Васильевич. 2006. «Какая древняя земля, какая дремучая история, какая неиссякаемая сила...»: *Геопоэтика как основа геополитики*. В: Михаил Осоргин: *Художник и журналист*. Пермь: Издательство «Мобиле».
- Беляев Сергей Алексеевич. 2002. *К.К. Парчевский и его книга «По русским углам»*. В: Константин Парчевский. *По русским углам*. Москва: ИВИ РАН: 5.
- Бунин Иван Алексеевич. 1996. *Господин из Сан-Франциско*. В: Иван Алексеевич Бунин. *Избранное: В 2 т. Т. 1: Рассказы. Предисловие – статья К. Парчевского «Иван Бунин»*. Москва: Прибой: 344–368.
- Введение в геопоэтику: одиночные экспедиции в океане смыслов: Антология*. 2013. Сост. Сид И. Науч. ред. Дайс Е. Москва: Арт Хаус медиа, Крымский клуб.
- Кораблев Александр Александрович. 2015. *К вопросу о движении и продвижении понятия «геопоэтика»*. «Филологические исследования». Вып. 14. Донецк: ДонНУ: 297–304.
- Купцова Ирина. 1999. *Художественная жизнь «русского Парижа» на страницах газеты «Последние новости» (1920–1922 гг.)*. В: *Культурная миссия российского зарубежья. История и современность*. Отв. ред. Шулепова Э.А. Москва: Рос. институт культурологии: 170–176.
- Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940)*. 2000. Т. 2: *Периодика и литературные центры*. Гл. ред. и сост. Николюкин А. Москва: РОССПЭН.
- Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940)*. 2002. Т. 3: *Книги*. Гл. ред. и сост. Николюкин А. Москва: РОССПЭН.

- Орехова Татьяна. 1998. *Очерки К.К. Парчевского о русской диаспоре во Франции в период между первой и второй мировыми войнами*. В: И.С. Шмелев и литературный процесс накануне XXI века. 125 лет со дня рождения И.С. Шмелева. Ред. Цыганник В.П. Симферополь–Алушта: 145.
- Парчевский Константин. 2002. *По русским углам*. Москва: ИВИ РАН.
- Парчевский Константин. 2002а. *Марсель*. В: Константин Парчевский. *По русским углам*. Москва: ИВИ РАН: 138.
- Парчевский Константин. 2002б. *Лион*. В: Константин Парчевский. *По русским углам*. Москва: ИВИ РАН: 128.
- Парчевский Константин. 2002в. *Лионцы*. В: Константин Парчевский. *По русским углам*. Москва: ИВИ РАН: 132–133.
- Парчевский Константин. 2002г. *Лазурный берег*. В: Константин Парчевский. *По русским углам*. Москва: ИВИ РАН: 143.
- Парчевский Константин. 2002д. *Канн-ла-Бокка*. В: Константин Парчевский. *По русским углам*. Москва: ИВИ РАН: 156.
- Парчевский Константин. 2002е. *Ницца*. В: Константин Парчевский. *По русским углам*. Москва: ИВИ РАН: 171–176.
- Парчевский Константин. 2002ж. *Промышленность и торговля*. В: Константин Парчевский. *По русским углам*. Москва: ИВИ РАН: 176.
- Парчевский Константин. 2002з. *Живые и мертвые*. В: Константин Парчевский. *По русским углам*. Москва: ИВИ РАН: 207.
- Парчевский Константин. 2002и. *Нормандия*. В: Константин Парчевский. *По русским углам*. Москва: ИВИ РАН: 57.
- Парчевский Константин. 2002к. *Провинциальные беседы*. В: Константин Парчевский. *По русским углам*. Москва: ИВИ РАН: 67.
- Парчевский Константин. 2002л. *Вокруг Парижа*. В: Константин Парчевский. *По русским углам*. Москва: ИВИ РАН: 216–217.
- Петрова Татьяна. 2000. «Последние новости». В: *Литературная энциклопедия...* Т. 2. Москва: РОССПЭН: 319-329.
- Публицистика русского зарубежья (1920–1945)*. 1999. Сборник статей. Сост. Кузнецов И.В., Зеленина Е.В. Москва: Союзполиграфпром.
- Российское зарубежье во Франции 1919–2000*. 2010. *Биографический словарь: В 3 т.* Т. 2. Под общей ред. Мнухина Л., Авриль М., Лосской В. Москва: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой.
- Сид Игорь. 1996. «Основной вопрос геопоэтики». Доклад на первой международной конференции по геопоэтике. Москва: Крымский клуб. (online) <http://liter-net.lgb.ru/geopoetics/index.html> (доступ 29.01.2019).
- Струве Глеб. 1996. *Русская литература в изгнании*. Париж–Москва: «УМСА-Press»; «Русский путь».
- Эмиграция и репатриация в России*. 2001. Сост. Ионцев В.А., Лебедева Н.М., Назаров М.В., Огороков А.В. Москва: Попечительство о нуждах российских репатриантов.
- Bäcker Roman, Karpus Zbigniew. 2002. *Wstęp*. W: *Emigracja rosyjska. Losy i idee*. Red. Bäcker R., Karpus Z. Łódź: 6.

REFERENCES

- Abashev Vladimir Vasil'yevich. 2006. "Kakaya drevnyaya zemlya, kakaya dremuchaya istoriya, kakaya neissyakayemaya sila...": *Geopoetika kak osnova geopolityki* ["What an ancient land, what a dense history, what an inexhaustible power...": Geopoetics as the basis of geopolitics]. In: *Mikhail Osorgin: Khudozhnik i zhurnalist* [Mikhail Osorgin: Artist and Journalist]. Perm, Publishing house "Mobile". (In Russ.)
- Agenosov Vladimir. 1998. *Literatura russkogo zarubezh'ya* [Literature of the Russian Abroad]. Moscow, Terra. (In Russ.)
- Bäcker Roman, Karpus Zbigniew. 2002. *Wstęp*. In: *Emigracja rosyjska. Losy i idee*. Eds Bäcker R., Karpus Z. Łódź, p. 6. (In Polish)
- Belyayev Sergey Alekseyevich. 2002. *K.K. Parchevskiy i yego kniga "Po russkim uglam"* [K.K. Parchevsky and his book "On Russian Corners"]. In: Konstantin Parchevskiy. *Po russkim uglam* [In Russian corners]. Moscow, IVI RAS, p. 5. (In Russ.)
- Bunin Ivan Alekseyevich. 1996. *Gospodin iz San-Frantsisko* [Gentleman from San Francisco]. In: Ivan Alekseyevich Bunin. *Izbrannoye v dvukh tomakh*. Vol. 1: *Rasskazy. Predisloviye – stat'ya K. Parchevskogo "Ivan Bunin"* [Favorites in two volumes. Vol. 1: Stories. Preface – article by K. Parchevsky "Ivan Bunin"]. Moscow, Surf, pp. 344–368. (In Russ.)
- Emigratsiya i repatriatsiya v Rossii* [Emigration and repatriation in Russia]. 2001. Comp. Iontsev V.A., Lebedeva N.M., Nazarov M.V., Okorokov A.V.]. Moscow, Guardianship of the needs of Russian repatriates. (In Russ.)
- Korablev Aleksandr Aleksandrovich. 2015. *K voprosu o dvizhenii i prodvizhenii ponyatiya "geopoetika"* [To the issue of movement and promotion of the concept of "geopoetics"]. "Filologicheskkiye issledovaniya" [Philological Studies]. Vol. 14. Donetsk, DonNU, pp. 297–304. (In Russ.)
- Kuptsova Irina. 1999. *Khudozhestvennaya zhizn' "russkogo Parizha" na stranitsakh gazety "Posledniye novosti" (1920–1922 gg.)* [The artistic life of "Russian Paris" on the pages of the newspaper "Latest News" (1920–1922)]. In: *Kul'turnaya missiya rossiyskogo zarubezh'ya. Istoriya i sovremennost'* [Cultural Mission of Russian Abroad. History and modernity]. Repl. ed. Shulepova E.A.]. Moscow, Ros. Institute of Cultural Studies, pp. 170–176. (In Russ.)
- Literaturnaya entsiklopediya russkogo zarubezh'ya (1918–1940)* [Literary Encyclopedia of Russian Abroad (1918–1940)]. 2000. Vol. 2: *Periodika i literaturnyye tsentry* [Periodicals and literary centers]. Ed. and comp. Nikol'yukin A. Moscow, ROSSPEN. (In Russ.)
- Literaturnaya entsiklopediya russkogo zarubezh'ya (1918–1940)* [Literary Encyclopedia of Russian Abroad (1918–1940)]. 2000. Vol. 3: *Knigi* [Books]. Ed. and comp. Nikol'yukin A. Moscow, ROSSPEN. (In Russ.)
- Orekhova Tatiana. 1998. *Ocherki K.K. Parchevskogo o russkoy diaspore vo Frantsii v period mezhdu pervoy i vtoroy mirovymi voynami* [Essays by K.K. Parchevsky on the Russian diaspora in France between the first and second world wars]. In: *I.S. Shmelev i literaturnyy protsess nakunne XXI veka. 125 let so dnya rozhdeniya I.S. Shmeleva* [I.S. Shmelev and the literary process on the eve of the XXI century. 125 years since the birth of I.S. Shmeleva]. Ed. Tsygannik V.P. Simferopol–Alushta, p. 145. (In Russ.)
- Parchevskiy Konstantin. 2002. *Po russkim uglam* [In Russian corners]. Moscow, IVI RAS. (In Russ.)
- Parchevskiy Konstantin. 2002a. *Marsel'* [Marseilles]. In: Konstantin Parchevskiy. *Po russkim uglam* [In Russian corners]. Moscow, IVI RAS, p. 138. (In Russ.)
- Parchevskiy Konstantin. 2002b. *Lion* [Lyon]. In: Konstantin Parchevskiy. *Po russkim uglam* [In Russian corners]. Moscow, IVI RAS, p. 128. (In Russ.)
- Parchevskiy Konstantin. 2002v. *Lionsy* [Lionsy]. In: Konstantin Parchevskiy. *Po russkim uglam* [In Russian corners]. Moscow, IVI RAS, pp. 132–133. (In Russ.)

- Parchevskiy Konstantin. 2002g. *Lazurnyy bereg* [Cote d'azur]. In: Konstantin Parchevskiy. *Po russkim uglam* [In Russian corners]. Moscow, IVI RAS, p. 143. (In Russ.)
- Parchevskiy Konstantin. 2002d. *Kann-la-Bokka* [Cannes La Bocca]. In: Konstantin Parchevskiy. *Po russkim uglam* [In Russian corners]. Moscow, IVI RAS: 156. (In Russ.)
- Parchevskiy Konstantin. 2002ye. *Nitssta* [Nice]. In: Konstantin Parchevskiy. *Po russkim uglam* [In Russian corners]. Moscow, IVI RAS, pp. 171–176. (In Russ.)
- Parchevskiy Konstantin. 2002zh. *Promyshlennost' i trgovlya* [Industry and trade]. In: Konstantin Parchevskiy. *Po russkim uglam* [In Russian corners]. Moscow, IVI RAS, p. 176. (In Russ.)
- Parchevskiy Konstantin. 2002z. *Zhivyye i mertvyye* [The quick and the dead]. In: Konstantin Parchevskiy. *Po russkim uglam* [In Russian corners]. Moscow, IVI RAS, p. 207. (In Russ.)
- Parchevskiy Konstantin. 2002i. *Normandiya* [Normandy]. In: Konstantin Parchevskiy. *Po russkim uglam* [In Russian corners]. Moscow, IVI RAS, p. 57. (In Russ.)
- Parchevskiy Konstantin. 2002k. *Provintsial'nyye besedy* [Provincial Conversations]. In: Konstantin Parchevskiy. *Po russkim uglam* [In Russian corners]. Moscow, IVI RAS, p. 67. (In Russ.)
- Parchevskiy Konstantin. 2002l. *Vokrug Parizha* [Around Paris]. In: Konstantin Parchevskiy. *Po russkim uglam* [In Russian corners]. Moscow, IVI RAS, pp. 216–217. (In Russ.)
- Petrova Tat'yana. 2000. "Posledniye Novosti" [Last news]. In: *Literaturnaya entsiklopediya russkogo zarubezh'ya (1918–1940)* [Literary Encyclopedia of Russian Abroad (1918–1940)]. Vol. 2. Moscow, ROSSPEN, pp. 319–329. (In Russ.)
- Publitsistika russkogo zarubezh'ya (1920–1945)* [Publicism of the Russian Abroad (1920–1945)]. 1999. *Sbornik statey* [Digest of articles]. Comp. Kuznetsov I.V., Zelenina E.V. Moscow, Soyuzpolygraphprom. (In Russ.)
- Rossiyskoye zarubezh'ye vo Frantsii 1919–2000* [Russian abroad in France 1919–2000]. 2010. *Biograficheskiy slovar' v trekh tomach* [Biographical Dictionary in three volumes]. Vol. 2. Eds Mnukhina L., Avril M., Lossky V. Moscow, Science; House-Museum of Marina Tsvetaeva. (In Russ.)
- Sid Igor'. 1996. *Osnovnoy vopros geopoetiki* [The main issue of geopoethics]. Doklad na pervoy mezhdunarodnoy konferentsii po geopoetike [Report at the first international conference on geopoethics]. Moscow, Crimean club. Available at: <http://liter-net.lgb.ru/geopoethics/index.html> (Accessed 12 December 2019). (In Russ.)
- Struve Gleb. 1996. *Russkaya literatura v izgnanii* [Russian literature in exile]. Paris–Moscow, YMSA-Press; Russian way. (In Russ.)
- Vvedeniye v geopoetiku: odinochnyye ekspeditsii v okeane smyslov: Antologiya* [Introduction to geopoethics: single expedition in the ocean of meaning: An Anthology]. 2013. Comp. Sid I., Dyce C.J. Moscow, Art House Media, Crimean Club. (In Russ.)

DOI: <https://doi.org/10.31648/apr.5383>

Data przesłania artykułu: 10 stycznia 2020 r.

Data akceptacji artykułu: 8 marca 2020 r.

PISARZ NA WYGNANIU: WYMIARY EMIGRACJI W OPOWIADANIU VLADIMIRA NABOKOVA *ПИСЬМО В РОССИЮ*¹

Małgorzata Ulanek

Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie, Polska

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9599-6669>

E-mail: malgorzata.ulanek@poczta.umcs.lublin.pl

Streszczenie: Punktem wyjścia proponowanych rozważań jest koncepcja gatunku Michaiła Bachtina, zgodnie z którą gatunek wypowiedzi zakłada określony rodzaj istnienia w rzeczywistości oraz szczególną relację z odbiorcą. Utwór Nabokova *Письмо в Россию* jest pod tym względem opowiadaniem modelowym. Jego protagonista – autor tytułowego *Listu* – tematyzuje sytuację pisarza na wygnaniu i poddaje refleksji zarówno byt, jak i egzystencjalny (*бытийный*) wymiar emigracji. Czyni to, stosując dwojaką strategię. Po pierwsze, bohater-pisarz wykorzystuje chwyt właściwy dla samego Nabokova: poetyzuje przestrzeń Berlina i przeobraża siłą wyobraźni byt (codziennosc), sposób „zamieszkiwania” na ziemi (Heidegger), podkreślając rolę duchowego wymiaru istnienia człowieka jako źródła szczęścia. Po drugie, wybór gatunku listu – formy wypowiedzi intymnej – również stanowi swoistą strategię, która pozwala oswoić obcą rzeczywistość i aktualizować „ślad” przeszłości w samotnej codzienności na wygnaniu.

Słowa kluczowe: Nabokov, Berlin, emigracja rosyjska, szczęście, samotność, pamięć

¹ Tekst niniejszego artykułu (w wersji skróconej) został wygłoszony na Międzynarodowej Konferencji Naukowej nt. *Душа вещи: быт и бытие русской эмиграции в ее книгах, письмах и воспоминаниях*, organizowanej przez Instytut Słowiańszczyzny Wschodniej Uniwersytetu Warszawskiego w Olsztynie oraz Dom Rosyjskiej Zagranicy im. A. Sołżenicyna w Moskwie w dniach 22–23 października 2018 r.

Submitted on January 10, 2020

Accepted on March 08, 2020

**A WRITER IN EXILE: ASPECTS OF EMIGRATION
IN VLADIMIR NABOKOV'S SHORT STORY
*A LETTER THAT NEVER REACHED RUSSIA***

Małgorzata Ułanek

Maria Curie-Skłodowska University, Lublin, Poland

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9599-6669>

E-mail: malgorzata.ulanek@poczta.umcs.lublin.pl

Abstract: The starting point of the proposed considerations is Mikhail Bakhtin's notion of genre, according to which genre of an utterance presupposes a particular kind of existence in reality and a special relationship with the recipient. Nabokov's work *A Letter That Never Reached Russia* is a model short story in this respect. Its protagonist – the author of the eponymous *Letter*, topicalizes the writer's situation in exile and takes under consideration both being as well as existential (*bytijnyj*) aspect of emigration. It is achieved using a twofold strategy. First of all, the hero-writer uses a trick specific to Nabokov himself: he poeticizes Berlin's space and, with the power of imagination, transforms being (everyday existence), the manner of inhabiting the Earth (Heidegger), emphasizing the role of the spiritual aspect of human existence as a source of happiness. Secondly, choosing the epistolary genre – a form of intimate expression – is also a kind of strategy that allows familiarizing an alien reality and actualizing the “trace” of the past in a solitary everyday life in exile.

Keywords: Nabokov, Berlin, Russian emigration, happiness, loneliness, memory

Я занят странными мечтами
в часы рассветной полутьмы:
что, если б Пушкин был меж нами –
простой изгнанник, как и мы?

Vladimir Nabokov, *Изгнание*

Vladimir Nabokov spędził poza ojczyzną większą część swojego życia. Niezależnie od tego, gdzie mieszkał jako obywatel świata: w Europie czy Ameryce, każdy „przybrany” kraj² nie mógł dorównać prawdziwemu domowi – Petersburgowi i położonemu w jego pobliżu rodzinnemu majątkowi – Wyrze. Pisarz nazywał okres emigracji „dobrowolnym wygnaniem” i podkreślał, że wspomnienia o ojczyźnie nie mają charakteru tęsknoty za dobrami materialnymi, za majątkiem, lecz są nostalgią za utraconym dzieciństwem:

Mój zadawniony (datujący się od roku 1917) spór z dyktaturą sowiecką absolutnie nie dotyczy kwestii własności. Żywią bezbrzeżną pogardę dla emigrantów, którzy „nienawidzą bolszewików” za to, że „ukradli” im pieniądze i ziemię. Nostalgia odczuwana przeze mnie latami sprowadza się do hipertroficznego poczucia utraconego dzieciństwa, nie zaś żalu za utraconymi banknotami.

I wreszcie – zastrzegam sobie prawo do tęsknoty za niszą ekologiczną:

...Pod mej Ameryki niebem

Часто вздыхаю до siebie

За тым *jednym* закатком Росји [Nabokov 2004, 64].

Ważne miejsce w doświadczeniu emigracyjnym Nabokova-Sirina zajmuje Berlin, gdzie mieszkał przez 15 lat (1922–1937) i to właśnie tu zdobywał pozycję w kręgach literackich [*Русский Берлин* 2003, 279–282; Руссова 2010, 60–69], zyskując z jednej strony, miano oryginalnego, dojrzałego pisarza, nadającego sens całej rosyjskiej literaturze emigracyjnej [Берберова 2010, 401]; z drugiej zaś nazywany był synem kucharki, pospolitym dziennikarzem, umiejącym władać piórem [Иванов 1997, 210]. Niezależnie od skrajnych poglądów krytyki na twórczość Nabokova bez wątplenia zarówno jego sposób kreowania świata przedstawionego, jak i ciekawe rozwiązania w aspekcie samego gatunku opowiadania stanowią interesujący materiał analityczny oraz pozwalają prześledzić artystyczne poszukiwania poety i prozaika. W tym kontekście szczególne znaczenie zyskują słowa Michaiła Cetlina, który różnicował jakość poezji i prozy Sirina, a jednocześnie zwracał uwagę na ówczesny problem swoistej stagnacji w procesie rozwoju gatunku opowiadania:

² W jednym z wywiadów w odpowiedzi na pytanie, czy obcy kraj może stać się Ojczyzną, Nabokov odpowiedział: „Америка, моя приемная страна, ближе всего моим представлениям о доме” [Погребная 2018, 543]. Zob. także [NDiaye 2008, 167–176].

Стихи Сирина менее интересны и своеобразны, чем его проза. Но многие рассказы написаны мастерски. В последнее время внимание русских читателей сосредотачивалось на романах, вероятно, потому, что традиция типично русского рассказа требовала, чтобы в нем решительно ничего не происходило. Но рассказы Сирина читаются с захватывающим интересом. И не только те, в которых есть внешне занимательная фабула, как „Картофельный Эльф”, „Подлец” или „Пассажир”, но и те, где увлекает только интенсивность внутреннего переживания [Цетлин 1997, 213].

Punktem wyjścia proponowanych rozważań czynimy koncepcję gatunku Michaiła Bachtina, zgodnie z którą każdy gatunek wypowiedzi zorientowany jest na określony rodzaj istnienia w rzeczywistości i szczególną relację z odbiorcą³. Utwór Nabokova *Письмо в Россию* (1925)⁴ jest pod tym względem opowiadaniem modelowym, mającym wyraźny rys autobiograficzny. Jego protagonista – autor tytułowego *Listu* – tematyzuje sytuację pisarza na wygnaniu i poddaje refleksji zarówno byt, jak i egzystencjalny (*бытийный*) wymiar emigracji. Istotne jest przy tym to, że wskazane opowiadanie to fragment niedokończonej powieści Nabokova, zatytułowanej *Счастье* [Набоков 2013, 698], stanowiącej, wedle słów pisarza, „materiał” dla *Maszeńki* (*Машенька*, 1926). Zdaniem Briana Boyda powieść *Maszeńka* „odpowiadała na żywione przez licznych emigrantów pragnienie odświeżania sobie wspomnień dawnego szczęśliwego życia w przedrewolucyjnej Rosji” [Boyd 2006, 127]. W opowiadaniu *Письмо в Россию* sytuacja fabularna również nie ogranicza się do doświadczenia jednego człowieka: obraz bezimennego pisarza zyskuje wartość uniwersalną – staje się jakby głosem wszystkich pisarzy przebywających na obczyźnie. Potwierdzeniem tego jest chociażby użycie w opowiadaniu sformułowania „my, pisarze”⁵, odnoszące się, być może, także do adresatki „przesłania”. Bohater utworu rozpoczyna list od przypomnienia chwil spędzanych z ukochaną w ojczystym Petersburgu:

Друг мой далекий и прелестный, стало быть ты ничего не забыла за эти восемь с лишком лет разлуки, если помнишь даже седых, в лазоревых ливреях, сторожей, вовсе нам не мешавших, когда, бывало, морозным петербургским утром встречались мы в пыльном, маленьком, похожем на табакерку, музее Суворова. Как славно целовались мы за спиной воскового гренадера! А потом, когда выходили из этих старинных сумерек, как обжигали нас серебряные пожары

³ „Różne gatunki mowy mogą ujawniać różne warstwy i aspekty osobowości (...)” [Bachtin 1986, 353]. Zob. także [Nelson, Gayk 2019, 168–186].

⁴ W tłumaczeniu Vladimira Nabokova na język angielski – *A Letter That Never Reached Russia*, zaś w przekładzie Michała Kłobukowskiego na język polski – *List, który nigdy nie dotarł do Rosji*.

⁵ W wersji anglojęzycznej „authors in exile” [Nabokov 2016, 155].

Таврического сада и бодрое, жадное гаканье солдата, бросавшегося по команде вперед, скользившего на гололедице, втыкавшего с размаху штык в соломенный живот чучела, посредине улицы [Набоков 2013, 189–190]⁶.

Już w tym początkowym fragmencie opowiadania Nabokov wprowadza element gry z czytelnikiem: bohater opisuje przecież nie swoje wspomnienie, lecz odtwarza poprzedni list ukochanej. Wobec tego Petersburg i miłość pozostały niejako w innym świecie, w innym wymiarze, który nadal wabi pisarza, stanowi dla niego wartość. Wskazuje na to m.in. semantyka słowa *прелестный*, odsyłająca do czasowników *прельщать*, *обаять*, *манить* [Даль 1981, III, 393] i podkreślająca nieustanną tęsknotę za domem. Po tym mentalnym powrocie do wydarzeń sprzed ośmiu lat protagonista opowiadania obiecuje kobiecie, że nie będzie więcej wracał pamięcią do ich wspólnej przeszłości: „Странно: я сам решил, в предыдущем письме к тебе, не вспоминать, не говорить о прошлом, особенно о мелочах прошлого (...). Не о прошлом, друг мой, я хочу тебе рассказывать” [190]. W liście to on pragnie „przenieść” ukochaną do Berlina i podczas nocnego spaceru, niczym przewodnik, zaprezentować jej miasto i życie jego mieszkańców:

Сейчас – ночь. Ночью особенно чувствуешь неподвижность предметов – лампы, мебели, портретов на столе. Изредка за стеной в водопроводе всхлипывает, переливается вода, подступая как бы к горлу дома. Ночью я выхожу погулять. В сыром, смазанном черным салом берлинском асфальте текут отблески фонарей; в складках черного асфальта – лужи; кое-где горит гранатовый огонек над ящиком пожарного сигнала, дома – как туманы, на трамвайной остановке стоит стеклянный, налитый желтым светом, столб, – и почему-то так хорошо и грустно делается мне, когда в поздний час пролетает, визжа на повороте, трамвайный вагон – пустой: отчетливо видны сквозь окна освещенные коричневые лавки, меж которых проходит против движенья, пошатываясь, одинокий, словно слегка пьяный, кондуктор с черным кошелем на боку [190].

Przejście od jasnego, intymnego, niemalże cudownego Petersburga do nocnego, szarego, wilgotnego i samotnego Berlina niewątpliwie tworzy kontrast i sprawia, że miasto wygnania wartościowane jest negatywnie. Wypada zatem zgodzić się ze Swietłaną Russową, która konstatuje:

Если „воздушному”, „призрачному” Петербургу у Набокова изоморфны сияние, сверкание, серебристый и золотистый цвета, детский смех, восторг, величавость, изобилие, теплота и праздничность, то „приземленному”, „чересчур реальному”, „слишком материальному”, ненавистному Берлину в рассказах,

⁶ Wszystkie cytaty z utworu *Письмо в Россию* pochodzą z tego wydania i w tekście będą oznaczane w nawiasie kwadratowym z podaniem strony.

романах, мемуарах писателя соответствуют будничность, сумеречность, бледность, тусклость, сырость, холод, отсутствие тайны, из цветов – черный, белый, серый, тускло-оливковый, тускло-коричневый, нищета, каторжный труд, усталость, скука, неопрятность, грубая пища, примитивность, безвкусие, скудность, скупость, аляповатость, агрессивность и милитаризм [Руссова 2010, 65].

Berlin u Nabokova to więc negatyw Petersburga – przepelnionego we wspomnieniach bohatera szczęściem, młodzieńczą miłością, bez troską. Jednak, moim zdaniem, w opowiadaniu *Письмо в Россию* tylko w planie empirycznym, bytowym Berlin jest obcy i nieprzychylny dla emigranta. W podobny sposób zresztą miasto zostało przedstawione w *Проводнику по Берлине* (*Путеводитель по Берлину*, 1925) – innym opowiadaniu Nabokova, w którym niemiecka stolica postrzegana jest przez jednego z bohaterów jako „nudna i obca” („Скучный, чужой город. И жить в нем дорого...” [Набоков 2013, 210]). Tymczasem miasto widziane oczami protagonisty *Проводника* zyskuje charakterystykę wyjątkowego, egzotycznego, ale nie obcego, bowiem w „akcie indywidualnej twórczości”⁷, ponad przestrzeń empiryczną (tramwajów, oberży, ogrodu zoologicznego) kreuje on nową przestrzeń – niezwykłą dla wrażliwego artysty/pisarza i oswojoną, bliską nawet emigrantowi [Ułanek 2019, 59–71]. Tak też dzieje się w opowiadaniu *Письмо в Россию*: bohater-pisarz wykorzystuje chwyt właściwy dla samego Nabokova – poetyzuje przestrzeń Berlina i przeobraża siłą wyobraźni codzienność bytu:

А знаешь ли, с каким великолепным грохотом промахивает через мост, над улицей, освещенный, хохочущий всеми окнами своими поезд? Вероятно, он дальше предместья не ходит, но мрак под черным сводом моста полон в это мгновенье такой могучей чугунной музыки, что я невольно воображаю теплые страны, куда укачу, как только добуду те лишних сто марок, о которых мечтаю – так благодушно, так беззаботно [191].

Wrażliwe spojrzenie pisarza pozwala mu dostrzec magię i niezwykłość w zdawałoby się nieznaczących elementach opisywanej przestrzeni: witrynie sklepu, budynku kina, tańcach w kawiarni czy wizerunku konduktora w pustym tramwaju. Służy temu również sposób percepcji nocnego miasta: gra światła i cieni, paleta barw, nagromadzenie różnorodnych dźwięków. Taka strategia przeobrażania rzeczywistości, podobnie jak w *Проводнику по Берлине*, sprzyja oswojeniu obcej

⁷ Nabokov wielokrotnie podkreślał wyższość świata kreowanego/wyobrażanego (marzenie, sen) nad światem realnym: „(...) paradoks polega na tym, że rzeczywiste, autentyczne są oczywiście tylko te światy, które wydają się niezwykle. (...) Rzeczywistość przeciętna zaczyna gnić i cuchnąć, skoro tylko a k t i n d y w i d u a l n e j t w ó r c z o ś c i i przestaje ożywiać subiektywnie postrzeganą strukturę” [Nabokov 2016, 132; wyróż. M.U.].

rzeczywistości. Martin Heidegger powiada, że sens bycia człowieka w świecie jest „stanem zamieszkiwania” i winien być rozumiany jako akt osvajania, który służy pokonaniu obcości. Zdaniem filozofa pomocny okazuje się w tym procesie język źródłowej przestrzenności, czyli „język bycia” – wyrażania pierwotnego sensu „posiadania domu”, „bycia u siebie”; jest to język pozwalający nie tylko mówić o przestrzeni, lecz także egzystencjalnie tematyzować tę przestrzeń [Heidegger 1974, 139–140; Buczyńska-Garewicz 2005, 11]. Warto w związku z tym podkreślić, że protagonista opowiadania Nabokova neguje oczekiwania wobec pisarzy emigrantów – nosicieli słowa: „(...) ведь нам, писателям, должна быть свойственна возвышенная стыдливость слова, а меж тем я сразу же, с первых же строк, пренебрегаю правом прекрасного несовершенства” [190]. „Buntowniczą” postawę bohatera-emigranta, chociażby w zakresie sposobu posługiwania się językiem, można traktować jako odpowiedź na nijaką codzienność i wyraz pragnienia pisarza, by wznieść się na poziom wyższy, duchowy⁸. W jednym z wywiadów Vladimir Nabokov oświadczył: „Искусство – это изгнание”, zaś zapytany przez Nurit Beretsky: „Беженец – человек, у которого нет корней?”, odpowiedział: „Отсутствие корней менее важно, чем дозволенная возможность расти и цвести в полной – и очень приятной – пустоте” [Погребная 2018, 543]⁹. W analizowanym opowiadaniu mamy więc do czynienia z dwoma wymiarami emigracji: pierwszy związany jest z *bytem*, drugi – z *byciem*. Twórcza wyobraźnia bohatera utworu *Письмо в Россию* pozwala z pewnością ukazać inny wymiar doświadczenia emigracji, duchowy wymiar istnienia człowieka, akcentujący jego pierwotną potrzebę poszukiwania szczęścia, pokonywania samotności, odczuwania tęsknoty za domem i drugim człowiekiem. Można by mnożyć przykłady, podążając za autorem listu: samotny konduktor w tramwaju czy mężczyzna wracający z pracy do domu, w którym nikt na niego nie czeka. Warto przytoczyć historię samobójstwa staruszki, opisywaną przez bohatera:

В такую ночь на православном кладбище, далеко за городом, покончила с собой на могиле недавно умершего мужа семидесятилетняя старушка. Утром я случайно побывал там, и сторож, тяжкий калека на костылях, скрипевших при каждом размахе тела, показал мне белый невысокий крест, на котором старушка повесилась, и приставшие желтые ниточки там, где натерла веревка

⁸ Nina Berberowa podkreślała, że problemem „młodych” pisarzy emigracyjnych jest brak stylu, niemożność jego odnowy. Jej zdaniem Vladimir Nabokov jako pierwszy przeszedł tę twórczą metamorfozę – stworzył nowy styl literacki i nowego czytelnika [Berberowa 2010, 403].

⁹ W swej autobiografii pisarz wspomina po latach: „Kiedy dziś patrzę wstecz na owe lata wygnania, widzę, że wiodłem, wraz z tysiącami innych Rosjan, dziwny, lecz całkiem miły żywot, w niedostatku materialnym i intelektualnym zbytku (...)” [Nabokov 2004, 247–248].

(„новенькая”, – сказал он мягко). Но таинственнее и прелестнее всего были серповидные следы, оставленные ее маленькими, словно детскими, каблучками в сырой земле у подножья. „Потопталась маленько, а так, – чисто”, заметил спокойно сторож, – и, взглянув на ниточки, на ямки, я вдруг понял, что есть детская улыбка в смерти [192; wyróż. M.U.].

Mogłoby się wydawać, że to tragiczne wydarzenie, nieprzypadkowo na rosyjskim cmentarzu, jeszcze bardziej pogłębia dramatyczną sytuację człowieka – emigranta z Rosji. Jednak i tu zaakcentowano dwuwymiarowość ludzkiej egzystencji: życie – śmierć, doczesność – wieczność, byt – bycie. Dla protagonisty opowiadania śmierć staruszki związana jest z tajemnicą – aktem przejścia (dążenia) do wieczności, a jednocześnie z powrotem do dziecięcości, utożsamianej z czystością, niewinnością (dziecięce ślady, dziecięcy uśmiech w śmierci). O takim powrocie czytamy wszakże w ewangelicznym wezwaniu: „(...) если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное” [Библия 2007, 1034, Мф 18: 3]. Wobec tego w opowiadaniu *Письмо в Россию* samobójstwo kobiety wiąże się z uniwersalną sytuacją antropologiczną, z przeświadczeniem, że człowiek jest stworzony do szczęścia. Przywołajmy w związku z tym refleksję Maxa Schelera, wyróżniającego cztery poziomy uczuć. Jednym z nich – poziomem najważniejszym – są *czysto-duchowe uczucia metafizyczno-religijne*, do których filozof zalicza m.in. szczęśliwość [Scheler 1994, 7–8]. To w tych uczuciach, jak powiada Scheler, ujawnia się „doskonalenie i obniżanie własnej wartości naszej duchowo-psychicznej *osoby*” [Scheler 1994, 9]. W opowiadaniu Nabokova to właśnie kategoria szczęścia okazuje się kluczowa:

Быть может, друг мой, и пишу я все это письмо только для того, чтобы рассказать тебе об этой легкой и нежной смерти. Так разрешилась берлинская ночь. Слушай, я совершенно счастлив. Счастье мое – вызов. Блуждая по улицам, по площадям, по набережным вдоль канала, – рассеянно чувствуя губы сырости сквозь дырявые подошвы, – я с гордостью несу свое необъяснимое счастье [192].

Autor listu do ukochanej/do Rosji koncentruje uwagę na tym, co jest dla niego źródłem przyjemności i impulsem do wspomnień – powrotu do dawnej bez troski. Stąd w relacji z nocnego spaceru wielokrotnie pojawiają się sformułowania typu: lubię czasem posłuchać, lubię obserwować, z przyjemnością patrzę. Nie bez przyczyny opisuje on nocne życie miasta, kiedy ujrzeć można więcej: „Ночью особенно чувствуешь неподвижность предметов (...)” [190]. (Nocna) Statyczność przedmiotów uruchamia inny poziom percepcji codzienności. Berlin zyskuje aurę wspaniałości, gdyż pisarz dostrzega i wartościuje m.in. niezwykłą chwilę zapalanego światła, gdy ktoś wraca do domu („засияет на одну удивительную минуту мягкий свет” [190]), wspaniały turkot pociągu („великолепный грохот поезда” [191]),

cudowną, lśniącą łzę spływającą po policzku dziewczyny („чудесная глицериновая слеза” [191]), urokliwe ślady obcasów martwej staruszki [192]. Są to przejawy szczęścia, zaś jego prawdziwym źródłem stają się intuicja wieczności i Boska szczodrość. Szczęście dla bohatera to doświadczanie tej szczodrości, otwartość na nią, intencja, by ją odczuć i, dostrzegając, ogarnąć: „А иногда появится, – и это, разумеется, божественно, – сама жизнь, которая не знает, что снимают ее, – случайная толпа, сияющие воды, беззвучно, но зримо шумящее дерево” [191]. Pisarz-emigrant żyje zatem w wymiarze duchowym i to właśnie w tej sferze, w „intelektualnym zbytku” [Nabokov 2004, 248], przed nim i przed innymi „wygnańcami” otwierają się możliwości budowania oraz doświadczania szczęścia.

Istotny w związku z tym okazuje się u Nabokova wybór gatunku listu – formy wypowiedzi intymnej, również stanowiący swoistą strategię, która sprzyja myśleniu o problemie doświadczania emigracji. Chociaż w liście bohater deklaruje odejście od osobistych wspomnień, to jednak przyjęta forma gatunkowa jest sensotwórcza: pozwala odnowić relację z nieobecną ukochaną oraz aktualizować „ślad” przeszłości w samotnej codzienności na wygnaniu. W ten sposób pisarz osiąga stan szczęśliwości czy też, jak to określa Maxim Shrayer, „stan nieziemskiego szczęścia” [Shrayer 1999, 296]. Natomiast strategia wspomnieniowa, która przecież zostaje przez bohatera zanegowana poprzez obietnicę złożoną ukochanej, znajduje kontynuację na innej płaszczyźnie. Pisarz posługuje się cytatami z Puszkina: „Помнишь, как Пушкин написал о вальсе: «однообразный и безумный»”; „чета мелькает за четой”¹⁰ [192]. Tego typu przywołanie przeszłości (także literackiej) pozwala z jednej strony zwrócić uwagę na krótkotrwałość, ulotność tego, co doczesne, a z drugiej – podkreślić wartość tego, co pozostaje niezmiennie i co w owej prostej szczodrości otacza ludzką samotność¹¹:

Прокатят века, – школьники будут скучать над историей наших потрясений, – все пройдет, все пройдет, но счастье мое, милый друг, счастье мое останется,

¹⁰ Odnajdujemy tu odwołanie do *Eugeniusza Oniegina*: „Однообразный и безумный, // Как вихорь жизни молодой, // Кружится вальса вихорь шумный; // Чета мелькает за четой. // К минуте мщенья приближаясь, // Онегин, втайне усмехаясь, // Подходит к Ольге” [Пушкин 1975, 100]. Według Aleksandra Dolinina Nabokov polemizuje w tym miejscu z Andriejem Bielum, krytykującym ówczesną modę na fokstrotą: „Цитатой из «Евгения Онегина» Набоков подчеркивает, что для него нет существенной разницы между «однообразным и безумным» вальсом пушкинской эпохи и фокстротом современных танцевальных залов: «простое человеческое веселье» остается неизменным, какие бы исторически изменчивые средства выражения оно себе ни находило” [Долинин 2004, 182; wyróż. M.U.].

¹¹ W tej samotności bohater Nabokova często odnajduje spełnienie, radość czy wolność, jak np. w wierszu *Есть в одиночестве свобода* (1921).

– в мокром отражении фонаря, в осторожном повороте каменных ступеней, спускающихся в черные воды канала, в улыбке танцующей четы, во всем, чем Бог окружает так щедро человеческое одиночество [192–193].

Na zakończenie warto dodać, że problem i kategoria szczęścia stały się przedmiotem refleksji w twórczości innych pisarzy emigracyjnych, np. Gajto Gazdanowa, często porównywanego z Vladimirem Nabokovem. Autor opowiadania *Счастье* (1932) prezentuje dwa sposoby postrzegania świata oraz rozumienia szczęścia przez ojca i syna. Przy tym ważne jest to, że ojciec – optymista i marzyciel, który, wedle słów syna, „(...) родился, чтобы быть счастливым” [Газданов 2009, 348], pojmując istotę szczęścia dopiero wtedy, gdy traci wzrok, gdy we śnie wyraźnie widzi rzekę, drzewa, nawet gwiazdy w ciągu dnia. Sens odzyskanego szczęścia w utworze Gazdanova [Cymborska-Leboda 2018, 170–172], podobnie jak u Nabokova, związany jest z mentalnym powrotem do dzieciństwa oraz z intuicją wieczności. Wszystko bowiem przemienie zmiecione przez „wicher czasu”, jednak w wielkości Boga, w Jego szczodrości i wiecznym trwaniu szczęście będzie trwać.

BIBLIOGRAFIA

- Bachtin Michaił. 1986. *Estetyka twórczości słownej*. Przeł. Ulicka D. Oprac. przekł. i wstęp Czaplejewicz E. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.
- Boyd Brian. 2006. *Nabokov. Dwa oblicza*. Oprac. i przeł. Sadkowski W. Warszawa: Wydawnictwo Książkowe Twój Styl.
- Buczyńska-Garewicz Hanna. 2005. *Język przestrzeni u Heideggera (I)*. „Teksty Drugie” nr 4: 9–28.
- Heidegger Martin. 1974. *Budować, mieszkać, myśleć*. Przeł. Michalski K. „Teksty. Teoria literatury, krytyka, interpretacja” nr 6 (18): 137–152.
- Nabokov Vladimir. 2004. *Pamięci, przemów. Autobiografia raz jeszcze*. Przeł. z ang. Kołyszko A. Posł. opatr. Engelking L. Warszawa: Warszawskie Wydawnictwo Literackie MUZA SA.
- Nabokov Vladimir. 2016. *Collected Stories*. London: Penguin Books.
- Nabokov Vladimir. 2016. *Własnym zdaniem*. Przeł. Szczubiałka M. Warszawa: Aletheia.
- NDiaye Iwona Anna. 2008. *Hipertrofia tęsknoty za utraconym domem w poezji emigrantów rosyjskich „pierwszej fali”*. Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie.
- Nelson Ingrid, Gayk Shannon. 2019. *Gatunek jako forma życia*. Przeł. Grochowski G. „Teksty Drugie” nr 3: 168–186.
- Scheler Max. 1994. *Cierpienie, śmierć, dalsze życie. Pisma wybrane*. Przeł. wstępem i przyp. opatr. Węgrzecki A. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Shrayer Maxim D. 1999. *The World of Nabokov's Stories*. Austin: University of Texas Press.
- Ułanek Małgorzata. 2019. *Oswajanie Berlina: strategie pisarskie w opowiadaniu Vladimira Nabokova „Przewodnik po Berlinie”*. „Slavia Orientalis” nr 1: 59–71.

Берберова Нина Николаевна. 2010. *Курсив мой*. Москва: Издательство Астрель.

Библия, или Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. 2007. Киев: Издание Свято-Успенской Киево-Печерской Лавры.

- Газданов Гайто. 2009. *Собрание сочинений: В 5 т. Т. 2: Роман. Рассказы. Документальная проза*. Под. общ. ред. Красавченко Т.Н. и др. Москва: Эллис Лак.
- Даль Владимир 1981. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 3. Москва: Русский язык.
- Долинин Александр. 2004. *Истинная жизнь писателя Сирина. Работы о Набокове*. Санкт-Петербург: Академический проект.
- Иванов Георгий. 1997. В. Сирин. «Машенька», «Король, дама, валет», «Защита Лужина», «Возвращение Чорба». В: *Владимир Набоков: pro et contra*. Т. 1. Сост. Аверина Б., Маликовой М., Долинина А., Комментар. Белодубровского Е., Левинтона Л., Маликовой М., Новикова Н. Санкт-Петербург: Издательство РХГА: 209–211.
- Набоков Владимир. *Изгнание*. (online): https://45parallel.net/vladimir_nabokov/stihi/#izgnane (доступ 28.09.2018).
- Набоков Владимир. 2013. *Полное собрание рассказов*. Сост. Бабииков А. Предисл. Набоков Д. Санкт-Петербург: Азбука.
- Погребная Яна. 2018. *Тема изгнания и концепция искусства в неизвестном интервью В.В. Набокова: Интервью Нурит Берецки для израильской газеты «Маарив» (январь, 1970)*. «Бюллетень науки и техники» № 4: 531–547.
- Пушкин Александр Сергеевич. 1975. *Евгений Онегин*. В: *Собрание сочинений: В 10 т. Т. 4: Евгений Онегин. Драматические произведения*. Прим. Благого Д.Д., Бонди С.М. Москва: Художественная литература: 7–180.
- Русский Берлин*. 2003. Сост. предисл. и персоналии Сорокиной В.В. Москва: Издательство Московского университета.
- Руссова Светлана. 2010. *По Берлину. В поисках следов исчезнувших цивилизаций*. Москва: Языки славянских культур.
- Цетлин Михаил. 1997. В. Сирин. *Возвращение Чорба. Рассказы и стихи*. В: *Владимир Набоков: pro et contra*. Т. 1. Сост. Аверина Б., Маликовой М., Долинина А. Комментар. Белодубровского Е., Левинтона Г., Маликовой М., Новикова В. Санкт-Петербург: Издательство РХГА: 212–213.
- Цимборска-Лебода Мария. 2018. *Между билингвизмом и интертекстуальностью (чужое слово как подтекст). От Бердяева до Газданова*. «Educatio Nova» nr 3: 159–174.

REFERENCES

- Bachtin Michail. 1986. *Estetyka twórczości słownej*. Trans. Ulicka D. Adapt. trans. and preface Czaplejewicz E. Warsaw, Państwowy Instytut Wydawniczy. (In Polish)
- Berberova Nina Nikolaevna. 2010. *Kursiv moj* [The Italics are Mine]. Moscow, Izdatel'stvo Astrel'. (In Russ.)
- Bibliá, ili Knigi Svâshennogo Pisaniâ Vethogo i Novogo Zaveta* [The Holy Bible. Old and New Testaments]. 2007. Kiev, Izdanie Svâto-Uspenskoj Kievo-Pečerskoj Lavry. (In Russ.)
- Boyd Brian. 2006. *Nabokov. Dwa oblicza*. Adapt. and trans. Sadkowski W. Warsaw, Wydawnictwo Książkowe Twój Styl. (In Polish)
- Buczyńska-Garewicz Hanna. 2005. *Język przestrzeni u Heideggera (I)*. “Teksty Drugie” no 4, pp. 9–28. (In Polish)
- Cetlin Mihail. 1997. *V. Sirin. Vozvrašenie Ćorba. Rasskazy i stihy* [V. Sirin: The Return of Chorb. Short Stories and Poems]. In: *Vladimir Nabokov: pro et contra*. Vol. 1. Eds Averin B., Malikova M., Dolinin A. Notes by Belodubrovskij E., Levinton G., Malikova M., Novikov V. Saint Petersburg, Izdatel'stvo RHGA, pp. 212–213. (In Russ.)

- Cymborska-Leboda Maria. 2018. *Meжду билингвизмом и интертекстуальностью (чужое слово как подтекст). От Бердяева до Газданова* [Between Bilingualism and Intertextuality (the Other Word as a Subtext). From Berdyaev to Gazdanov]. "Educatio Nova" no 3, pp. 159–174. (In Russ.)
- Daľ Vladimir. 1981. *Tolkovyj slovar' živogo velikoruskogo ŗzyka*. Vol. 3 [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. Vol. 3]. Moscow, Russkij ŗzyk. (In Russ.)
- Dolinin Aleksandr. 2004. *Istinnaŗ ŗizn' pisatelŗ Sirina. Raboty o Nabokove* [The Real Life of The Writer Sirin. Works about Nabokov]. Saint Petersburg, Akademičeskij proekt. (In Russ.)
- Gazdanov Gajto. 2009. *Sobranie sočinenij: V 5 Vol. Vol. 2: Roman. Rasskazy. Dokumental'naŗ proza* [Collected Works: 5 volumes. Vol. 2: Novel. Short Stories. Documentary Prose]. Ed. Krasavčenko T.N. et al. Moscow, Ęllis Lak. (In Russ.)
- Heidegger Martin. 1974. *Budować, mieszkać, myśleć*. Trans. Michalski K. "Teksty. Teoria literatury, krytyka, interpretacja" no 6 (18), pp. 137–152. (In Polish)
- Ivanov Georgij. 1997. *V. Sirin. "Mašen'ka", "Korol', dama, valet", "Zašita Lužina", "Vozvrašenie Ćorba"* [V. Sirin. "Mary", "King, Queen, Knave", "The Defense", "The Return of Chorb"]. In: *Vladimir Nabokov: pro et contra*. Vol. 1. Eds Averin B., Malikova M., Dolinin A. Notes by Belodubrovskij E., Levinton G., Malikova M., Novikov V. Saint Petersburg, Izdatel'stvo RHGA, pp. 209–211. (In Russ.)
- Nabokov Vladimir. *Izgnan'e* [Exile]. Available at: https://45parallel.net/vladimir_nabokov/stihi/#izgnane (Accessed 28 September 2018). (In Russ.)
- Nabokov Vladimir. 2004. *Pamięci, przemów. Autobiografia raz jeszcze*. Trans. Kołyszko A. Afterword by Engelking L. Warsaw, Warszawskie Wydawnictwo Literackie MUZA SA. (In Polish)
- Nabokov Vladimir. 2013. *Polnoe sobranie rasskazov* [The Complete Short Stories]. Ed. Babikov A. Preface by Nabokov D. Saint Petersburg, Azbuka. (In Russ.)
- Nabokov Vladimir. 2016. *Collected Stories*. London, Penguin Books.
- Nabokov Vladimir. 2016. *Własnym zdaniem*. Trans. Szczubiałka M. Warsaw, Aletheia. (In Polish)
- NDiaye Iwona Anna. 2008. *Hipertrofia tęsknoty za utraconym domem w poezji emigrantów rosyjskich „pierwszej fali"*. Olsztyn, Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie. (In Polish)
- Nelson Ingrid. Gayk Shannon. 2019. *Gatunek jako forma życia*. Trans. Grochowski G. "Teksty Drugie" no 3, pp. 168–186. (In Polish)
- Pogrebnaŗ łna. 2018. *Tema izgnaniŗ i koncepcia iskusstva v neizvestnom interv'ŗ V.V. Nabokova: Interv'ŗ Nurit Berecki dlŗ izrail'skoj gazety "Maariv" (ŗнвар', 1970)* [The Theme of "Exile" and the Concept of Art in an Unknown Interview Nabokov: an Interview with Nurit Beretsky for the Israeli Newspaper "Maariv" (January 1970)]. "Bŗlleten' nauki i tehniki" no 4, pp. 531–547. (In Russ.)
- Puškin Aleksandr Sergeevič. 1975. *Evgenij Onegin* [Eugene Onegin]. In: *Sobranie sočinenij: V 10 Vol. Vol. 4: Evgenij Onegin. Dramatičeskie proizvedeniŗ* [Collected Works in 10 volumes. Vol. 4: Eugene Onegin. Dramatics Works]. Notes by Blagoj D.D., Bondi S.M. Moscow, Hudoŗestvennaŗ literatura, pp. 7–180. (In Russ.)
- Russkij Berlin* [Russian Berlin]. 2003. Select., preface by Sorokina V.V. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russ.)
- Russova Svetlana. 2010. *Po Berlinu. V poiskah sledov isčeznuvših civilizacij* [Around Berlin. In Search of Traces of Lost Civilizations]. Moscow, łzyki slavŗnskikh kul'tur. (In Russ.)
- Scheler Max. 1994. *Cierpienie, śmierć, dalsze życie. Pisma wybrane*. Trans., preface and notes by Węgrzecki A. Warsaw, Wydawnictwo Naukowe PWN. (In Polish)
- Shrayer Maxim D. 1999. *The World of Nabokov's Stories*. Austin, University of Texas Press. (In English)
- Ułanek Małgorzata. 2019. *Oswajanie Berlina: strategie pisarskie w opowiadaniu Vladimira Nabokova "Przewodnik po Berlinie"*. "Slavia Orientalis" no 1, pp. 59–71. (In Polish)

DOI: <https://doi.org/10.31648/apr.5384>

Дата подачи статьи: 14 ноября 2019 г.

Дата принятия к печати: 8 марта 2020 г.

ДРУГИЕ БЕРЕГА ВЛАДИМИРА НАБОКОВА В ПЕРСПЕКТИВЕ ГЕОПОЭТИКИ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ ЭМИГРАЦИИ

Svetlana Garziano

Université Jean Moulin Lyon 3, France

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8617-4663>

E-mail: svetlana.garziano@univ-lyon3.fr

Аннотация: В данной статье изучаются некоторые принципы автобиографизма набоковской геопоэтики, которые заложены не только в семантике названия произведения, но также прослеживаются в структуре текста и его структурирующих тематических мотивах (воображаемое путешествие в прошлое, образ заснеженной России эпохи Серебряного века, эмиграция как послание в изгнании). Текстологический анализ автобиографии *Другие берега* показывает важность концептов пространства, времени и памяти, персонифицированного в образе персонажа Мнемозины, для осмысления географической жизнетворческой поэтики эмиграции. Исторический ход времени, разрушенный Русской революцией, создает независимые блоки памяти в процессе творческой работы автобиографа. Парадокс литературной памяти заключается в том, чтобы сохранить непрерывность времени и в то же время обеспечить его исторически-эпохальную разрывность и делимость. Биографический и поэтический путь представлен у В. Набокова как восхождение от прошлого к настоящему-будущему, от прожитого к воображаемому, от биографического к поэтическому, пространство жизни превращается в художественное пространство.

Ключевые слова: В. Набоков, *Другие берега*, геопоэтика, автобиографическая поэтика, изгнание, русская эмиграция

Submitted on November 14, 2019

Accepted on March 8, 2020

VLADIMIR NABOKOV'S *OTHER SHORES* IN PERSPECTIVE OF THE FIRST WAVE OF EMIGRATION

Svetlana Garziano

Jean Moulin Lyon 3 University, France

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8617-4663>

E-mail: svetlana.garziano@univ-lyon3.fr

Abstract: Vladimir Nabokov's autobiography *Other Shores* written in Russian and edited in 1954 by an émigré publishing house serves as a good example for considering the concept of geopoetics based on the example of the cultural and historical phenomenon of the first wave of emigration. The paper intends to study the poetics of Nabokov's autobiography, which is not only laid down in the semantic meanings of the title of the work but also can be traced in the structure of the text and its structuring thematic motifs (travels in childhood, the image of Russia, emigration, exile, etc.).

Keywords: Vladimir Nabokov, *Other Shores*, geopoetics, autobiographical poetics, exile, Russian emigration

Географическая поэтика русской эмиграции связана с проникновением в жизненно-чуждую среду, на чужие, другие берега. Применяя миграционный концепт к Русскому зарубежью, можно заметить, что геопоэтическая одиссея, некий исход на чужую землю не только были спровоцированы внешними историческими событиями, такими, как Первая мировая война, революции, гражданская война, но и внутренне заложены и запрограммированы поэтикой культуры Серебряного века. Целесообразно выдвинуть гипотезу, по которой двуплановость, двойственность, раздвоение русской литературы на две составляющие и сопряженный с ними уход, отстранение в другое, иное, даже былинно-сказочное пространство предопределено символистской моделью понимания литературы на рубеже XIX–XX веков. В качестве примера мы можем привести предисловие к стихотворному сборнику *Память* И.Н. Голенищева-Кутузова, в котором Вяч. Иванов определяет себя, Н. Гумилева («наша погибшая великая надежда» [Голенищев-Кутузов 1935, 5]) и автора

сборника как «земляк<ов> по баснословному краю, по тридевятому царству Жар-Птицы и Серого Волка, откуда все трое родом» [Голенищев-Кутузов 1935, 5]. Можно также вспомнить о бинарной концепции русской литературы XX века, предложенной Ириной Одоевцевой в мемуарах *На берегах Невы* (1967) и *На берегах Сены* (1983), в названии которых можно также найти определенный параллелизм с набоковской автобиографией *Другие берега*.

Во многих мемуарных текстах эмиграции географический принцип занимает основополагающее место. Как, например, пророчески писал Дон Аминадо в воспоминаниях *Поезд на третьем пути*, вышедших как и *Другие берега* в 1954 году в нью-йоркском издательстве им. Чехова:

Тираж рос, подписчиков хоть отбавляй, отдел объявлений работал до отказа, и в пятом часу утра уже на парижских вокзалах грузились кипы свежих, вкусно пахнувших типографической краской номеров, с заманчивой бандеролью: – Лион, Марсель, Гренобль, Нью-Йорк, Белград, Вена, София, Истамбул, Англия, Швейцария, Испания, Алжир... полный курс географии, до Гонолулу включительно.

«Дубовый листок оторвался от ветки родимой», и судьба раскидала людей по всему лицу земли.

Отсюда и география [Дон Аминадо 1954, 310].

Или же другой пример, взятый из романа *Ротонда* (название которого является своеобразной метонимией эмиграции), опубликованного И. Сургучевым в издательстве «Возрождение» в 1928 году. Главный герой произведения, дирижер оркестра в театре лилипутов, пишет следующее в письме к антверпенской девушке, объясняя ей историческое прошлое своего поколения:

Вы, конечно же, из географии знаете Черное море и Крымский полуостров. Вот однажды лет десять тому назад, от этого полуострова отвалило шестьдесят больших, перегруженных кораблей. На них поплыли: генералы, офицеры, солдаты, архиереи, писатели, священники, художники, адвокаты, газетчики, купцы, нотариусы, актеры, музыканты и множество женщин. Высадившись на чужом берегу, эти люди повели неслыханный маскарад. (...) Вы в Европе живете и не замечаете, сколько около вас ряженных и загримированных людей. Бал затянулся слишком долго, но танцевальная зала заперта на ключ и выхода нет. В зале уже жарко, буфеты – опустошены, а музыка играет. У этих людей создалась маскарадная психология и даже в их искусстве укрепились маскарадные тенденции [Сургучев 1952, 37].

С одной стороны, Эмиграция представляется нам уникальным Монпарнасом Серебряного века, по удачному выражению Сергея Маковского [Маковский 1962], с другой же, феномен эмиграции может быть осмыслен посредством

знаковой метафоры исчезнувшей и множественно проявившейся на Западе России–Атлантиды, как это выражено, например, в поэтической формуле, приведенной в стихотворении *Ось земную пальцами пропеллер* (1932) из сборника *Лебединая карусель*, одной из поэтесс молодого поколения Аллы Головиной: «И музейно выпуклые земли / Стали как созвездье Атлантид» [«Скит» 2006, 452].

В самом конце очерка *Клим Самгин*, опубликованного в 7–8 номере «Чисел», Н. Оцуп, сравнивая память Горького с прустовской, отмечает: «Память Пруста, как молния, озаряет крохотную деталь» [Оцуп 1933, 183]. Внизу этой страницы, в экземпляре, принадлежавшем Алле Головиной и хранящемся в Медонской библиотеке (в настоящее время, Иезуитский славянский фонд г. Лиона), мы находим приписку, сделанную рукой самой поэтессы: «память Набокова тоже особенно чудесна (Мнемозина)».

Начиная с конца 1952 года В. Набоков работает над автобиографией *Другие берега*, которая выйдет в издательстве имени Чехова (Нью-Йорк) в 1954 году. Эта автобиография может послужить уникально-наглядным примером для рассмотрения концепта геопозтики на примере культурно-исторического феномена первой волны эмиграции.

Перевоплощение времени в пространство и тот же самый процесс в обратную сторону как бы уничтожают исторический ход времен, создавая вневременное пространство художественного творчества, позволяющее их иное осмысление: «Далеко я забрел, – однако бывшее у меня все под боком, и частица грядущего тоже со мной» [Набоков 1978, 128]. В данной цитате мы можем найти некоторый параллелизм с бердяевской идеей прошлого как чреватого будущим:

В памяти есть воскрешающая сила, память хочет победить смерть. И наступало мгновение, когда я вновь вспоминал забытое. Память эта имела активно-преображающий характер. Я не принадлежу к людям, обращенным к прошлому, я обращен к будущему. И прошлое имеет для меня значение, как чреватое будущим,

– пишет Н. Бердяев в философской автобиографии *Самопознание* [Бердяев 1949, 10].

В четвертой главе процесс воспоминания осуществляет функцию непрерывности и сплоченности пространственно-временного повествования, приводя к одному знаменателю разные повествовательно-временные планы. В ниже приведенной цитате время действия обозначается исчезающей

точкой в первом десятилетии двадцатого века, пространство же определяется относительно географического расположения «кончика пера» автобиографа:

Летние сумерки («сумерки» – какой это томный сиреневый звук!). Время действия: тающая точка посреди первого десятилетия нашего века. Место: пятьдесят девятый градус северной широты, считая от экватора и сотый восточной долготы, считая от кончика моего пера. Июньскому дню требовалась вечность для угасания: небо, высокие цветы, неподвижные воды – все это как-то повисало в бесконечном замирании вечера, которое не разрешалось, а продлевалось еще и еще грустным мычанием коровы на далеком лугу или грустнейшим криком птицы за речным низовьем, с широкого туманного мохового болота, столь недостижимого и таинственного, что еще дети Рукавишниковы прозвали его: Америка [Набоков 1978, 70].

В одиннадцатой главе *Других берегов* рассказчик смотрит и исследует свое прошлое «сквозь тщательно протертые стекла времени» [Набоков 1978, 198], создавая тем самым образ волшебных очков, которые автор надевает, чтобы увидеть как можно яснее свое прошлое. Данное сравнение становится возможным, если основываться на предпосылке, что автор видит и рассматривает свое прошлое «глазами» памяти. Идеальная просматриваемость через стекло говорит также о том, что между прошлым и настоящим не существует никаких границ. Само же присутствие описания очков автобиографа свидетельствует о том, что прошлое не осуществляется в настоящем временном пласте таким, каким оно было прежде, но воспринимается посредством настоящего.

Человек чувствует течение времени, передвигаясь в географическом пространстве. Порывая с традиционным представлением о времени как течении, передвижении, длительности в пространстве, В. Набоков наделяет его принципом неподвижности, традиционно свойственным пространству. Для него время творческого акта остается неподвижным и абсолютным, в то время как пространство непрестанно изменяется. Это наглядно просматривается в том, что автобиограф намеренно путает измерение времени и пространства, тем самым пытаясь найти точку их пересечения. В ниже цитируемом тексте бабочка преодолевает расстояния в географическом пространстве, тщательно описанные автобиографом, который мысленно переносит себя во времени и утверждает, что погоня за той же самой бабочкой длилась сорок лет:

но когда на другое утро Mademoiselle отперла шкаф, чтобы взять что-то, бабочка, с мощным шорохом, вылетела ей в лицо, затем устремилась к растворенному окну, и вот, ныряя и рея, уже стала превращаться в золотую точку, и все продолжала

лететь на восток, над тайгой и тундрой, на Вологду, Вятку и Пермь, а там – за суровый Урал, через Якутск и Верхнеколымск, а из Верхнеколымска – где она потеряла одну шпору – к прекрасному острову Св. Лаврентия, и через Аляску на Доусон, и на юг, вдоль Скалистых Гор, где наконец, после сорокалетней погони, я настиг ее и ударом рампетки «сбрил» с ярко-желтого одуванчика, вместе с одуванчиком, в ярко-зеленой роще, вместе с рощей, высоко над Боулдером [Набоков 1978, 122].

Событие из прошлого (ловля бабочки) возвращается к автобиографу посредством художественного воображения, проявляющегося в использовании ярких красок в конце отрывка: ярко-желтый, ярко-зеленый. Писатель пытается найти временную и пространственную связь между двумя подобными событиями: погоня и поимка одной и той же бабочки в детстве и зрелом возрасте. Подробное описание перемещения бабочки в географическом пространстве, осуществляющегося в кардинально противоположную сторону относительно жизненных передвижений автобиографа, суммируется во временном термине «после сорокалетней погони» и в определенной точке пересечения. В конце цитируемого отрывка декорация реальности постепенно размывается и приобретает ирреальный оттенок. И именно использование ярких цветов усиливает данный эффект («с ярко-желтого одуванчика», «в ярко-зеленой роще»). Прием введения элементов ирреальности в автобиографический текст («сбрил» бабочку вместе с одуванчиком и рощей) присущ только русской версии автобиографии, так как синтагма «я настиг ее и ударом рампетки “сбрил”... вместе с рощей» отсутствует в американской версии *Память, говори*. Этот прием, придающий определенную фееричность автобиографической нарративности, может быть соотнесен с концом *Баллады* В. Ходасевича, в которой Поэт поднимается в процессе художественного творчества над бренным миром вещей в пространство творческой вечности [Ходасевич 1989, 152–153].

Призрачность географического пространства проявляется во многих фрагментах *Других берегов*. С первого предложения пятой главы Набоков начинает размышлять о взаимосвязи между памятью и воображением. Борьба, предпринятая автобиографом, направлена против исчезновения личных воспоминаний во время их переноса в порядок художественной литературы. Оглашение воспоминаний само по себе не является фатальным для их жизнестойкости, но их интеграция в произвольный порядок художественности девитализирует их, вызывая отчуждение, на которое писатель жалуется как человек, но не как автор, мастер художественной литературы. Автобиографическая направленность его литературного наследия, следовательно, состоит в защите

«реальной жизни» автора и того, что остается от «реальной жизни» действительно существующих предметов, от абсолютного отчуждения, вызванного вымыслом. Временные планы наслаиваются на реальное и воображаемое пространство географической поэтики в описании-воспоминании приезда французской гувернантки. Рассказчик с помощью своего двойника возвращается из эмигрантского пространства в пространство фантазмагорической России: «Я не поехал встречать ее на Сиверскую, железнодорожную остановку в девяти верстах от нас; но теперь высылаю туда призрачного представителя, и через него вижу ясно» [Набоков 1978, 86]. Заметим, что географическая поэтика реализуется у Набокова вне временного пространства: «и вот Mademoiselle подалась всем корпусом назад – это дернулись сани, вырываясь из мира вещей и плоти, чтобы плавно потечь прочь, едва касаясь отрешенной от трения снежной стези» [Набоков 1978, 87]. Французская гувернантка похожа на лебедя, это же сравнение мы найдем во фрагменте конца пятой главы, в котором автобиограф осмысливает ее исчезновение.

«Зеркалистая» луна, лунный свет освещают географическое пространство эмиграции, заложенное, как уже было нами упомянуто, в поэтике Серебряного века. Например, в рождественской сказке *Бабушка*, навеянной французскому писателю русского происхождения Анри Труайя в 1962 году русской легендой, былинно-сказочное действие разворачивается в холодно-темную зимнюю пору, и мы можем прочесть следующее предложение, характеризующее основного персонажа текста: «Les larmes d'argent brillent dans ses grunelles fixes» («Серебряные слезы сверкают в ее неподвижных зрачках») [Troyat 2005, 22]. Свет зимней луны также важен для поэтики мемуаров И. Одоевцевой. Или же можем прочитать у Нины Берберовой в автобиографии *Курсив мой*: «Мы неслись на этот багровый квадрат, мы неслись во весь дух в лунный вечер, в холодное пространство, взрывая летучий, серебряный снег» [Берберова 1983, 86].

Обратимся к концу первой секции пятой главы *Других берегов*, в которой наглядно выявляется поэтика призрачности. Предложив невидимую руку, «бесплотный представитель автора» [Набоков 1978, 87] раздваивается на авторское «я» и его двойника:

Совершенно прелестно, совершенно безлюдно. Но что же я-то тут делаю, посреди стереоскопической феерии? Как попал я сюда? Точно в дурном сне, удалились сани, оставив стоящего на страшном русском снегу моего двойника в американском пальто на викуньем меху. Саней нет как нет; бубенчики их – лишь раковинный звон крови у меня в ушах. Домой – за спасительный океан! Однако двойник медлит. Всё тихо, всё околдовано светлым диском над русской

пустыней моего прошлого. Снег – настоящий на ощупь; и когда наклоняюсь, чтобы набрать его в горсть, полвека жизни рассыпается морозной пылью у меня промеж пальцев [Набоков 1978, 88].

Этот отрывок возможно сопоставить с концом *На берегах Невы*, в котором И. Одоевцева, предчувствуя свой отъезд в эмиграцию, пишет:

Как тихо, как темно. Как пусто. Будто я одна во всей квартире. (...) В комнате совсем светло, и луна плавает в «лебедином озере» – в моем круглом туалетном зеркале, на лебедях. (...) Мне вдруг становится страшно. (...) Зачем я уезжаю? Зачем? Что ждет меня там, в чужих краях?... [Одоевцева 1967, 489–490].

Или же можно провести некую параллель с непространственными путешествиями Б. Поплавского: из пространства реальности в свой внутренний мир. Как пишет В. Варшавский в *Незамеченном поколении*,

в такое путешествие отправляются ради безумной надежды открыть что-то, находящееся «по ту сторону» воздвигаемых здравым смыслом внешних пейзажей мира. Это мечтание предопределило всю судьбу младшей эмигрантской литературы, ее непризнанность, ее подлинность и ее неудачу [Варшавский 1956, 207–208].

«Стереоскопическая феерия» представляет возвращение в прошлое посредством сновиденческой мечты, как писал Жерар де Нерваль, посредством «излияния сновидений в действительную жизнь» («l'éranchement du songe dans la vie réelle» [Nerval 1993, 699]). Использование прилагательного «стереоскопический» поднимает вопрос видения воспоминаний. Визуальное воспроизведение прошлого возможно благодаря определенному инструменту, имитирующему в совершенстве человеческое зрение, – инструменту искусства. Заметим, что автобиограф не может вновь увидеть прошлое невооруженным глазом, но посредством прозрачных поверхностей: окна спального вагона, разноцветных стекол веранды, стекол очков автобиографа или магического кристалла. Мы можем вычленивать использование прилагательного «стереоскопический» в статье *Колблемый треножник* (1921) В. Ходасевича: «В читателе одновременно и с равной силой затронуты три различных чувства. Трехпланность картины дает ей стереоскопическую глубину» [Ходасевич 2002, 164]. Василий Яновский в самом начале *Полей Елисейских* пишет о стереоскопичности художественного видения, направленного на освоение фантасмагорично-географического пространства прошлого [Яновский 2012, 32].

В эссе *Писатели и эпоха* (*Les écrivains et l'époque*), написанном по-французски в 1931 году, снег, противопоставляющийся твердым и прочным

мраморам, представляет собой прошлое в его хрупкой неспостижимости. Набоков пишет: «Я хотел бы увидеть и дотронуться до снегов прошлого, а не до его мрамора» («Ce sont les neiges d'antan et non pas les marbres que je voudrais voir et toucher» [Nabokov 1931, 138]). Опираясь на визуальное и тактильное ощущение прошлого, автобиограф хочет воспринять зыбкость таких вещей, как «снегов прошлого». Это выражение отсылает читателя к стихотворению Франсуа Вийона *Баллада о дамах былых времен*, заканчивающегося риторическим вопросом «Но где же прежние снега?» («Mais où sont les neiges d'antan?» [Villon 2005, 44]).

Посредством воображения рассказчик поворачивает ход времени и возвращается в заснеженный мир своего прошлого. Мы можем найти похожую сцену в рассказе *Посещение музея*, в котором герой-рассказчик называется «полупризраком», и географическое перемещение из внероссийского пространства в российское осуществляется через ирреальность рассказанной истории, происходящей в музее вымышленного города Монтизера (скорее всего, навеянного посещением ментонского музея в начале 1938 года) без временного перемещения в прошлое [Набоков 1939, 86–87], как это наблюдается в приведенных цитатах из *Других берегов*.

Возвращение в прошлое в автобиографии обозначается как путешествие в заколдованный бело-серебристый мир («все околдовано светлым диском над русской пустыней моего прошлого»), «пустыней» обозначая физическую пустоту. Слуховой образ усиливает ирреальность географического перемещения: «бубенчики их – лишь раковинный звон крови у меня в ушах». Мнимый мир в воображении автобиографа является естественной «областью» памяти художника. Реальность, мир вещей, к которым можно прикоснуться, наделяются важной функцией: они являются материальными объектами, которые вызывают у писателя процесс воспоминания.

Географически перемещаясь через океан, автобиограф тщетно пытается прикоснуться к русскому снегу прошлых лет, преображенному восприятием настоящего. Этот образ являет собой литературно устоявшуюся метафору воспоминаний, которые писатель не может полностью вызволить из своего прошлого: «Снег – настоящий на ощупь; и когда наклоняюсь, чтобы набрать его в горсть, полвека жизни рассыпается морозной пылью у меня промеж пальцев». Но В. Набоков обновляет метафоричность образа желанием вникнуть в самую сущность вещей посредством тактильных ощущений (приемом, основополагающе характеризующим творчество М. Пруста [Proust 2007]), что становится возможным благодаря художественной иллюзии текста. Эта попытка автобиографа свидетельствует о невозможности исторически

точного воспроизведения прошлого. Попытка полноценно воспроизвести прошлое заканчивается неудачей, наглядно показывающей ее иллюзорный характер: рука автора захватывает в горсть другой, ирреально-серебристый снег, чья пустотность означает пустоту, нереальность воспоминаний. Внутривидимая абсолютная тишина («бубенчики их – лишь раковинный звон крови у меня в ушах», «всё тихо») предупреждает о том, что память писателя ничего не может воспроизвести кроме пустоты, когда он пытается восстановить свое прошлое во внутреннем пространстве сознания. Не память, а тело касается предметов актуальной реальности. Но память может вернуться вспять с помощью воображения, в то время как ушедшее прошлое недоступно для актуального тела. Следовательно, телесность является инструментом для постижения современного ему мира объектов, а также экраном, который отделяет нас от мира прошлого. Даже если автор может вернуться в свое прошлое благодаря памяти и воображению, он не может прикоснуться к былым предметам посредством воплощения своей памяти. Беззвучность чистой памяти или пробелы во времени указывают на то, что исследование прошлого происходит в полной тишине, в беззвучном мире авторской рефлексии. Беззвучие характеризует особое время, в котором происходит процесс воспоминания, это время художественного творчества, время проникновения в вечность.

В автобиографии *Другие берега* наблюдается определенное отделение памяти: авторская память олицетворяется в Мнемозине, которая является самостоятельным персонажем, независимым от физического тела автобиографа. Чтобы выжить как самостоятельное действующее лицо, она пытается заимствовать другие тела (например, руку буфетчика во второй части пятой главы):

В гостиную вливается керосиновая лампа на белом лепном пьедестале. Она приближается – и вот, опустилась. Рука Мнемозины, теперь в нитяной перчатке буфетчика Алексея, ставит ее, в совершенстве заправленную, с огнем как ирис, посередине круглого стола [Набоков 1978, 89].

Эта своеобразная персонификация освобождает память от так называемой авторской опеки. Автобиографическое «я» оказывается двойственным, разделенным на эмпирического человека и его память. В набоковской поэтике память превосходит эмпирическое «я» автора, она сильнее его: тело автора является лишь временным, случайным сосудом для этой трансцендентной и безличной силы. В этой последней функции Мнемозина приближается к фигуре Судьбы такой, как она обыгрывается в автобиографической поэтике писателя.

Соприкосновение с телом свидетельствует о реальности вещей, но мир воспоминаний удален от этого телесного контакта. Представляет ли собой метафора снега неспособность проникнуть, вернуться в свое прошлое? Конечно, но не с художественной точки зрения. Сила словесного искусства влияет на эмоции без помощи осязания. Каким образом этого достигает Набоков? Посредством одушевления Памяти, действующей в автобиографическом тексте как самостоятельный персонаж. Мы можем обозначить это явление телесностью памяти.

В художественных текстах В. Набокова мы находим определенную нейтрализацию воспоминаний и впечатлений, воскрешенных памятью: они интенсивны, как и прежде, но теперь безвредны, нейтрализованы течением времени. Эмоциональная сила бывших впечатлений обезвреживается и эта «дезактивация» чувств под воздействием памяти достаточно значительна. Память уже безвредна, потому что она неактуальна, определена и только воспроизводима. Хотя в ней сохраняется ощущение живого состояния, она не может воздействовать на тело, не может влиять на чувства путем осязательных функций организма, как это происходит под воздействием непосредственного впечатления, она действует только на сознание.

Исторический ход времени, разрушенный Русской революцией, создает независимые блоки памяти в процессе творческой работы автобиографа. Парадокс литературной памяти заключается в том, чтобы сохранить непрерывность времени и, в то же время, обеспечить его исторически-эпохальную разрывность и делимость. Биографический и поэтический путь представлен у В. Набокова как восхождение от прошлого к настоящему-будущему, от прожитого к воображаемому, от биографического к поэтическому, пространство жизни превращается в художественное пространство. Неоднородность памяти последовательно приводит к смысловому единству поэтико-автобиографического дискурса, многозначный потенциал которого служит для поддержания вокруг единственно возможного значения ореола всевозможных семантических проблесков.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Берберова Нина Николаевна. 1983. *Курсив мой*. Нью-Йорк: Russica Publishers.
- Бердяев Николай Александрович. 1949. *Самопознание (Опыт философской автобиографии)*. Париж: ИМКА-Пресс.
- Варшавский Владимир Сергеевич. 1956. *Незамеченное поколение*. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова.
- Голенищев-Кутузов Илья Николаевич. 1935. *Память*. Предисловие Иванова В.И. Париж: Парабола.

- Дон Аминадо. 1954. *Поезд на третьем пути*. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова.
- Маковский Сергей Константинович. 1962. *На парнасе «Серебряного века»*. Мюнхен: ЦОПЭ.
- Набоков Владимир Владимирович. 1939. *Посещение музея*. «Современные записки» № LXVIII: 76–87.
- Набоков Владимир Владимирович. 1978. *Другие берега*. Ann Arbor: Ardis.
- Одоевцева Ирина Владимировна. 1967. *На берегах Невы*. Washington: V. Kamkin.
- Оцуп Николай Авдеевич. 1933. *Клим Самгин*. «Числа» № 7–8: 178–183. Fonds slave des jésuites. Lyon.
- «Скит». Прага. 1922–1940. *Антология. Биографии. Документы*. 2006. Москва: Русский путь.
- Сургучев Илья Дмитриевич. 1952. *Ротонда*. Париж: Возрождение.
- Ходасевич Владислав Фелицианович. 2002. *Книги и люди. Этюды о русской литературе*. Москва: Жизнь и мысль.
- Ходасевич Владислав Фелицианович. 1989. *Стихотворения*. Ленинград: Советский писатель.
- Яновский Василий Семенович. 2012. *Поля Елисейские: Книга Памяти*. Москва: Астрель.
- Proust Marcel. 2007. *À la recherche du temps perdu I. Du côté de chez Swann*. Paris: Gallimard.
- Nabokov (Sirine) Vladimir. 1931. *Les écrivains et l'époque*. «Le mois» no 6: 137–139.
- Nerval Gérard de. 1993. *Oeuvres complètes*. T. 3. Paris: Gallimard, Bibliothèque de la Pléiade.
- Troyat Henri. 2005. *Babouchka*. Paris: Flammarion, Père Castor.
- Villon François. 2005. *Oeuvres complètes*. Paris: Arléa.

REFERENCES

- Ânovskij Vasilij Semenovič. 2012. *Polâ Elisejskie: Kniga Pamâti* [Fields of Champs: Book of Memory]. Moscow, Astrel' Publ. (In Russ.)
- Berberova Nina Nikolaevna. 1983. *Kursiv moj* [The Italics are Mine]. New-York, Russica Publishers. (In Russ.)
- Berdâev Nikolaj Aleksandrovič. 1949. *Samopoznanie (Opyt filosofskoj avtobiografii)* [Self-knowledge (An Essay of Philosophical Autobiography)]. Paris, IMKA-Press. (In Russ.)
- Don Aminado. 1954. *Poezd na tret'em puti* [A Train on the Third Track]. New-York, Izd-vo im. Čehova Publ. (In Russ.)
- Golenišev-Kutuzov II'â Nikolaevič. 1935. *Pamât'* [Memory. The Foreword of V.I. Ivanov]. Predislovie V.I. Ivanova. Paris: Parabola Publ. (In Russ.)
- Hodasevič Vladislav Felicianovič. 1989. *Stihotvorenâ* [Poems]. Leningrad, Sovetskij pisatel' Publ. (In Russ.)
- Hodasevič Vladislav Felicianovič. 2002. *Knigi i lûdi. Ètûdy o russkoj literature* [Books and people. Studies on Russian literature]. Moscow, Žizn' i mysl' Publ. (In Russ.)
- Makovskij Sergej Konstantinovič. 1962. *Na parnase "Serebrânogo veka"* [On the Silver Age Parnassus]. Munich, COPÈ Publ. (In Russ.)
- Nabokov (Sirine) Vladimir. 1931. *Les écrivains et l'époque*. "Le mois" no 6, pp. 137–139. (In French)
- Nabokov Vladimir Vladimirovič. 1939. *Posešenie muzeâ* [Visiting of museum]. "Sovremennye zapiski" no LXVIII, pp. 76–8. (In Russ.)
- Nabokov Vladimir Vladimirovič. 1978. *Drugie berega* [Other shores]. Ann Arbor, Ardis. (In Russ.)
- Nerval Gérard de. 1993. *Oeuvres complètes*. Vol. 3. Paris, Gallimard, Bibliothèque de la Pléiade. (In French)
- Ocup Nikolaj Avdeevič. 1933. *Klim Samgin* [Klim Samgin]. "Čisla" no 7–8, pp. 178–183. Fonds slave des jésuites. Lyon. (In Russ.)

- Odoevceva Irina Vladimirovna. 1967. *Na beregah Nevy* [On the Banks of the Neva]. Washington, V. Kamkin Publ. (In Russ.)
- Proust Marcel. 2007. *À la recherche du temps perdu I. Du côté de chez Swann*. Paris, Gallimard. (In French)
- “Skit”. *Praga. 1922–1940. Antologija. Biografii. Dokumenty* [“Cell”. Prague. 1922–1940. Anthology. Biographies. Documents]. 2006. Moscow, Russkij put’ Publ. (In Russ.)
- Surgučev Il’ja Dmitrievič. 1952. *Rotonda* [Rotunda]. Paris, Vozroždenie Publ. (In Russ.)
- Troyat Henri. 2005. *Babouchka*. Paris, Flammarion, Père Castor. (In French)
- Varšavskij Vladimir Sergeevič. 1956. *Nezamečennoe pokolenie* [The Unnoticed generation]. New-York, Izd-vo im. Čehova Publ. (In Russ.)
- Villon François. 2005. *Oeuvres complètes*. Paris, Arléa. (In French)

DOI: <https://doi.org/10.31648/apr.5385>

Дата подачи статьи: 3 января 2020 г.

Дата принятия к печати: 8 марта 2020 г.

«О СКОЛЬКО ЗВЕЗД НАД АФРИКОЙ ТВОЕЙ!»¹: ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ ТУНИСА²

Elena Eltsova

Université de Carthage, Tunisie

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1976-6359>E-mail: elcova-elena@mail.ru

Аннотация: В статье представлен обзор литературно-публицистического наследия эмигрантов Туниса, представляющего «африканскую» страницу эмигрантской летописи русского зарубежья. На примере бизертинского цикла стихов поэтессы И. Кнорринг, историко-литературного наследия Н. Монастырева, А. Зернина, мемуарных воспоминаний М. Ардатова, В. фон Берга, Н. Кнорринга, А. Ширинской и публикаций в периодической печати показан богатый диапазон тем и художественных образов (история Российского флота, утрата Родины, поиск себя в изгнании, жизнь диаспоры на чужбине и т.д.). Единый для всех авторов хронотоп Русского исхода и Бизерты как последней стоянки Русской эскадры получает индивидуально-авторское семиотическое осмысление и наполнение и отражает уникальное взаимодействие подлинности и мифологизации действительности в пространстве эмигрантского текста. Литературно-публицистическое наследие русской диаспоры Туниса, несомненно, входит в единую летопись русской эмиграции и представляет золотые страницы книги *Зарубежная Русь*.

Ключевые слова: Тунис, Бизерта, Русская эскадра, литературно-публицистическое наследие

¹ Строка из стихотворения Владимира Мамченко *Тунис в звездах* [Мамченко 1964, 64].

² Статья отражает деятельность Тунисской ассоциации «Российское наследие» (Héritage Russe), направленную на поиск и сбор сведений о жизни русской диаспоры в Тунисе.

Submitted on January 3, 2020

Accepted on March 8, 2020

“HOW MANY STARS THERE ARE OVER YOUR AFRICA!”: THE LITERARY AND PUBLICISTIC BODY OF THE RUSSIAN EMIGRANTS’ WORK IN TUNISIA

Elena Eltsova

University of Carthage in Tunis, Tunisia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1976-6359>

E-mail: elcova-elena@mail.ru

Abstract: This article presents an overview of the literary and publicistic heritage of emigrants in Tunisia introducing the “African” page of the expat chronicle of the Russian community. Through the example of the *Bizertine* cycle of poems by the poetess I. Knorr-ing, the historical and literary body of the work of N. Monastirev, A. Sernin, memoirs by M. Ardatov, V. von Berg, N. Knorr-ing, A. Shirinskaya and publications in the periodical press we suggest a rich range of topics and imageries (history of the Russian fleet, loss of the Homeland, search in exile, diaspora life in the foreign land, etc.). The authors of the chronotope of the Russian exodus, and Bizerta as the last port of the Russian Squadron, meet individually authorial semiotic comprehension and interpenetration which reflects the unique interaction of authenticity and mythologisation of reality in the space of the emigrant text.

Keywords: Tunisia, Russian Squadron, literary and publicistic heritage

Североафриканская страна Тунис в маршруте Русского исхода стала последней стоянкой Российского Императорского Черноморского флота. В тунисский порт Бизерта в конце 1920 – начале 1921 годов под командованием вице-адмирала Михаила Александровича Кедрова пришла Русская эскадра в составе 33 военных кораблей, на борту которых было почти 6 тысяч человек.

В современной историографии всесторонне рассмотрен военно-исторический аспект перехода Русской эскадры из Крыма в Константинополь и далее в Бизерту, уделено большое внимание роли православия в жизни русской диаспоры Северной Африки. Однако неизученным остается историко-культурное, и в частности литературно-публицистическое наследие

русских эмигрантов, их вклад в развитие не только страны проживания, но и в становление культуры зарубежной России в целом. Публицист, востоковед и историк русской эмиграции Владимир Абданк-Коссовский (первые годы изгнания которого также прошли в Тунисе), подводя итоги деятельности русской эмиграции за 35 лет, писал:

Россия в изгнании – «Зарубежная Русь» – страна обширная, но мало исследованная. Без сомнения, в своих недрах она таит великое множество русских имен – больших и малых, прославленных и неведомых – достойных быть упомянутыми и занять почетное место на страницах коллекции «Зарубежная Русь» [Абданк-Коссовский 1956, 138].

В культурной жизни зарубежья особый след оставили уникальные творческие личности, судьба которых тем или иным образом была связана с Тунисом и беженскими лагерями около Бизерты. К числу таких людей, безусловно, следует отнести историка русского флота Нестора Монастырева (ум. 13.02.1957, г. Табарка, Тунис), личного секретаря греческой королевы Ольги Константиновны Михаила Гаршина (ум. 12.03.1943, г. Тунис), старшего лейтенанта-подводника очеркиста Александра Зернина (ум. 11.03.1962, Ницца, Франция), писателя-фантаста Федора Цевловского (ум. 05.03.1963, г. Тунис), востоковеда Николая Миронова (ум. 23.10.1936, г. Тунис), цитируемого выше публициста и очеркиста В.К. Абданк-Коссовского (ум. 19.04.1962, Франция) и многих других эмигрантов, чьи имена известны лишь узкому кругу исследователей.

Богатый «африканский» пласт эмигрантской художественной литературы, публицистики и мемуаристики хранит уникальные «страницы памяти», в которой переплелись живые картины русской жизни и жизни в изгнании «среди чужих народов», думы о себе и о России. С эвакуации в Бизерту и беженских лагерей началась эмигрантская жизнь известных поэтов русского зарубежья Виктора Мамченко, Владимира Смоленского и Ирины Кнорринг.

Наиболее ярко, с дневниковой точностью тяжелый путь изгнанника представлен в «бизертинском» периоде литературно-поэтического наследия поэта младшего поколения эмигрантов Ирины Николаевны Кнорринг (1906–1943), дочери преподавателя Морского корпуса Николая Кнорринга. Вместе с родителями в составе Русской эскадры в 1920 году на линкоре «Генерал Алексеев» она прибыла в Бизерту. Отец Ирины работал преподавателем истории в Морском корпусе в лагере Сфаят. Ирина продолжила учебу в Морском корпусе и сдала экзамены за весь школьный курс при Морском корпусе и получила «Свидетельство о зрелости» [Кнорринг 2014, 212].

После спуска Андреевского флага и расформирования Морского корпуса в 1925 г. семья переехала в Париж. При жизни И. Кнорринг вышло два сборника ее стихов: *Стихи о себе* (Париж, 1931) и *Окна на север* (Париж, 1939). После смерти поэтессы были опубликованы три сборника: *После всего* (Париж, 1949), *Новые стихи* (Алма Ата, 1967), *После всего: Стихи 1920–1942 гг.* (Алма Ата, 1993). Стихи И. Кнорринг многократно входили в антологии русской зарубежной поэзии. В 2014 году в Казахстане под редакцией Н. М. Черновой была опубликована еще одна ее книга – *Золотые миры* [Кнорринг 2014]. Уникальным документом, отражающим хронику дней Морского корпуса в Бизерте и будни русских поэтов и писателей Парижа, является дневник поэтессы *Повесть из собственной жизни* [Кнорринг 2009].

К тунисскому периоду относятся первые поэтические публикации И. Кнорринг в журналах «Звено» и «Студенческие годы», в газете «Последние новости». В этот период происходит становление ее творческого мастерства, она знакомится с современной русской поэзией и техникой письма. «Бизертинский» цикл стихов поэтессы уникален своей документальной точностью, психологизмом и символическим осмыслением пережитого. Одно из стихотворений, написанное на борту линкора, заканчивается прозаической пометой: «17 ноября 1920. “Генерал Алексеев”, 20-й кубрик. Темнота. Духота. Сырость. Крысы пищат» [Кнорринг 2014, 72]. Стихотворения 14-летней девушки, прожившей наряду со взрослыми изгнание, отражают все этапы пребывания Русской эскадры в Бизерте: стояние под желтыми карантинными флагами (*В карантине*, 1921), скованную «цепями» несвободы жизнь в беженском лагере Сфаят («А сердце плачет и просит воли... / И цепь грохочет, и цепь звенит...») («*Есть в мире люди, они унылы...*», 1921), ликвидацию Морского Корпуса (*Баллада о ликвидации*, 1925) и всеобъемлющую нестерпимую тоску по покинутой Родине («Зачем меня девочкой глупой, / От страшной, родимой земли, / От голода, тюрем и трупов / В двадцатом году увезли?!») («*Россия! Печальное слово...*», 1933). Переживание потери Родины, изгнанничество и бесприютность становятся основными мотивами ее поэзии. Исследователь литературы русской эмиграции Глеб Струве дал поэзии И. Кнорринг следующую характеристику: «очень личная – едва ли не самая грустная во всей зарубежной литературе. Через нее проходит тема тяжелой эмигрантской доли (...), безысходной усталости, неприкаянности» [Струве 1996, 238].

В поэзии И. Кнорринг документальность и вещность изображения (характерная черта акмеизма) наполняются новым символическим содержанием, отражающим поэтику формирующейся русской литературы зарубежья. Так,

в ее лирике мотив изгнания соотносится с лексемой «корабль», которая вбирает в свое семантическое поле значения «предательства» и «безвольности».

Слезы, рыдания и стоны звучали на нём,
Правил им ужас и вел его горьким путём.
В омут чужих, неприветливых, сумрачных волн
Робко вошел он, унынья гнетущего полн.
Встал, опустел, в молчаливой тоске одичал,
Флаг опустил, почернел и навек замолчал.

(*Корабль*, 1921)

Особое символическое наполнение получает в творчестве молодой поэтессы и беженский лагерь Сфаят, ставший на четыре с половиной года (1921–1925) убежищем и приютом для беженцев. В ее поэтике Сфаят становится не только символом чужбины (характерный лейтмотив эмигрантской прозы и поэзии тех лет), но и символом несвободы, «клетки» (здесь «так одиноко, / Так тоскливо и бесприютно... (*Дай мне песен родины далекой*, 1923), «Здесь, в этой клетке, вянют дни...» (*Все писем жду...*», 1923). В этом непонятном и чуждом лирической героине географическом локусе «весь мир зажат» в «точку», где «все так бледно, мелко и тленно...» (*Сфаят*, 1924). Изгнание для нее становится равносильно смерти, а пребывание в беженском лагере и в целом на чужбине соотносится с утратой движения, свободы и даже жизни, что находит многочисленные инварианты изображения в повторяющихся лексемах «тлен, мрак, ночь, смерть, могила, кладбище»: «В тихой безмолвной могиле, под белым крестом / Смерть приютила страданье на ложе своем. / ..Спит одинокий изгнанник, далекий, забытый, чужой, / Скрыл глубоко все мечты и страданья – вечный покой...» (1922). Контрастом мрачному африканскому пребыванию, которое для лирической героини равносильно смерти, выступают светлые воспоминания о России, где все наполнено жизнью: «Я верю в Россию. Там жизнь идет, / Там бьются скрытые силы. / А здесь – у нас – темных дней хоровод, / Влекущий запах могилы (*Я верю в Россию. Пройдут года...*», 1924). Единственным спасением от отторгаемой ею чуждой реальности и гнетущей тоски по родине становится творчество, воплотившееся в «песнях», «сказках», «снах»: «Дай мне песен родины далекой, / Неизвестной и несчастливой, / Чтобы не было так одиноко, / Так тоскливо и сиротливо» (*Дай мне песен родины далекой...*», 1923). В бизертинский период И. Кнорринг были написаны ярко отражающие трагизм всей русской эмиграции *Баллада о двадцатом годе* (1924) и *Баллада о ликвидации* (1925). Поэтика и образность стихов и баллад И. Кнорринг, символика дневниковых воспоминаний, написанных в Тунисе, требует дальнейшего изучения и описания.

Не менее богатым и разнообразным является и прозаический пласт историко-литературного наследия эмигрантов Туниса, куда входят труды историко-документального характера, мемуарные воспоминания, художественные произведения и отдельные публикации в эмигрантских газетах и журналах того периода. Среди всего этого литературно-публицистического наследия доминируют произведения, связанные в основном с морской тематикой, так как ядро диаспоры Туниса составляли офицеры Российского Императорского флота. В Бизерте с 1921 по 1923 годы на подводной лодке «Утка» издавался первый журнал российского морского зарубежья «Морской сборник». Его редактором был офицер-подводник 2-го ранга Н.А. Монастырев (1887–1957, г. Табарка, Тунис), выпускник Морского корпуса 1912 года. В составе Русской эскадры он привел подводную лодку «Утка». С 1922 года и до ликвидации эскадры был начальником дивизиона подводных лодок в Бизерте. На страницах бизертинского «Морского сборника» печатались яркие документальные свидетельства офицеров Российского флота о Первой мировой и Гражданской войнах, документы Русской эскадры и военно-морских организаций других стран. Редактор пражского «Морского журнала» лейтенант Михаил Стахевич отмечал: «“Морской сборник” был первым показателем жизненности нашего духа, несломленности неудачей» [Стахевич 1938, 7]. Переизданный в 2003 году историком флота Владимиром Лобыцыным, «Морской сборник» является уникальным документальным источником русской военно-морской истории и хроникой пребывания Русской эскадры в Бизерте [*Бизертинский Морской Сборник* 2003]. Д. Фокагитов (контр-адмирал Д.В. Никитин), составляя в 1930-е годы морскую библиографию, назвал Н. Монастырева одним из «популяризаторов идеи морской силы» [Фокагитов 1931, 7(75)]. Всю свою жизнь, проведенную в Табарке, Н. Монастырев посвятил изучению истории Российского Морского флота и опубликовал более десятка книг на русском, французском, итальянском и немецком языках (*На Черном море. 1912–1920*, Париж 1928; *На службе Императорскому флоту* (совместно с С. Терещенко), Париж 1931; *На трех морях*, Тунис 1932; *Подводный корабль*, Париж 1935 и др.). Изгнание, а в последующем спуск Андреевского флага на Русской эскадре стал для него, как и для многих офицеров флота, судьбоносным событием. Н. Монастырев с грустью писал: «В этот день закончилась моя карьера морского офицера. В дни молодости я даже не мог себе этого представить. Тогда я видел перед собой только бескрайний океан, далекие страны и интересную увлекательную жизнь...» [Монастырев, online]. Но служить флоту он не переставал и на чужбине. Живя в Тунисе, Монастырев состоял членом Императорской комиссии Общества офицеров Российского Импера-

торского Флота в Америке, стал хранителем и летописцем Русской эскадры. Французское правительство за историко-литературную деятельность представило Н. Монастырева к премии Морской Академии и наградило орденом «Officier d'Academie». Знаменательно, что в преддверии 100-летия Русского исхода готовится к изданию монография историка флота Никиты Кузнецова, посвященная рыцарю Андреевского флага Н. Монастыреву.

Активную литературно-публицистическую деятельность также вел Александр Владимирович Зернин (1891–1962, Ницца, Франция) – выпускник Морского корпуса (1911) и Штурманского офицерского класса (1915), офицер Российского Императорского Флота. В декабре 1920 года в составе Русской эскадры он эвакуировался в Бизерту старшим штурманом корабля-мастерской «Кронштадт». В эмиграции жил в г. Тунисе, служил управляющим французской фермой в Матере близ Бизерты, затем топографом на государственной службе. За заслуги перед Тунисом был произведен в звание кавалера, а в последующем и офицера ордена Славы (Nishan Iftikar) [Зернин 2012, 178]. В январе 1962 года А. Зернин переехал с женой из Туниса в Ниццу (Франция), где 11 марта того же года трагически погиб. Его первые произведения были опубликованы в России еще в 1914–1918 годы (*Под Гамбургским дождем, Ужин в Замке графа Роберта*). В изгнании его очерки, статьи, некрологи и художественные произведения печатались в эмигрантской прессе, в журналах «Морской сборник», «Возрождение», «Русская мысль», «Часовой» и др. Только в период с 1921 по 1933 гг. в разных газетах было напечатано более 50 его статей, из них 19 на морские темы [*О книгах, газетах и журналах* 1933, 26 (114)]. В 1931 году в Париже при поддержке Военно-морского союза вышла его первая книга *Балтийцы. Морские рассказы* [Зернин 1995], посвященная героическим страницам Российского флота в годы Первой мировой войны. Зачастую героями его *Морских рассказов* выступают как офицеры и матросы, так и отдельные миноносцы и подводные лодки.

В 2012 году издана другая повесть А. Зернина *Гардемарины*, долгое время хранящаяся в музее Общества «Родина» (США) и переданная Нине Петровне Рождественской [Зернин 2012]. Эта книга посвящена описанию жизни Петербургского Морского кадетского корпуса в начале 1900-х годов. Отрывок из этой повести *Обед* был опубликован в «Морском журнале» в 1933 году (№ 10-11). В предисловии к своей книге А. Зернин пишет, что он опирался на свой гардемаринский дневник, и его основной задачей было «описать быт гардемаринов на фоне Петербурга»: «Я не даю здесь официальной истории Корпуса. Это совсем другая задача. Но я изображаю быт его, исторически точный и всем нам понятный и дорогой» [Зернин 2012, 3]. Автор заменил

реальным прототипам имена и в художественной форме раскрыл традиции Российского флота и внутреннюю жизнь Морского корпуса. Современный читатель становится свидетелем учебных будней гардемарин, знакомится с жизнью Российского флота. Так, на страницах книги увлекательно повествуется о «похоронах английского мореходного альманаха», которые организовывались после сдачи старшими гардемаринами письменного экзамена по астрономии, о праздновании корпусного праздника 6 ноября и т.д.

А. Зернин с первых лет жизни вне России активно печатался в эмигрантских газетах и журналах. В его публикациях отражены новые реалии и проблемы пребывания на чужбине. Например, под рубрикой «Письма из Туниса» в газете «Возрождение» был опубликован рассказ *Госпожа Энская-Бен-Хаджи-Мимун* [Зернин 1926, 2], поднимающий острый вопрос адаптации русских эмигранток в арабо-мусульманской стране. Духовные и нравственные вопросы раскрываются с тонким психологизмом в повести *Женитьба Доктора Поволжина* (автор определяет ее жанр как «истинное происшествие») [Зернин 2012]. Напечатанная в виде отдельных рассказов в 1959–1960 годы на страницах журнала «Возрождение», повесть была переиздана в 2012 году. Сюжет повествования, относящийся к концу XIX – началу XX века, представляет, с одной стороны, комическую семейную коллизию, а с другой, отражает дуализм духовной и телесной природы человека. Жизнь А. Зернина трагически оборвалась. Не оконченным остался роман *На берегу и в море*, готовящийся к публикации в журнале «Возрождение». Примечательно, что в отличие от работ большинства авторов русской эмиграции ряд его произведений переведены не только на французский, но и арабский языки [Я.Г. 1962, 77–78].

Богатая историко-культурологическая информация об адаптации русских эмигрантов к новой политической, социально-экономической, культурной и географической среде содержится, несомненно, в документах личного характера. Они включают множество знаков и символов Русского исхода и его окончания в Бизерте, месте последней стоянки Русской эскадры. Уже в современной России были впервые опубликованы или переизданы дневники Даниила Бутлера *Эвакуация Алексея Брута Из дневника*, Михаила Ардатова *Из Севастополя в Бизерту* [Автографы Бизерты 2012], повести о жизни Морского корпуса в Бизерте Николая Кнорринга *Сфаят*, Владимира фон Берга *Последние гардемарини*, мемуарные воспоминания Петра Варнека *Морской корпус в Бизерте. Джебель Кебир* [Узники Бизерты 1998] и др. Хронотоп всех этих текстов один – беженские лагеря близ Бизерты, однако комплекс символических знаков у каждого автора свой. Тематический

диапазон приведенных мемуаров охватывает революцию и Гражданскую войну, приход Русской эскадры в Бизерту и первые годы пребывания здесь. Дневниковые записи молодых матросов Д. Бутлера, А. Брута и полковника М. Ардатова сжаты, точны, лаконичны, содержат факты пребывания эскадры в Бизерте. Основная тема – устройство в Бизерте и мечта об отъезде из «арабской тюрьмы», где, по словам Бутлера, беженцы находятся «под треклятым дамкловым мечом» [*Автографы Бизерты* 2012, 29]. Записи полковника М. Ардатова лишены этой юношеской эмоциональной несдержанности, они отражают отеческую заботу о сыне и вверенных ему людях. Он пишет о том, как строились отношения командования эскадры с французской администрацией, какие усилия предпринимались для устройства русских беженцев на работу. Все эти дневниковые записи незакончены: у молодых матросов они прерываются в связи с отъездом из Туниса, у М. Ардатова – в связи с безвременной кончиной по болезни.

Мемуары В. фон Берга, Н. Кнорринга и П. Варнека посвящены пребыванию Морского корпуса в Бизерте. В отличие от предыдущих дневников здесь не только отражается хроника событий, но и повествуется о жизни Морского корпуса с его устроенным бытом, занятиями, театральными постановками и службами отца Георгия (Спасского) (ум. 16.03.1934, Париж). Пребывание русских эмигрантов в Африке облекается в художественную форму, происходит осмысление нового культурно-географического пространства «чужбины». В мемуарах В. Берга бизертинский Морской корпус называется «княжеством русским Кябирским» [*Узники Бизерты* 1998, 85], у Н. Кнорринга – «нашим русским уголком в Африке» [Там же, 159], у П. Варнека – «устроенным и налаженным учебным гнездом» [Там же, 240]. Этот беженский мир обживания и обустройства стал «сказкой, пятилетним сном красивым и фантастичным» [Там же, 77]. Но и это пространство беженского рая с библейской рощей маслин, темно-синим сапфиром моря, арабским городом начинает включать «кладбище на высокой горе (...), где под священной тенью темных кипарисов спят вечным сном усталые русские труженики...» [Там же, 79]. После спуска Андреевского флага (1924) и ликвидации Морского корпуса (1925) «русское княжество «Джебель–Кебир»–«Сфаят»» также «умирало» [Там же, 113], а Бизертинское озеро стало «голгофой» Российского флота, где корабли эскадры «ржавели и умирали». Для морских офицеров эта утрата была равносильна потере Родины. Н. Кнорринг, завершая свои мемуары, писал:

Эскадра таяла, люди расходились по всей Тунисии, перебирались в Европу (...). Корабли – живые организмы, и боль их страданий чувствуется. Спущены

Андреевские флаги... (...) Корабли без дела, без ухода, стоящие один вплотную с другим, без освещения, ржавеют и умирают. Бухта Каруба – мертвое кладбище... [Узники Бизерты 1998, 179].

Этот библейский мотив смерти и несвершившегося последующего воскрешения кораблей и самого Российского флота найдет отражение и в эмигрантской публицистике тех лет. Статья *Русская эскадра в Бизерте* капитана армии Михаила Шереметьева [Шереметьев 1929, 2] также посвящена трагедии Русской эскадры, потерявшей навсегда былую славу. Автор публикации с горечью отмечает: «Сегодня все наше достоинство в нашем молчании перед этой страшной могилой, ждущей великого дня воскресения» [Шереметьев 1929, 2].

Совершенно иное эмоциональное наполнение образ Бизерты получил в семейной хронике старейшины русской общины в Тунисе Анастасии Александровны Манштейн-Ширинской. Ее книга воспоминаний *Бизерта. Последняя стоянка*, впервые изданная на русском языке в 1999 году, впоследствии была несколько раз переиздана [Ширинская 2003]. Анастасия Александровна в одном из интервью отмечала: «Это не моя биография. Чувствуя себя свидетелем и причастной к событиям, малоизвестным или искаженным, я хотела восстановить часть моего прошлого, которое является и частью прошлого моих соотечественников в России» [Горбачев, online]. Ее мемуарные воспоминания, написанные на склоне лет о пережитом в детстве, посвящены сохранению русского духа в изгнании. Для Анастасии Александровны, приплывшей сюда с родителями 8-летней девочкой, Бизерта стала «последней гаванью», «убежищем», родиной, где «у самого синего моря, где побережье очень напоминает Крым (...) меньше чувствовали себя лишенными родных краев» [Ширинская 2003, 5]. Страницы ее памяти запечатлели мир детства на кораблях, встречи и беседы за семейным столом в кругу близких и друзей, ее юность в Тунисе и обретение на склоне лет России.

Другой не менее важный материал о жизни диаспоры в Тунисе представляет эмигрантская периодическая печать (журналы и газеты «Морской журнал», «Возрождение», «Часовой», «Военная быль», «Русская мысль» и т.д.) Большой интерес представляют очерки, небольшие заметки, юбилейные статьи, некрологи, рассказы мемуарного и историко-публицистического характера о Русской эскадре в Бизерте, о значимых событиях в жизни русской диаспоры, о положении эмигрантов, их проблемах и ожиданиях, о культурной и религиозной жизни и т.д. В публикациях тех лет прежде всего запечатлены значимые события в жизни русской диаспоры Туниса.

В периодике 1924–1925 годов отразилась трагедия Русской эскадры: спуск Андреевского флага, ликвидация Морского корпуса и гибель кораблей Русской эскадры. В публикациях 1930-х годов напечатаны воззвания к морским офицерам, рассеянным по миру, о возведении храма памятника русским кораблям в Бизерте, в статьях 1937 года рассказывается о праздновании пушкинского вечера, в 1939 году – о праздновании 950-летия принятия христианства на Руси и т.д. Другая важная тема русских эмигрантов Туниса – это процесс вживания эмигрантов в новую среду и их достижения в разных областях (во врачебной и преподавательской деятельности, в занятии пчеловодством, в спортивных состязаниях по футболу, легкой атлетике и т.д.).

Публицистические материалы богаты рассказами мемуарного характера. Так, в 1949 году в журнале «Морские записки», издаваемом Обществом Офицеров Российского Императорского Флота в Америке, были опубликованы *Африканские воспоминания С. Степанова* (прибыл в Бизерту на миноносце «Дерзкий») о демобилизации и списывании на берег команд Русской эскадры «для проживания своим трудом» в 1922 году [Степанов 1949]. 15-й номер журнала «Кадетская переключка» за 1976 год полностью посвящен пребыванию Морского корпуса в Бизерте [«Кадетская переключка» 1976]. Все эти публикации отражают социально-экономическую и культурную адаптацию эмигрантов в экзотической и чуждой для них геокультурной среде, являются уникальным взаимодействием подлинности и мифологизации действительности в условиях эмигрантского дискурса и выступают ценным материалом для исследователей.

«Африканское» литературно-публицистическое наследие русских эмигрантов Туниса представляет богатый, но пока неизученный пласт историко-культурологического характера и требует всестороннего обзора и анализа. Диапазон тем мемуарных воспоминаний, публикаций в эмигрантских газетах и журналах, художественной прозы и поэзии широк и многообразен: история Российского флота, утрата Родины, поиск себя в изгнании, жизнь диаспоры на чужбине и т.д. В художественной поэтике зарубежья названные темы преломляются и приобретают особое символическое наполнение. Мемуарная литература, находящаяся на грани художественной литературы и документальности, создает особый мир осмысления Русского исхода, Бизерты как последней стоянки Русской эскадры и в целом Туниса как «африканской» геокультурной среды. Благодаря усилиям исследователей и историков большая часть произведений мемуарного характера переиздается и становится доступна широкому кругу читателей. Вместе с тем публицистические материалы, разбросанные в разных эмигрантских периодических изданиях, остаются

библиографической редкостью, а в них содержится ценная информация исторического и культурологического плана. Литературно-публицистическое наследие русской диаспоры Туниса, несомненно, входит в единую летопись русской эмиграции и представляет золотые страницы книги *Зарубежная Русь*.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абданк-Коссовский Владимир. 1956. *Русская эмиграция. Итоги за 35 лет (окончание)*. «Возрождение. Литературно-политические тетради». Париж. № 54: 128–138.
- Автографы Бизерты. Дневники. Воспоминания. Размышления*. 2012. Сост. Акулова-Конецкая Т.В. Москва: Библиотека Фонда им. А.А. Манштейн-Ширинской.
- Бизертинский Морской сборник. 1921–1923*. 2003. Ред. Лобыцын В.В. Москва: Согласие.
- Горбачев Сергей. *Анастасия Бизертская: жизнь после смерти*. «Графская пристань». (online) <http://grafskaya.com/?p=2594> (доступ 6.09.2019).
- Зернин Александр. 1926. *Госпожа Энская-Бен-Хаджи-Мимун*. «Возрождение» № 552: 2.
- Зернин Александр. 1995. *Балтийцы. Морские рассказы*. Москва: Филология.
- Зернин Александр. 2012. *Гардемарины*. Санкт-Петербург: Русская культура.
- Зернин Александр. 2012. *Женитьба доктора Поволжина (Истинное происшествие)*. Москва: Лепта Книга.
- «Кадетская переключка». 1976. Периодический журнал Объединения Кадет Российских зарубежных Кадетских Корпусов. Нью-Йорк. № 15.
- Кнорринг Ирина. 2009. *Повесть из собственной жизни. Дневник*. Москва: АГРАФ.
- Кнорринг Ирина. 2014. *Золотые миры. Избранное*. Ред. Чернова Н.М. Алматы: Аграф.
- Мамченко Владимир. 1964. *Воспитание сердца*. Париж: Editeur G. Gerell.
- Монастырев Нестор. *Записки морского офицера*. (online) http://www.dk1868.ru/history/Monastirev_zapiski.htm (доступ 6.09.2019).
- О книгах, газетах и журналах*. 1933. «Морской журнал» № 8–9 (68–69): 26 (114).
- Стахевич Михаил. 1938. [О творчестве Н.А. Монастырева]. «Морской журнал» № 3 (123): 7–8.
- Степанов С.А. 1959. *Африканские воспоминания*. «Морские записки» № 1 (49): 50–63.
- Струве Глеб. 1996. *Русская литература в изгнании*. Москва: Русский путь.
- Узники Бизерты. Документальные повести о жизни русских моряков в Африке в 1920–1925 гг.* Сост. Власов С. Москва: Российское отделение Ордена св. Константина Великого.
- Фокагитов Д. 1931. *Опыт морской библиографии*. «Морской журнал» № 4 (40): 7 (75).
- Шереметьев Михаил. 1929. *Русская эскадра в Бизерте*. «Возрождение» № 1608: 2.
- Ширинская Анастасия. 2003. *Бизерта. Последняя стоянка*. Санкт-Петербург: Издательство Фонд содействия флоту «Отечество».
- Я.Г. 1962. *А.В. Зернин*. «Возрождение». Париж. № 126: 77–78.

REFERENCES

- Abdank-Kossovskij Vladimir. 1956. *Russkaâ èmigraciâ. Itogi za 35 let (okončanie)* [Russian emigration. Results in 35 years (termination)]. “Vozroždenie. Literaturno-političeskie tetradì” (Paris) no 54, pp. 128–138. (In Russ.)
- Â.G. 1962. A.V. Zernin [A.V. Zernin]. “Vozroždenie” (Pariž) no 126, pp. 77–78. (In Russ.)

- Avtoğrafy Bizerty. Dnevnik. Vospominaniâ. Razmyšleniâ* [Autographs of Bizerte. Diaries. Memoirs. Reflections]. Hrsg. Akulov-Konetskaya T.V. Moscow, Biblioteka Fonda im. A.A. Manštejn-Širinskij. (In Russ.)
- Bizertinskij Morskoj sbornik. 1921–1923* [Bizertinsky Sea collection. 1921–1923]. 2003. Ed. Lobytsyn V.V. Moscow, Soglasie. (In Russ.)
- Fokagitov D. 1931. *Opyt morskoy bibliografii* [Experience of the sea bibliography]. “Morskoj žurnal” no 4 (40), p. 7 (75). (In Russ.)
- Gorbačev Sergej. *Anastasiâ Bizertskaâ: žizn' poslesmertj*. “Grafskaâ pristan” [Anastasia Bizertskaya: life after death. “Count pier”]. Available at: <http://grafskaya.com/?p=2594> (Accessed 12 December 2019). (In Russ.)
- “Kadetskaâ Pereklička”. 1976. Periodičeskij žurnal Ob’edineniâ Kadet Rossijskih zarubežnyh Kadetskikh Korpusov (N’û-Jork) no 15 [Cadets Rollcall. 1976. Periodical Magazine Published by Association of Russian Cadets graduated outside of Russia] (New York) no 15. (In Russ.)
- Knorring Irina. 2009. *Povest' iz sobstvennoj žizni. Dnevnik*. Moskva: AGRAF [The story from own life. Diary]. Moscow, AGRAF. (In Russ.)
- Knorring Irina. 2014. *Zolotyje miry. Izbrannoe* [Gold worlds. Favourites]. Ed. Chernov N.M. Almaata, Agraf. (In Russ.)
- Mamčenko Vladimir. 1964. *Vospitanie serdca* [Education of heart]. Paris, Editeur G. Gerell. (In Russ.)
- Monastyrev Nestor. *Zapiski morskogo oficera* [Notes of the naval officer]. Available at: http://www.dk1868.ru/history/Monastirev_zapiski.htm (Accessed 12 December 2019). (In Russ.)
- O knigah, gazetah i žurnalah* [About books, newspapers and magazines]. 1933. “Morskoj žurnal” no 8–9 (68–69), p. 26. (In Russ.)
- Stahevič Mihail. 1938. *O tvorčestve N.A. Monastyreva* [About N.A. Monastyrev’s creativity]. “Morskoj žurnal” no 3 (123), pp. 7–8. (In Russ.)
- Stepanov S. A. 1959. *Afrikanskije vospominaniâ* [African memoirs]. “Morskie zapiski” no 1 (49), pp. 50–63. (In Russ.)
- Struve Gleb. 1996. *Russkaâ literatura v izgnanii* [The Russian literature in exile]. Moscow, Russkij put’. (In Russ.)
- Šeremet’ev Mihail. 1929. *Russkaâ èskadra v Bizerte* [The Russian squadron in Bizerte]. “Vozroždenie” no 1608, p. 2. (In Russ.)
- Širinskaâ Anastasiâ. 2003. *Bizerta. Poslednââ stoânka* [Bizerte. Last parking]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Fond sodejstvii flotu “Otečestvo”. (In Russ.)
- Uzniki Bizerty. Dokumental'nye povesti o žizni russkikh morâkov v Afrike v 1920–1925 gg.* [Prisoners of Bizerte. Documentary stories about life of the Russian seamen in Africa in 1920–1925]. Hrsg. Vlasov S. Moscow, Rossijskoe otdelenie Ordena sv. Konstantina Velikogo. (In Russ.)
- Zernin Aleksandr. 1926. *Gospoža ènskaâ-Ben-Hadži-Mimun* [Madam Enskaya-Ben-Hagi-Mimun]. “Renaissance” no 552, p. 2. (In Russ.)
- Zernin Aleksandr 1995. *Baltijcy. Morskie rasskazy* [Baltic Fleet sailors. Sea stories]. Moscow, Filologičeskij. (In Russ.)
- Zernin Aleksandr. 2012. *Gardemarinj* [Naval cadets]. St. Petersburg, Russkaâ kul'tura. (In Russ.)
- Zernin Aleksandr. 2012. *Ženit'ba doktora Povolžina (Istinnoe proisšestvie)* [Doctor Povolzhin’s marriage (True incident)]. Moscow, Lepta Kniga. (In Russ.)

DOI: <https://doi.org/10.31648/apr.5386>

Дата подачи статьи: 10 февраля 2020 г.
Дата принятия к печати: 8 марта 2020 г.

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ БОРИСА ЗАЙЦЕВА ПЕРИОДА ЭМИГРАЦИИ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГЕОПОЭТИКИ

Виктория Захарова

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина,
Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6871-1368>

E-mail: victoriazaharova95@gmail.com

Аннотация: Объектом исследования в данной статье являются малоизвестные путевые очерки Бориса Константиновича Зайцева, ранее публиковавшиеся в эмигрантской периодике и недавно изданные в Санкт-Петербурге [Зайцев 2018]. Целью анализа является обнаружение, на материале путевых очерков Б.К. Зайцева о Франции, Финляндии, Италии, свойственных мировосприятию писателя аксиологических констант и выявление присущих ему особенностей геопоэтики. Это, к примеру, восприятие современного бытия сквозь призму религиозно-философских воззрений, сквозь непреходящие ценности мирового искусства. Важно увидеть, что писатель умел на малом пространстве текста показать неповторимую взаимозависимость истории, собственно географического пространства – государства, города – и национальной судьбы народов, что определяет онтологическую масштабность его произведений.

Ключевые слова: Зайцев, геопоэтика, путевой очерк, онтология

Submitted on February 10, 2020

Accepted on March 8, 2020

TRAVEL ESSAYS BY BORIS ZAITSEV DURING THE PERIOD OF EMIGRATION: AXIOLOGICAL ASPECTS OF GEOPOETICS

Victoria Zakharova

Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6871-1368>

E-mail: victoriazaharova95@gmail.com

Abstract: This report analyses the little-known travel essays by B.K. Zaitsev, previously published in the expat periodicals and recently published in St. Petersburg (B. Zaitsev, *Glimpses of the Eternal. Unknown short stories, essays, memoirs, interviews / Comp., Entry article, subparagraph of the text and commentary by A.M. Lyubomudrov. St. Petersburg: LLC Publishing House “Rostok”, 2018*). The purpose of the analysis is to discover, in the material of travel essays by B.K. Zaitsev about France, Finland, and Italy, axiological constants characteristic of the writer’s worldview and to reveal the inherent features of geopoetics. This, for example, is the perception of modern life through the prism of religious and philosophical views, through the enduring values of world art. It is important to see that the writer was able in a small space of text to show the unique interdependence of history, the actual geographical space – the state, the city – and the national fate of peoples, which determines the ontological scale of his works.

Keywords: Zaitsev, geopoetics, travel essays, ontology

Русским эмигрантам, оказавшимся на чужбине, пришлось невольно осваивать целый мир – в самом прямом смысле этого слова. География эмигрантского рассеяния необъятна. И художественное творчество оказалось в уникальной роли: благодаря ему мир лучше узнал Россию.

Очень верно писал об этом Вадим Крейд, имея ввиду поэзию русской эмиграции. Приведя ряд примеров, исследователь заметил:

Все это – не туристические открытки, а биографические переживания. Чаще всего поэты-эмигранты писали о России, но в их поэзию вошло все многообразие земных широт, долгот и столетий русской культуры. Страна обитания дает порой о себе знать не только в темах и мотивах, но и на более тонком поэтическом

уровне – в интонации, ритме, жесте. «Глобальная деревня» осваивалась поэтами эмиграции не по путеводителю, а по необходимости. Муза дальних странствий любит экзотические наряды, но, когда экзотическое становится будничным, своим околотком и околицей, наступает второе видение, как приходит второе дыхание в марафонском беге [Крейд 1991, 5].

Б.К. Зайцев в эмиграции создал множество прекрасных произведений в жанрах путевого очерка, эссе, воспоминаний о различных путешествиях, поездках, где отразились его впечатления, выражающие необычайное внутреннее богатство натуры этого писателя.

Обратимся к малоизвестным путевым очеркам Б.К. Зайцева, ранее публиковавшимся лишь в эмигрантской периодике и недавно изданным в Санкт-Петербурге Алексеем Марковичем Любомудровым. На ограниченном пространстве данной работы выделим лишь ряд очерков о Франции, Финляндии и Италии, написанных в основном в 1920-е – 1930-е годы.

Все эти очерки озаглавлены названиями мест, которым они посвящены. Каждый из них замечательно представляет читателю определенный город, край в его самобытной неповторимости. И вместе с тем мы через восприятие писателя приобщаемся к неким аксиологическим константам, общим для всех.

Так, первый из цикла очерков *Прованс*, посвященный древнему городу Драгиньяну, эпиграфически начинается словами: «Узкоколейка с крошечными вагончиками приятна тем, что напоминает детство и глушь России (...)» [Зайцев 2018, 109]. Это совершенно определенная доминанта вообще многих эмигрантских путевых очерков, рассказов: во всем увидеть Россию, которая никогда не уходила из их сердец и потому напоминала о себе как некая метафизическая сущность, а не просто конкретное узнавание в эпизоде.

Дистанцированный взгляд писателя «из окна вагона» выхватывает не только красоту пейзажа:

А потом поворот и открылась долина, широкая, светлая, в ней Драгиньян (...) Некая благословенность есть в этих местах. Их любят люди, любят здесь осесть и обзаводиться, на столетия начинать пряжу свою – ежедневной и трудовой, мирной и сладостной жизни [Зайцев 2018, 109].

Так в одной фразе у Зайцева представлена схваченная им концепция бытия французской провинциальной жизни: такой же целесообразной своим трудовым ритмом, какой свойственен жизни мирных тружеников в любом другом месте земли. В этом усматриваются черты идиллического хронотопа, о которых писал Михаил Бахтин применительно к античности:

Это выражается прежде всего в особом отношении времени к пространству в идиллии: органическая прикрепленность, приращенность жизни и ее событий к месту – к родной стране со всеми ее уголками, к родным горам, родному долу, родным полям, реке и лесу, к родному дому. Идиллическая жизнь и ее события неотделимы от этого конкретного пространственного уголка, где жили отцы и деды, будут жить дети и внуки [Бахтин 1975, 374].

В очерке *Арль* есть фрагмент, посвященный музею Арлантен – музею провансальской народной культуры, основанному Фредериком Мистралем, – Зайцев называет его «музеем любви к Провансу» [Зайцев 2018, 131]. Писатель воспринимает его именно так, как свойственно представителю русской эмиграции первой волны:

Всякого, у кого есть чувство земли, родины и кровной связи с нею, этот музей пронзает. Он особенно трогает русского на чужбине. Вот жил Мистраль, в нескольких километрах от Арля, и всю жизнь отдал родной земле. Создал новый язык и поэзию, и написал эпопею Прованса. Собою выразил всех. Как и Данте, Мистраль – энциклопедия своей страны: люди, пейзажи, обычаи, воздух, солнце Прованса... – все у него. Получив Нобелевскую премию, он и ее отдал – на устройство музея, на прославление родины (...) Сколько музеев я видел! Но этот, небольшой, скромный, где кроме меня бродило еще два-три человека, вызвал чувство почти религиозное: вот она, связь с землей, с родными богами, таинственная пряжа, называемая нами культурой, *уважением* (новое определение культуры: культура есть уважение) [Зайцев 2018, 131] (Курсив автора).

В этом фрагменте отчетливо видны черты зайцевской «ностальгической геопоэтики»: пиетет перед культурой другого народа, перед возможностью прославить *своим трудом свою землю*, сочетается с горестным чувством отторженности от родного, ставшим уделом русских эмигрантов.

Б. Зайцев в своих очерках поражает своими познаниями истории тех мест, в которые он направился. При этом писатель умеет обнаружить в прошлом аксиологическую значимость вековых духовных традиций. Так, он пишет:

Сильны в Драгиньяне были замечательные учреждения – братства. Объединялись ремесленники разного рода оружия, просто граждане с целью сообща творить дела милосердия, благотворения, проповедовать. Вот высокий стиль жизни в скромном городе. И вот защита против пошлости. Брали имена святых: братство св. Бернарда, св. Себастьяна или Спасителя, Св. Духа [Зайцев 2018, 111].

Выражение тонкого понимания основ христианского вероучения на примерах осмысления полученных впечатлений – одна из черт поэтики очерков, придающая им цельность. Один из самых ярких примеров здесь – очерк

Авиньон. В нем главное впечатление – огромное Распятие перед храмом под открытым небом, запомнившееся автору во время более ранней поездки в Авиньон: «И тогда и теперь так странно, пронзительно-волнующе оно действовало» [Зайцев 2018, 134]. Вызванное этим образом воспоминание оживает на страницах очерка. В прежний приезд, под Пасху, он оказался свидетелем, как в Собор, где полулежало распятие, приходили дети «поклоняться Ему» [Зайцев 2018, 134]. Писателя тогда глубоко тронуло увиденное:

Я хорошо помню детей с цветами – они становились на одно колено, крестились и целовали Распятого. Они ласкали и Его израненные ноги, один простенький, небольшой мальчик даже как-то приник к потемневшему дереву, гладил его, разложил на нем свои цветы – часть к голове, часть к стопам – удивительным показалось мне это отношение детей к Богу. Они Его не боялись, а любили [Зайцев 2018, 134].

Зайцев, как это свойственно ему, «поднимает» увиденное над сиюминутным, «здесь и сейчас» увиденным, – соединяет временное с Вечным, – особенно, когда речь идет о сакральных вещах: «В тот прохладный, ветреный авиньонский день в храме Богородицы Бог как-то был среди детей, и дети воистину были в Боге» [Зайцев 2018, 134].

И здесь же обнаруживаем еще одну важную черту художественного восприятия писателя: сокрушенное понимание им несовершенства и греховности человеческого сообщества, утратившего детскую цельность сознания. Здесь, в Авиньоне, Распятие обращено к той части города, в которой расположены притоны с красными фонарями. Поэтому Зайцев завершает этот фрагмент очерка сокрушенным размышлением: «Вот потому и запомнилось, и пронзает: Господь устремляющийся, Господь зовущий... Дети слышат Его. Взрослые...» [Зайцев 2018, 134]. Понятно при этом, что речь идет не только об Авиньоне. Обобщение закономерное, ибо в христианстве нет «ни эллина, ни иудея».

Во многих путевых очерках и воспоминаниях Зайцева восприятие увиденного непременно вызывает литературные ассоциации, способствующие необычайному семантическому обогащению текста. Как известно, Зайцев любил и хорошо знал творчество Данте. Не случайно в метатексте его произведений можно встретить множество дантовских аллюзий и реминисценций. Так и здесь. Очерк *Аббатство Тороне*, к примеру, начинается так:

Если я выйду из-под чудесных каштанов Люжета, спущусь аллеей тутовых деревьев, и, слегка поднявшись из долины, пересекши пыльную дорогу, вступлю тропинкою в глухой, пустынный лес, – сосны да кустарники, под рукой

голубоватая лаванда, тмин, дикий укроп, – то, пожалуй, это и дантовский «selva selvaggia, ed aspra e forte» [Зайцев 2018, 116].

Строчка эта переводится так: «Дикий лес, дремучий и грозный» (ит.), – метафора того состояния героя, которое изображено в *Божественной комедии* в самом ее начале.

И заканчивает Зайцев свой очерк об аббатстве Тороне проекцией на Данте: «Солнце скрылось. Чтобы не заблудиться окончательно, надо было возвращаться – тоже на глухую, каменистую, дантовскую – все же тропу» [Зайцев 2018, 121]. «Дантовская тропа» как непрерывный путь духовных исканий – геопозитический образ, очень близкий автору. Именно мифологема «пути» для него оказалась ключевой, ее присутствие обнаруживается во многих его произведениях, начиная с ранних, дооктябрьских, – к примеру, в романах *Дальний край* (1913), *Голубая звезда* (1918), – и «ложится» на обложку его главного произведения – автобиографической тетралогии *Путешествие Глеба* (1937–1952).

Так буквально одно слово (но какое – «дантовский») укрупняет смысловую емкость путевого очерка у Зайцева, придает ему онтологическую значимость.

Примеры такого рода можно умножать, – так, один из фрагментов очерка *Авиньон* заканчивается изображением увиденной панорамы: «В сияющей дали, над коричневатыми крышами – Воклюз, где жил Петрарка» [Зайцев 2018, 135]. Особенно выделяется в этом плане очерк *Отейль*. Это – название квартала в парижском округе Пасси, где обосновалось много русских. Для Зайцева – это не просто место проживания. Он прекрасно знает, сколько литературных имен мировой значимости связано с этим пригородом столицы, какой богатой была его история. И здесь рождаются у писателя замечательные мысли:

Годы и годы, чужая земля... Все длинной полоса жизни в Отейль. Радости малые и большие, горести большие и малые уже связаны с этими тихими краями. Что-то они в нас вносят. Что-то и мы им даем. *Может быть, от ежедневных наших прохождений не совсем уж те улицы, и мы – не совсем те – от них.* Друг на друга влияем, как влияли на эти края целые поколения до нас живших, как на них некогда влияли свежие рощи и виноградники Отейля... Чувство движения, но и вечной правды каждого времени, “преждепочивших отцов и братьев” – всегдашнее единство бытия текучего, плывучего, “реки времен” [Зайцев 2018, 166] (Курсив мой. – В.З.).

Тут мы попадаем в самый фокус лучей, высвечивающих ядро зайцевской геопозитики: писатель убежден во *взаимосвязи живущих и живших*,

в ментальной взаимозависимости человека и пространства. Понимание сущности подобной интерференции трудно переоценить.

Далее в этом очерке, писатель как бы развертывает «летописи благородных мест» [Зайцев 2018, 166] и негромко убеждает читателя в проявлении самых различных вариантов такого взаимовлияния, – начиная с древнейших времен. И завершает примером из новейшей истории: «новое, странное племя появилось в Отейле: русские» [Зайцев 2018, 187]. Так, с мягкой иронией, писатель рассуждает: «Тут некая странность, иной раз и сам себя спрашиваешь, почему это мы, перекати-поле, ведущие жизнь самую “случайную”, оказались в таком количестве в таком серьезном месте?» [Зайцев 2018, 178].

Но при этом он убежден, что, десятилетиями живя здесь, русская эмиграция, возможно, несколько «русифицирует» местность и вместе с тем, принимает ее черты, что не мешает ей оставаться в рамках своей национальной традиции. Зайцев вспоминает одно из собраний русских писателей в маленьком кафе:

Рядом с домом Мольера и кабачком Расина, недалеко от усадьбы Буало обсуждались особенности языка Лескова. (Русские принесли-таки свои святыни в латинское место, без этого мы не можем, и надо порадоваться, что принести *есть что*). Хорошее это было собрание. Оставило своеобразный след: русско-отейльский» [Зайцев 2018, 178. (Курсив автора).

Италия имела в жизни Б. Зайцева особое значение. С ней были связаны прекрасные воспоминания молодости. В эмиграции они обострились. Об этом есть глубокие исследовательские работы современных литературоведов [Комолова 1998; Анри (Глушкова) 2001; Рылова 2013].

Для Б. Зайцева Италия была прежде всего страной св. Франциска. Так назвал он переработанный в 1929 году очерк *Ассизи* для газеты «Возрождение», написанный в 1918 году и опубликованный в 1923 году в Берлине в книге *Италия*, о чем сообщает в своих примечаниях А.М. Любомудров [Зайцев 2018, 579].

Страна св. Франциска, его родина, это, по Зайцеву, не только «край, казалось, бескрайний»:

Это была страна святого, *безбрежная и кроткая тишина*, что составляет душу Ассизи, что вводит весь строй человека века в ту ясность и плавучесть, когда уходят чувства мелкие и колющие – дальше становится своим, любимым. Позабудешь все надломы, – только смотришь, смотришь [Зайцев 2018, 182] (Курсив мой – В.З.).

Здесь мы встречаем столь свойственную для геопоэтики Зайцева особенность: наделение окружающего пространства одухотворенностью, а когда речь идет о восприятии святости, то и сакральностью. Природа и человек оказываются рядоположны перед Вечностью в ее христианских ценностных началах. При этом *дальнее* соотносится с современностью очень органично: «Не знаю, чем теперь занимаются эти жители. Но по облику их жилищ можно подумать, что недалеко отошли они от святой бедности, которую проповедовал учитель» [Зайцев 2018, 183] (Курсив автора). И далее: «Кажется, тут трудно гневаться, ненавидеть, делать зло» [Зайцев 2018, 185].

В 1949 году в *Русской мысли* публиковались четыре очерка об Италии [Зайцев 2018, 579–580]. Зайцев побывал там с женой Верой Алексеевной вновь спустя 25 лет жизни во Франции. Италия их молодости, выпавшей на дореволюционное время, вставала в своей полюбившейся возвышенной красоте: «Для многих из моего поколения Италия не просто страна, – признавался писатель, – “Лучший мир”, куда можно уйти от серости, обыденности или ужаса...» [Зайцев 2018, 187].

Разумеется, восприятие Италии как сокровищницы мирового искусства – закономерное многовековое явление. Но у каждого человека эти сокровища воспринимаются через собственный жизненный опыт, а опыт эмиграции – совершенно особенный. И очевидно, что именно этот взгляд: человека эмиграции, прошедшего через страшное горнило революционных катаклизмов и войн – отличает здесь геопоэтику Зайцева. Даже его любимый Данте в очерке о Флоренции вспоминается так: «Направо за углом, шагах в полутора-раста, родился и до тридцати пяти лет жил Данте, первый великий эмигрант Европы» [Зайцев 2018, 195].

Италия для Зайцева – это символ Вечности тех ценностей, которые воплощают духовность, свет, красоту, высшие начала бытия. В романе *Золотой узор* (1926) есть такая фраза: «Не сдвинуть Рима времени» [Зайцев 1991, 295]. Верно наблюдение, что «судьбы России начала XX века осмыслены в романе исторически и сопоставлены с судьбами античной и европейской цивилизаций» [Комолова 2006, 121]. На Вечное «настраивался» геопоэтический код художественного мышления писателя.

И здесь, в очерке, читаем: «Приятный, первый в Италии настоящий колокольный звон. “Ничего, все в порядке. Мир стоит еще на своем месте”» [Зайцев 2018, 190]. Волнения от встречи с прекрасным, с любимыми художниками выражают строки: «Дышал воздухом величайшего, что дала бедная наша земля» [Зайцев 2018, 201]. И характернейшая черта здесь – пушкинский мотив

благодарения при воспоминании о молодости: «Но все, что было пережито, да будет благословенно. Да будет благословенна молодость и незаслуженное счастье» [Зайцев 2018, 199]. Свою признательность Зайцев обращает и непосредственно *городу*, с которым его связывало особенное чувство:

Флоренция дала лучшие дни жизни. Молодости – свет и восторг. Зрелым годам, отрезанным бедствиям войн, потрясений, – утешение воспоминаний (второй мир, рядом с непереносимым). И теперь, в обстоятельствах почти невозможных, надо было вновь увидеть ее – бегло, едва ли не сквозь сон: но увидеть и поклониться. Наверное – попрощаться [Зайцев 2018, 195].

Очерки о Финляндии интонированы совершенно иначе. Финляндия как самое территориально близкое к России государство всегда воспринималась русскими в Европе как особая приграничная зона: родина, казалось, совсем рядом, и одновременно так недоступна. Это обусловило особенно пронзительную ноту ностальгии в «финских» очерках Б. Зайцева, как и других эмигрантских писателей.

Очерки написаны в 1935 г. под впечатлением поездки в Финляндию вместе с женой по приглашению родственницы Веры Алексеевны Зайцевой Анны Кауше [Зайцев 2018, 583–585].

На берегу финского залива, в курортном местечке Келломяки, объясняет Зайцев, легко можно было узнать, кто здесь русский: «Если с биноклем, значит, русский. Финну неинтересно глядеть вдаль. Русский же видит ни больше, не меньше – родину» [Зайцев 2018, 209]. И, конечно, ее восприятие идет чрез тяжелые воспоминания обстоятельств изгнания. Глядя в бинокль на Кронштадт, одна из дам сказала: «Голгофа России» [Зайцев 2018, 209].

Резко очерчено здесь у Зайцева в восприятии границы: «свое» – «чужое». «Свое», Россия, оказывается теперь отчужденным, опасным, а «чужое», Финляндия – спокойным и мирным убежищем.

Для эмигрантов из России Финляндия была дорога еще и тем, что из нее можно было попасть на остров Валаам. Очерк *Валаам* интересен тем, что писатель не только с благоговением впитывает в себя высокий образ монастырской жизни («старцы дают нам образ духовного мира, некий намек на Царствие Божие» [Зайцев 2018, 214]). Зайцев выражает свое беспокойство о будущем этого святого места, понимая опасность оскудения иноческой братии в ситуации изгнания. Но мудрость писателя выразилась здесь в его убежденности: «в истории многовековых созданий, как Афон, Валаам, надо мерить мерою крупной» [Зайцев 2018, 214]. Он размышляет:

дальнейшее будет зависеть от судеб Родины нашей, судеб самого православия. Сейчас, когда смотришь на немногочисленных молодых валаамских монахов, думаешь, что вот им-то предстоит одинокое хранение святыни русской. Доживут ли они до времени, когда Россия перестанет быть врагом религии и оттуда придет смена, или не доживут – неизвестно. Русские люди в изгнании могут только пожелать им сил и Божьего благословения во все растущем подвиге [Зайцев 2018, 215].

Важно здесь, что писатель, несмотря ни на что, верил в грядущий приход перемен в России, и не напрасно.

Поразительно легко в текстах Зайцева сочетается частное, единичное, близкое одному человеку, и – общебытийное, онтологическое. Выше мы приводили пример из очерка об Отейле, где писатель выражал свою уверенность в той взаимозависимости, которая возникает между географическим местом и человеком. В очерке *Финский край. В лесах* встречаемся с подобным философско-эстетическим эффектом.

Хозяйка дома Анна Кауше рассказала писателю о людях, бывавших в нем, и автор комментирует так: «Сами хозяева – уже часть истории этой местности» [Зайцев 2018, 218]. Он воспроизводит рассказ Кауше о своем брате Филадельфе:

Вы ведь знаете, Филадельф был очень, очень верующий человек. Мы когда с ним по Италии путешествовали, то нарочно, по желанию его, заезжали на Сицилию, там разыскали местечко Лентини, где когда-то был замучен св. Филадельф. Поклонились его мощам.

Да, вот и это. И это вошло в мою жизнь, и завтра, идя за грибами, я буду уж я, плюс Филадельф, плюс барон, плюс Лентини [Зайцев 2018, 221].

Очевидно, геопозитическое мышление писателя имело много разнообразных граней, и постижение им ценностного фактора каждого объекта его путешествий отличается богатством интонаций и оттенков философского постижения бытия. Полагаем, исследование творчества Б.К. Зайцева в геопозитическом аспекте, – имея ввиду не только жанр путевых заметок, а весь метатекст автора, – даст немало значимых открытий, ибо философские глубины в сфере взаимодействия человека и пространства, открывающиеся в художественном тексте талантливого автора, поистине безмерны.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анри (Глушкова) Н.В. 2001. *Италия в творчестве Б.К. Зайцева*. В: *Проблемы изучения жизни и творчества Б.К. Зайцева*. Вып. 3. Калуга: Гриф: 167–174.
- Бахтин Михаил Михайлович. 1975. *Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике*. В: Бахтин М.М. *Вопросы литературы и эстетики*. Москва: Художественная литература: 121–290.
- Зайцев Борис Константинович. 1991. *Золотой узор*. В: *Золотой узор: Роман. Повести*. Москва: Интерпринт: 15–298.
- Зайцев Борис Константинович. 2018. *Отблески Вечного. Неизвестные рассказы, эссе, воспоминания, интервью*. Ред. Любомудров А.М. Санкт-Петербург: Издательство «Росток».
- Италия в творчестве Б.К. Зайцева*. В: *Проблемы изучения жизни и творчества Б.К. Зайцева*. Вып. 3. Калуга: Издательство «Гриф»: 167–174.
- Комолова Нелли Павловна. 1998. *Италия в судьбе и творчестве Бориса Зайцева*. Москва: Институт всеобщей истории Российской академии наук.
- Комолова Нэлли Павловна. 2006. *Б.К. Зайцев в Италии и об Италии*. В: *Наследие Б.К. Зайцева: Проблематика, поэтика, творческие связи*. Орел: ПФ «Картуш»: 119–123.
- Крейд Вадим. 1991. *Поэзия первой эмиграции*. В: *Ковчег: Поэзия русской эмиграции*. Ред. Крейд В. Москва: Политиздат: 3–21.
- Рылова А.Е. 2013. *Значение итальянского текста культуры для представления мотива пути в творчестве Б. Зайцева*. «Вестник Удмуртского университета» Вып. 4: 56–62.

REFERENCES

- Anri (Glushkova) N.B. 2001. *Italiya v tvorchestve B.K. Zajceva* [Italy in the works of B.K. Zaitsev]. In: *Problemy` izucheniya zhizni i tvorchestva B.K. Zajceva* [Problems of studying the life and work of B.K. Zaitsev]. Vy`p. 3. Kaluga, Grif Publ., pp. 167–174. (In Russ.)
- Baxtin Mixail Mixajlovich. 1975. *Formy` vremeni i xronotopa v romane: Oчерки po istoricheskoy poe`tike* [Forms of time and chronotope in the novel: Essays on historical poetics]. In: Baxtin M.M. *Voprosy` literatury` i e`stetiki* [Questions of literature and aesthetics]. Moscow, Xudozhestvennaya literature Publ., pp. 121–290. (In Russ.)
- Komolova Ne`lli Pavlovna. 1998. *Italiya v sud`be i tvorchestve Borisa Zajceva* [Italy in the fate and creativity of Boris Zaitsev]. Moscow, Institut vseobshhej istorii Rossijskoj akademii nauk Publ. (In Russ.)
- Komolova Ne`lli Pavlovna. 2006. *B.K. Zajcev v Italii i ob Italii* [B.K. Zaitsev in Italy and about Italy]. In: *Nasledie B.K. Zajceva: Problematika, poe`tika, tvorcheskie svyazi* [B.K. Zaitsev's legacy: Problems, poetics, creative connections]. Orel, "Kartush" Publ., pp. 119–123. (In Russ.)
- Krejd Vadim. 1991 *Poe`ziya pervoj e`migracii* [Poetry of the first emigration]. In: Kovcheg: *Poe`ziya russkoj e`migracii* [The ark: the Poetry of the Russian emigration]. Ed. Krejd V. Moscow, Politizdat Publ. (In Russ.)
- Ry`lova A.E. 2013. *Znachenie ital`yanskogo teksta kul`tury` dlya predstavleniya motiva puti v tvorchestve B. Zajceva* [The meaning of the Italian text of culture for the representation of the motif of the way in the work of B. Zaitsev]. "Vestnik Udmurtskogo Universiteta" Vy`p. 4, pp. 56–62. (In Russ.)
- Zajcev Boris Konstantinovich. 1991. *Zolotoj uzor* [Golden pattern]. In: *Zolotoj uzor: Roman. Povesti* [Golden pattern: Roman. Lead]. Moscow, Interprint Publ., pp. 15–298. (In Russ.)
- Zajcev Boris Konstantinovich. 2018. *Otbleski Vechnogo. Neizvestny`e rasskazy`, e`sse, vospominaniya, interv`yu* [Glimpses Of The Eternal. Unknown stories, essays, memoirs, interviews]. Ed. Lyubomudrov A.M. Saint-Petersburg, Rostok Publ. (In Russ.)

DOI: <https://doi.org/10.31648/apr.5387>

Дата подачи статьи: 14 декабря 2019 г.

Дата принятия к печати: 8 марта 2020 г.

ИДЕЯ ПРОСТОРА В ТВОРЧЕСТВЕ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Elena Janczuk

Uniwersytet Warszawski, Polska

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5535-3207>E-mail: e.janchuk@uw.edu.pl

Аннотация: В данной статье рассматривается идея простора как феномена экзистенциально-эстетического порядка. В работах, посвященных творчеству М. Цветаевой, простор не был предметом специального изучения, хотя идея простора занимала поэта, а образы простора также представлены в значительном объеме как в ее прозе, так и в поэзии. В статье прослеживаются способы и направления расширения значения понятия простор в творчестве Цветаевой. Идея простора не была объектом специальной рефлексии поэта, однако простор становится достаточно прочной характеристикой пространства жизни и пространства смерти, простор она находила в действиях и предметах, в людях и отношениях с людьми, в себе самой, что давало ей возможность – в том числе, через простор – вступить в отношения со сферой, находящейся за границей действительности, со сферой метафизического.

Ключевые слова: Марина Цветаева, пространство, простор, горизонталь, вертикаль

Submitted on December 14, 2019

Accepted on March 8, 2020

THE NOTION OF EXPANSE IN THE WORKS OF MARINA TSVETAEVA

Elena Yantchuk

University of Warsaw, Poland

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5535-3207>

E-mail: e.janchuk@uw.edu.pl

Abstract: An expanse, as an existential-aesthetic phenomenon, is almost unexplored in fact. It is also not considered as a subject of special study in works on the poetry of M. Tsvetaeva, although she was interested in the idea of expanse very much and the images of expanse are represented in her poetry and prose in a significant number. In the article, the directions and areas of a wider interpretation of the notion of expanse in the works of Marina Tsvetaeva are designated. The idea of expanse was not the object of the poet's special reflection. But it is a frequently encountered characteristic of the space of life and the space of death, as both were described in her poetry and prose. She could find an expanse in actions and objects, in people and relationships with them, in herself. And through that vision of absolute expanse, she could communicate with the transcendental and metaphysical spheres.

Keywords: Marina Tsvetaeva, space, expanse (prostor), horizontal, vertical

Идею формирования русского характера под влиянием бескрайних российских просторов исследователи Ирина Левонтина и Алексей Шмелев относят к числу банальных и избитых, что нередко «мешает вдуматься в их смысл»:

Тема пространственной беспредельности – один из структурообразующих элементов русской культуры. Она не только часто возникает в русских художественных и философских текстах, но и является общим местом всех расхожих представлений о России и русском национальном характере [Левонтина, Шмелев 2012, 35].

Однако, по словам Сергея Лишаева, простор как феномен экзистенциально-эстетического порядка остается практически неисследованным [Лишаев 2010, 54]. В работах, посвященных творчеству Цветаевой, насколько мне известно, простор также не был предметом специального изучения, хотя

идея простора занимала поэта, а образы простора также представлены в значительном объеме как в ее прозе, так и в поэзии¹. Цветаева призналась в письме Борису Пастернаку: «Я не понимаю времени, я понимаю только Пространство» [СС6, 239]. Категория пространства, по всей видимости, не достаточно точно отражала стремление поэта к безмерности, на что, в частности, указывает оставленное в рабочих тетрадах замечание: «Я не рассчитана на вершки и на секунды. Я рассчитана на большие пространства и сроки. Где она – мера моей безмерности!» [НСТ, 178].

«Пространство» в определенной степени было понято, освоено, к данной лексеме Цветаева обращается реже (по нашим наблюдениям – 81 раз), чем к «простору», который отражает любимое поэтом значение безмерности, включающее семантику «пространства», однако уточняющее его: это, прежде всего, «свободное, не стеснённое ничем пространство» [Ушаков 2012, online]. Частотность употребления словоформы «простор» также иная – 196 раз, с учетом статистической погрешности – почти в два с половиной раза превышает употребление словоформы «пространство». При таком объеме материала могут представлять интерес способы и направления расширения значения понятия простор в творчестве² Цветаевой, которые и будут представлены в статье.

Несколько слов о самом понятии простора. В отличие от пространства, которое указывает на протяженность как таковую, слово «простор», вслед за В. Вейдле, можно отнести к числу непереводаемых и мало понятных иностранцу, «лингвоспецифичных» [Левонтина, Шмелев 2012, 36] явлений, имеющих, как указывает С. Лишаев, «ярко выраженную эмоционально-эстетическую окраску,

¹ В настоящей статье использован языковой материал стихов, поэм, лирической, дневниковой прозы, писем поэта. Художественные и интимные тексты в творчестве Цветаевой тесно связывает категория автобиографизма, которая, по словам Эдварда Касперского, предполагает включение автором собственного опыта и переживаний в материал произведения в характере предмета, а не творческого метода. Автобиографизм является одной из форм авторской образно-творческой игры, которая объединяет высказывания при наличии двух условий: текст связан с описанием жизни личности и ей же продуцируется (ср. Kasperski 2001, 10–11). Цветаева в этом отношении является идеальным примером, в частности, Иосиф Бродский называл ее самым искренним поэтом в истории русской поэзии [Бродский 1992, 2, 399], а сама поэт подчеркивала: «Мои вещи – моя автобиография» [СС7, 651]. О феномене категории автобиографизма в творчестве Цветаевой ср. подробнее [Янчук 2013, 163–173], а о слиянии художественных и «интимных» аспектов творчества в литературе XX века ср. подробнее [Janczuk 2015, 45–55].

² Имеется в виду поэтический мир поэта или его индивидуальная картина мира. В частности, Александр Жолковский подчеркивает: «поэт имеет некоторый единый взгляд на мир и выражает его в своих произведениях, различие между которыми (...) – это просто разные переводы одного и того же комплекса идей на язык вещей» [Жолковский 1996, 213].

указывающую не только на неопределенную форму пространства, но и на нечто, имеющее для человека экзистенциальную ценность» [Лишаев 2010, 51–52]. По мнению ученого, простор указывает на «чувственно конкретную, определенную пространственную “картину”», в просторе «сконденсировано душевное волнение от встречи с особого рода формой, с формой пространства», само слово простор указывает на «определенную конфигурацию пространства». «Простор – это пространство, которое можно любить» [Лишаев 2010, 53]. При этом простор в толковых словарях представлен двумя значениями: 1. Свободное, обширное пространство и 2. Свобода, раздолье [Ожегов, Шведова 2006, online]. То есть семантика простора имеет два смысловых центра – первый, связан с тем, что человек видит, а второй – с тем, как он переживает то, что видит. При этом, как указывает Лишаев, «зрительная составляющая восприятия простора (его физика) неотделима от его метафизики, от того, что происходит в душе» [Лишаев 2010, 54]. То есть, когда мы говорим о просторе, у нас возникает представление о свободе, и наоборот – когда мы говорим о свободе, возникает картина простора.

Следует начать наш анализ с «визуальных» образов простора в творчестве Цветаевой. В русской картине мира в слове простор «обнаруживается ширина в большей степени, чем высота или глубина» [Левонтина, Шмелев 2012, 36], в семантике простора «содержится» наблюдатель, которого пространство не предполагает, «простор – всегда зрительно воспринимаемое открытое пространство, чаще всего связанное с равнинным степным пейзажем или с чистым полем» [Левонтина, Шмелев 2012, 36]. Как пишет С. Лишаев, «воспринимающий простор человек должен занимать положение, которое позволяло бы ему скользить взглядом по горизонтали, параллельно земной поверхности» [Лишаев 2010, 55]. У простора, таким образом, имеется некий исходный пункт, то есть пункт наблюдателя, а на простор человек устремляется, рвется. «Горизонтальное» измерение простора появляется уже в ранних стихах, в 1910 году Цветаева призывает спасти любовь, унося ее на простор: «На солнце, на ветер, на вольный простор/ Любовь уносите свою!» [СС1, 73]. Простор как перспектива некоторых динамических пространственных изменений появляется в поэме *Царь-девица* (1920): Царевичен челн уплывает: «На простор синих волн» [СС3, 214]. В *Молодце* (1922) простор синонимичен раздолью, шири, дали, но тоже имеет одну границу (стрела выпускается из конкретного пункта – в простор): «А и простор у нас татарским стрелам!» [СС2, 94]. В *Крысолове* (1925) дом на границе города устремляет свой взор в просторы (дом антропологизируется): «Вот он, в просторы – лбом,/ Города крайний дом» [СС3, 77]. В *Переконе* (1939) писала: «Последний двор, за ним простор» [СС3, 156].

Форма *просторы* – «это как бы широта во все стороны» [Левонтина, Шмелев 2012, 36]. Просторы статичны, то есть используются в значении раздолья, больших расстояний для совершения каких-либо действий, так в 1917 году, характеризуя творчество Анны Ахматовой, Цветаева отмечает, что ее современница пишет «о неярких просторах Рязанской губернии» [СС4, 565]. Просторы употребляются в значении некой – горизонтальной – перспективы, на фоне которой бушуют стихии:

И марш вперед уже,
Трубят в поход.
О как –

А – в просторах – Норд-Ост и шквал. [СС2, 92–93]

В *Крысолове* особенно подчеркивается, что в просторах нельзя видеть предел, границу или даже цель: «Мертв и сгнил / Тот, кто, идучи, видит тыл / Собственный, и в просторах – порт» [СС3, 82]. В *Световом ливне* (1922) упоминает «берлинские просторы» [СС5, 231], «крымские» стихи Осипа Мандельштама поэт видела написанными: «изнутри владимирских просторов» [СС4, 154], Андрей Белый «обозревал со мной (то есть – с Цветаевой – Е.Я.) из окна свои цоссенские просторы» [СС4, 256]. В *Повести о Сонечке* (1937) Цветаева также упоминает просторы Москвы: «Сонечка жила в кресле. Глубоком, дремучем, зеленом. (...) Кресло стояло у окна, на Москва-реке, окруженное пустырями – просторами» [СС4, 313]. Позднее, среди аргументов, склоняющих Цветаеву вернуться в Россию, был главный: «Наконец – природа: просторы. Это – за» [СС6, 433]³.

Важнейшей особенностью простора является отсутствие границ, препятствий, тесноты (пространство может быть замкнутым). Цветаева писала: «любовь к простору есть любовь к отсутствию препятствий» [СС5, 448]. Это значение особенно проявляется в производных от простора словах – просторный, просторно⁴. У Цветаевой мы находим характеристику мест и

³ Следует заметить, что у Цветаевой отношения с природой не связаны с визуальными впечатлениями (что, в частности, отразилось на полном отсутствии в ее поэзии описательных характеристик природы), просторы природы вызывают метафизические соотнесения: «Природа – избыток, а каждый избыток, кроме человека (не людей!) меня подавляет. С природой я не сливаюсь, не обретая ее, теряю себя, пропадаю в ее пустоте, – у-ми-ра-ю. Люблю поля – просторы, (растравительно, но люблю), – люблю поля, как смерть (2), как церковь (1). Для других Природа – Бытие, для меня – Небытие» [НЗК1, 157].

⁴ Что характерно, просторность у Цветаевой связывается со светом: «Где просторно, там не черно. Чернота – гуща» [СС4, 439]. Писала также об осени как любимом времени года: «Осень, конечно, с просветами и просторами, со сквозью, (...)» [СС7, 388].

стран: «Стран просторных / Гост» [СС3, 608]. Или в 1933 в письме к Вадиму Рудневу пишет: «до тоски хочется новых мест, и не столько новых, как – просторных!» [СС7, 446], в письме Анне Тесковой (1936) вспоминает: «чудное просторное лесное кладбище» [СС6, 443], в *Стихах к Чехии* (1938) заглавную страну характеризует как: «Полон и просторен / Край» [СС2, 346], или в 1941 г. сокрушается: «Жаль будет района, просторного и тихого» [СС7, 754].

Просторными могут быть характеристики и оценки помещений: о доме в Борисоглебском переулке, в котором жила с 1914 по 1922, Цветаева, в частности, писала: «Все было огромное, просторное, запущенное, пустынное, на простор и пустоту помноженное» [СС4, 357]. Кроме того, находим: «Погреба просторные» (1920) [СС3, 216], проемы окон: «Вишу в окне. – Москва в кругу просторном» [СС1, 530], дома: «Огромный богатый особняк во Франции. (...) Простор, блеск и свет богатого дома (богатства)» [НСТ, 314], комнату Макса Волошина: «Была большая просторная комната» [СС4, 201], съемную квартиру в Кламаре, на которую переехала в 1933 году: «очень спокойную и просторную, (...) У меня своя комната, где даже можно ходить» [СС6, 404], съемную мансарду: «Сняли мансарду – просторное, но – пекло, пекло – но просторное – и дешевое» [СС6, 425].

Визуальные характеристики просторности появляются в описаниях тела или его частей, одежды, например, плечи: «За плечьями-просторами / Разошлась двумя крыльями / Рать золотоперая...» [СС3, 259], лоб: «Искала я над лбом своим просторным / Звезд только, а не глаз» [СС1, 533]; лицо: «Испански же женское лицо – самое ненациональное из национальных, представляющее наибольший простор для человеческого лица в его общности и единственности» [СС4, 329], грудная клетка: «Ваша грудная клетка (дорогая!) меня вынесла, – нет! – чтобы мне было просторно в ней, РАСШИРЬТЕ ее – не ради меня: случайности, а ради того, что через меня в Вас рвется». [НСТ, 101]. Просторность одежды отрока становится метафорой шумящего кронами леса, вызывая сложный визуальный образ:

Это – в платье просторном
Отрок, нектаром вскормлен.
Это – сразу и с корнем
Ввысь сорвавшийся лес! [СС2, 145]

Образ просторного платья вызывает ассоциации с душой адресата письма Цветаевой (С. Андроникова-Гальперн, 1932): «У меня чувство, что я видела во сне Вашу душу. Вы были в белом, просторном, ниспадавшем, струящемся, в платье, непрерывно создаваемом Вашим телом: телом Вашей души» [СС7, 151].

По мнению И. Левонтиной и А. Шмелева, простор – «это когда легко дышится, ничто не давит, не стесняет, когда можно пойти куда угодно, когда есть где разгуляться» [Левонтина, Шмелев 2012, 37]. Достаточно рано, в 1914 году, в сознании Цветаевой, простор начинает утрачивать «зрительный» компонент своего значения. Цветаева акцентирует в использовании образа простора значение свободы, раздолья, поскольку, как пишут И. Леонтьева и А. Шмелев: «Без простора нет покоя, без простора – душевная теснота. Только на просторе человек может быть самим собой» [Левонтина, Шмелев 2012, 39]. У Цветаевой наличие или отсутствие простора становится прочной характеристикой людей и отношений с ними. Так в поэме *Чародей* появление заглавного героя сопровождается переменной внутренних ощущений пространства: «И зала делалась просторней, / И у’же – грудь» [СС3, 6]. Простор характеризует реальных людей (1921): «Жена [Магеровского] (...) Очень спокойная (...) – просторная» [СС6, 172]. Признавалась в любви к «Блоку просторов» [СС6, 260], а также в любви к простонародью «везде на просторе и в веселье» [НЗК1, 333]. Позднее в своем сыне отмечала «страсть к простору – которого нет» [СС6, 397]; о приятельнице писала: «Была у меня здесь в гостях мой – уже старый: 10 лет! – и верный друг, А. И. Андреева, наслаждалась простором и покоем» [СС6, 414]. В поэзии простор связывается со значением неизвестности, неопределенности человека, в *Сугробах* (3, 1922):

Простор-человек,
Ниотколь-человек,
Сквозь-пол – человек,
Прошел-человек. [СС2, 103]

В отношениях ценит простор: «Мне с Вами просторно» [СС6, 619]. Этот простор приобретает метафизическое – не визуальное – измерение (1924): «Я Вас люблю (...), но между нами – опять простор – тех набережных, по которым мы ходили ровно год назад, простор – неизбежный для виденья и слышанья друг друга» [НСТ, 421]. О. Колбасиной-Черновой (1925) жаловалась на отсутствие этого необходимого ей для полноты жизни простора: «Я ведь всегда на людях, (...). Одиночество и простор, – этого до смешного нет» [СС6, 753].

Простор становится элементом автохарактеристики, при этом он не означает абсолютной, если можно сказать, «анархической» свободы «без креста». Для Цветаевой некий «метафизический» закон есть: «Только в обруче огромного закона / Мне просторно – мне спокойно – мне светло»

[СС1, 370]. Неудивительно, что Цветаева в Германии, стране правил и регламентов, чувствовала себя просторно:

Притеснен в Германии только притесняющий, т. е. распространяющийся – внешне – за указанный ему предел, пространственный ли, временной ли. Так, например, играя в своей комнате на флейте позже 10 часов, я распространяюсь за предел временной, установленный общежитием, и этим тесню соседа, в самом точном смысле стесняю (укорачиваю) его сон. (...) Мне, до какой-то страсти равнодушной к внешнему, в Германии просторно [СС4, 552].

Простор используется как собственно автохарактеристика: «А обо мне зайдет, скажи: просторы» [НСТ, 88], что уточняет: «Мне важно, чтобы любили не меня, а мое „Я“, ведь это включается в мое. Так мне надежнее, просторнее, вечнее» [СС6, 570]. Простор Цветаева относит к важнейшим характеристикам своей природы: «Я сейчас поняла: с Э<ренбургом> у меня было Р, моя любимая (мужественность!) буква: дружба, герой, гора, просторы, разлука: всё прямое во мне» [НСТ, 97]. Что характерно, 6-летний сын поэта Мур сказал: «Я напишу, что моя мать любила негров – деревья – простор...» [НСТ, 458]. В зрелые годы, чтобы обеспечить уют, Цветаева могла почувствовать себя просторным помещением – замком, в письме Анатолию Штейгеру (1936) писала: «Я себя сейчас чувствую своим замком, в котором Вы живете. Пустынно, огромно, сохранно и обнимающе Вас со всех сторон – но таким просторным объятием! – и сколько в нем места, и Вы всюду можете ходить, и нет запретной комнаты (...)» [СС7, 577]. Позднее, в августе 1938, будет уверена: «со мной спокойно – и просторно» [СС7, 528].

Здесь следует указать на то, что противопоставление тесноты и простора становится у Цветаевой еще в ранних недатированных стихах особой риторической фигурой. В это противопоставления вовлекается как «зрительная» сторона простора, например, субъективная теснота комнат зимой противопоставляется простору полей (1917):

И в заточеньи зимних комнат
И сонного Кремля –
Я буду помнить, буду помнить
Просторные поля [СС1, 364],

так и его эмоционально-чувственная сторона, в частности, уютная повседневность противопоставляется скитальничеству: «Им очаг и бремя плуга, / Нам простор и зелень луга...» [СС1, 165]. Особая жажда простора появляется в условиях тесноты, в частности, в *Поэме Лестницы* (1926) пишет: «Теснота

ищет – простора / (Автор сам в рачьей клешне)» [СС3, 130]. В эссе *Наталья Гончарова* (1929) мастерская художницы также описывается с использованием контраста: «Первое: свет. Второе: пространство. После всего мрака – весь свет, всей стиснутости – весь простор. (...) После этого света – тот» [СС4, 68]. Противопоставляется теснота могилы и простор того света: «Стояла на его могиле и думала: здесь его нет, и там его нет: здесь – слишком местно (тесно), там – слишком просторно» [НСТ, 501]. Простор у Цветаевой связан с пустотой и покоем, как пишет С. Лишаев: «Пустота простора впускает. На просторе пространство воспринимается как впускающее, то есть как дающее место и саму возможность присутствия. Впускает то, что не занято, пусто. Впускает, дает место ни-что, пустота» [Лишаев 2010, 58]. Цветаева в *Наталье Гончаровой* (1929) описывает свое представление о рае, объединяя в этом образе пустоту, покой, свет и простор: «Рай прежде всего место пусто. Пусто – просторно, просторно – покойно. Покойно – светло. Только пустота ничего не навязывает, не вытесняет, не исключает. Чтобы всё могло быть, нужно, чтобы ничего не было» [СС4, 68].

У Цветаевой появляются и окказиональные противопоставления, в частности: «Слава и деньги. Слава – как широко – просторно – достойно-плавно. (...) Деньги – как мелко – жалко – бесславно – суетно» [СС5, 286].

В 1925 году контраст тесноты и простора будет использован для противопоставления жизни и творчества, а также для объяснения, почему она выбирает творчество:

Всякая жизнь в пространстве – самом просторном! – и во времени – самом свободном! – тесна. (...) Поэтому – искусство (...) Из этого – искусство, моя жизнь, как я ее хочу, не незаконная, но подчиненная высшим законам, жизнь на земле, как ее мыслят верующие – на небе. Других путей нет. [СС6, 670]

Важно также подчеркнуть, что в русской культуре «простор рассматривается как чувственная данность, с которой сопряжен сверхчувственный («духовный») опыт» [Лишаев 2010, 54]. Цветаева осознавала это духовное измерение простора, которое в ее творчестве появляется очень рано. Цветаеву простор однозначно манит: он обнаруживается и впереди, и вверху, воспринимается как перспектива бесконечности, идеальности, подвига, в письме 1908 г. Марина писала: «стремление вверх, к звездам, (...), жажда простора и подвига – вот что движет жизнь вперед, делает ее сверкающей, сказочной» [СС7, 718]. То есть у Цветаевой духовное измерение простора практически с юности помещалось вверху, что фактически нарушало устоявшуюся русскую традицию восприятия простора, на котором, как отмечает С. Лишаев,

«доминирует горизонталь, вертикаль задействована на второстепенных ролях» [Лишаев 2010, 57]. В ранних стихах Цветаевой уже обнаруживается новое свойство простора – высота, которая противопоставляется глубине моря:

Солнце и звезды в твоей глубине,
Солнце и звезды вверху, на просторе.
Вечное море,
Дай мне и солнцу и звездам отдаться вдвойне. [CC1, 148]

Это значение простора – вдали и вверху – появляется в *Крысолове*: «Вот он, в просторы стай, / Города самый край» [CC3, 106]. Что характерно, у Цветаевой простор может быть и перспективой, открывающейся сверху: «Не хочет дождь на грешные просторы!» [CC1, 558].

Со временем просторы неба приобретают значение того света: «Уплочено же – вспомани мои крики! – / За этот последний простор» [CC2, 183]; или: «Там, в просторах голубиных – / Сколькo у меня любимых!» [CC1, 567]; В *Разлуке* (3) писала:

Я в смерти – нарядной
Пребуду – твоей быстроте златоперой
Последней опорой
В потерях простора! [CC2, 27]

В *Молодце* (1922) смерть связывается с просторными просторами:

Как на отдых тот на грозный
Пронесли троих – розно:
Двоих – в садик во крестовый,
А Марусю – во просторы.
В те простор – ны – и. [CC3, 302]

Атрибуты смерти получают характеристики просторности: «Этот просторный покров / Юным к лицу» [CC2, 96]. После жизни предполагается простор вечности: «(..) (А не плохой глагол – // Быть? Без всякого приставного – / Быть и точка. За ней простор.)» [CC2, 260]. Потерянность, анонимность в новой атмосфере чужой страны соотносится именно с простором и тем светом: «Здесь очень хорошо жить: *не* город (тот или иной) – *Безымянность* – просторы! Можно совсем без людей. Немножко как на том свете» [CC6, 224–225]. В контексте смерти (эссе *Твоя смерть*, 1927) слово *просторно* приобретает особое значение – полного освобождения от материального: «Отказ от насущного во имя того, излишка. Отказ от себя и всех во имя того,

одного. И всем просторно. Только отказаться – всего много станет» [СС5, 200]. Это же значение простора появляется в *Хлыстовках* (1934):

Это был вход в другое царство (...) И, вдруг, озарение: а ведь не вход, не переход – выход! (...) И не только из города Тарусы выход, – из всех городов! Из всех Тарус, стен, уз, из собственного имени, из собственной кожи – выход! Из всякой плоти – в простор. [СС5, 93]

Характерно, что вместе с появлением у простора значения того света – в 1922 году – Цветаева пишет о просторах души, времени (ночи), мысли: «Я даже не знаю, есть ли Вы в моей жизни? В просторах души моей (...) – нет» [НСТ, 92], или: «Но у меня и другое было: моя высокая жизнь с друзьями “в просторах души моей”» [НСТ, 259]. В это же время простор появляется у времени, Цветаева пишет о просторах ночи: «с тобой мне нужны все тесноты логова и все просторы ночи. Все тесноты и просторы ночи» [НСТ, 95], у мысли: «Ваша дрожь от холода. (...): потому что пришлось три часа поспевать за мной по пустынным улицам столицы и не менее пустынным просторам моей мысли» [СС5, 471].

Простор также коррелируется с творчеством, что можно объяснить содержащимся в нем «чувством возможности: возможности быть там или здесь, двигаться в том или ином направлении», «когда мы переживаем (...) начало, из которого пространство разворачивается перед нами, мы имеем дело (...) с возможностью самих себя, с тем, благодаря чему мы присутствием в мире» [Лишаев 2010, 60]. С. Лишаев считает, что «через простор человек вступает в отношения к Другому, к безусловно особенному в себе. Что способно дать человеку радость от созерцания открытого горизонта? Другое» [Лишаев 2010, 61]. Ощущение свободы и потенциальности, присутствующее в просторе слова, Цветаева начала эксплуатировать в самом раннем творчестве, писала в 1908 году:

Громкие красивые слова выражают громкие, дерзкие мысли! Я безумно люблю слова, их вид, их звук, их переменность, их неизменность. Ведь слово – всё! За свободное слово умирали Джордано Бруно, (...) раскольник Аввакум, за свободное слово, за простор, за звук слова «свобода» умерли они (...). [СС7, 731]

Просторы – это также мир, созданный творческим преображением: «Есть мир, где мы с Вами встречаемся: песня! (...) Буду пересылать Вам свои стихи: преображенную – настоящую! – жизнь, буду писать Вам. Есть мир просторов» [СС6, 612]. В письме Александру Бахраху в сентябре 1923 года писала:

«Есть, кроме страстей, еще и просторы. В просторах сейчас наша встреча с Вами» [СС6, 608].

Простор становится также качеством, особенностью стиля любимых писателей Цветаевой, в частности, характеризует стиль кн. Сергея Волконского: «Дыхание кн. Волконского глубоко и высоко, в ритме его спокойно и просторно, как хорошему пловцу в полноводной реке» [СС5, 267]. В творчестве других художников также ценит присутствие простора: «А из Пушкина больше всего, вечнее всего люблю *К морю*, (...). И “версты полосаты”, и там, где про кибитку: Пушкина в просторах» [СС6, 639]. В творчестве знакомых и даже близких ей поэтов простор является критерием оценки творчества: «В Брюсове тесно, в Бальмонте – просторно. Брюсов глухо, Бальмонт: звонко». И далее: «Служение Брюсова коммунистической идее не подневольное: любовное, Брюсову в СССР, как студенту на картине Репина – “какой простор!”. (Ширь – его узостям, теснотам его – простор)» [СС4, 59]. Простор сам может быть пределом, Цветаева писала о поэтах, «к которым новая молодость приходит в старости. Трилогия страсти Гёте написана семидесятилетним стариком! Все дело в новизне взгляда, во вновь открывающихся горизонтах, вслед за просторами преодоленными» [СС5, 399–400]. В *Поэте-альпинисте* (1934) замечала о поэзии Николая Гронского: «где это я уже слышала? (...). В ком, в какой такой же реке, мне уже так просторно и надежно плылось и покоилось?» [СС5, 439].

Атрибуты творчества у Цветаевой также теряют предметную конкретность: «Стол: простор. Стол: престол» [НСТ, 245]. К этому образу она вернется через десять лет в цикле *Стол* (1933):

Столп столпника, уст затвор –
Ты был мне престол, простор –
Тем был мне, что морю толп
Еврейских – горящий столп! [СС2, 310]

И далее:

– А прочего дал в обрез?
А прочный, во весь мой вес,
Просторный, – во весь мой бег,
Стол – вечный – на весь мой век! [СС2, 313]

В конце концов, просторы сами становятся субъектом действия – в *Перекопе* (1939): «Просторы мчат / Саперы мчат / Костровый чад / Махровский чад» [СС3, 171].

Подводя итоги, следует отметить, что идея простора не была для Цветаевой объектом специальной рефлексии, какими стали такие метафизические мотивы ее творчества как жизнь, смерть, дом, бездомность, Бог и другие, однако простор становится достаточно прочной характеристикой пространства жизни и пространства смерти, простор она находила в действиях и предметах, в людях и отношениях с людьми, в себе самой, что давало ей возможность – в том числе, через простор – вступить в отношения со сферой, находящейся за границей действительности, со сферой метафизического. Перефразируя Цветаеву, можно сказать, что тягую к простору можно измерить уровень личности. Иными словами, «простор – это эстетическое расположение, в котором человек откликается (своим переживанием) на откровение Другого. Открывая простор как безусловно особенное, мы открываем особенное в себе» [Лишаев 2010, 61].

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бродский Иосиф. 1992. *Об одном стихотворении*. В: Бродский И. *Форма времени. Стихотворения, эссе, пьесы*. Т. 2. Минск: Эридан: 396–449.
- Жолковский Александр. 1996. *Место окна в поэтическом мире Пастернака*. В: Жолковский А., Щеглов Ю. *Работы по поэтике выразительности*. Москва: Прогресс: 209–239.
- Левонтина Ирина, Шмелев Алексей. 2012. *Родные просторы*. В: Левонтина Ирина, Шмелев Алексей, Зализняк Анна. *Константы и переменные русской языковой картины мира*. Москва: Языки Славянских Культур: 35–44.
- Лишаев Сергей. 2010. *Пространство простора*. «Вестник Самарской гуманитарной академии». Серия «Философия. Филология» № 2 (8): 50–69. (online) <https://cyberleninka.ru/article/v/prostranstvo-prostora> (доступ 22.10.2019).
- Ожегов Сергей, Шведова Наталья. 2006. *Толковый словарь русского языка*. Москва. (online) <https://slovarozhegova.ru> (доступ 22.10.2019).
- Ушаков Дмитрий. 1928–1940. *Толковый словарь русского языка*. Москва. (online) <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=60859> (доступ 22.10.2019).
- Цветаева Марина. 1994–1995. *Собрание сочинений*. Т. 1–7. Москва: Эллис Лак [СС].
- Цветаева Марина. 1997. *Неизданное. Записные книжки*. Т. 1–2. Москва: Эллис Лак [НЗК].
- Цветаева Марина. 1997. *Неизданное. Сводные тетради*. Москва: Эллис Лак [НСТ].
- Янчук Елена. 2013. *Автобиографизм как механизм творчества Марины Цветаевой*. В: *Epoka a literatura i język w Słowiańszczyźnie Wschodniej*. Red. Ksenicz A., Stasińska P., Bielniak N., Urban-Podolan A. Zielona Góra: Oficyna Wydawnicza Uniwersytetu Zielonogórskiego: 163–173.
- Janczuk Elena. 2015. *Fenomen przeszłości: między historią a pamięcią (o literaturze dokumentu osobistego)*. „Studia Interkulturowe Europy Środkowo-Wschodniej nr 8: 43–55.
- Kasperski Edward. 2001. *Autobiografia. Sytuacja i wyznaczniki formy*. W: *Autobiografizm – przemiany, formy, znaczenia*. Red. Gosk H., Zieniewicz A. Warszawa: Elipsa: 10–34.

REFERENCES

- Brodskij Iosif. 1992. *Ob odnom stihotvorenii* [About one poem]. In: Brodskij I. *Forma vremeni. Stihotvorenjá, èsse, p'e p'esy* [Form of time. Poems, essays, plays]. Vol. 2. Minsk, Èridan Publ., pp. 396–449. (In Russ.)
- Cvetaeva Maryna. 1994–1995. *Sobranje sočynenyj* [Collected works]. Vol. 1–7. Moscow, Əllys Lak Publ. (In Russ.)
- Cvetaeva Maryna. 1997. *Nejzdannoe. Svodnyé tetrazy* [Unpublished. The summary notebook]. Moscow, Əllys Publ. (In Russ.)
- Cvetaeva Maryna. 1997. *Nejzdannoe. Zapysnyé knyžky* [Unpublished. Notebook]. Vol. 1–2. Moscow, Əllys Lak Publ. (In Russ.)
- Janczuk Elena. 2013. *Avtobiografizm kak mehanizm tvorčestva Mariny Cvetaevoj* [Autobiographism as a mechanism of Marina Tsvetaeva's creativity]. In: *Epoka a literatura i język w Słowiańszczyźnie Wschodniej*. Eds Ksenicz A., Stasińska P., Bielniak N., Urban-Podolan A. Zielona Góra, Oficyna Wydawnicza Uniwersytetu Zielonogórskiego Publ., pp. 163–173. (In Russ.)
- Janczuk Elena. 2015. *Fenomen przeszłości: między historią a pamięcią (o literaturze dokumentu osobistego)*. “Studia Interkulturowe Europy Środkowo-Wschodniej” no 8, pp. 43–55. (In Polish)
- Kasperski Edward. 2001. *Autobiografia. Sytuacja i wyznaczniki formy*. In: *Autobiografizm – przemiany, formy, znaczenia*. Eds Gosk H., Zieniewicz A. Warsaw, Elipsa Publ., pp. 10–34. (In Polish)
- Levontina Irina, Šmelev Aleksej. 2012. *Rodnye prostory* [Native spaces]. In: Levontina Irina, Šmelev Aleksej, Zaliznâk Anna. *Konstanty i peremennye russkoj âzykovej kartiny mira* [Constants and variables of the Russian language picture of the world]. Moscow, Âzyki Slavânskikh Kul'tur Publ., pp. 35–44. (In Russ.)
- Lišaeve Sergej. 2010. *Prostranstvo prostora* [Space of expanse]. “Vestnik Samarskoj Gumanitarnoj Akademii”. Seria “Filosofiâ. Filologija” no 2 (8), pp. 50–69. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/prostranstvo-prostora> (Accessed 12 December 2019). (In Russ.)
- Ožegov Sergej, Švedova Natal'â. 2006. *Tolkovyj slovar' russkogo âzyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow. Available at: <https://slovarozhegova.ru> (Accessed 12 December 2019). (In Russ.)
- Ušakov Dmitrij. 1928–1940. *Tolkovyj slovar' russkogo âzyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow. Available at: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=60859> (Accessed 12 December 2019). (In Russ.)
- Žolkovskij Aleksandr. 1996. *Mesto okna v poëtičeskom mire Pasternaka* [The window's place in the poetic world of Pasternak]. In: Žolkovskij A., Šeglov Ū. *Raboty po poëtike vyrazitel'nosti* [Works on poetics of expression]. Moscow, Progress Publ, pp. 209–239. (In Russ.)

Językoznawstwo

DOI: <https://doi.org/10.31648/apr.5388>

Data przesłania artykułu: 10 grudnia 2019 r.

Data akceptacji artykułu: 8 marca 2020 r.

SŁOWNICTWO POLA SEMANTYCZNEGO „EDUKACJA I WYCHOWANIE” W MOSKIEWSKIEJ GAZECIE „TRYBUNA RADZIECKA” Z LAT 1927–1938

Tamara Graczykowska

Uniwersytet Kazimierza Wielkiego w Bydgoszczy, Polska

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6715-363X>

E-mail: tamara.graczykowska@ukw.edu.pl

Streszczenie: „Polska autonomia socjalistyczna” w ZSRR istniała w latach 1925–1935. Dzięki niej władze radzieckie w sposób bardzo aktywny i konsekwentny dążyły do sowietyzacji mniejszości polskiej. Jednym z istotnych elementów radzieckiego eksperymentu polonijnego było kształcenie młodzieży polskiej w ZSRR.

Na łamach „Trybuny Radzieckiej”, która była centralną gazetą polskojęzyczną w ZSRR w okresie międzywojennym, bardzo często poruszano tematy związane z funkcjonowaniem polskich placówek oświatowych, wiele miejsca poświęcano sprawom edukacji i wychowania młodego pokolenia Polaków. Ekscerpcja „Trybuny Radzieckiej” zaowocowała bogatym spisem wyrazów należących do pola semantycznego „Edukacja i wychowanie”.

Celem artykułu jest prezentacja jednostek wchodzących w skład tego pola. Materiał leksykalny został podzielony na 12 pól szczegółowych, w których wyodrębniono m.in. nazwy rodzajów szkół, kierunków; nazwy przedmiotów i dyscyplin naukowych; nazwy pomieszczeń w placówkach oświatowych; nazwy stopni szkolnych itd.

Analiza pokazała, że słownictwo obejmujące pole semantyczne „Edukacja i wychowanie”, pozostawało pod ogromnym wpływem języka rosyjskiego. Większość zaprezentowanych wyrazów to zapożyczenia z języka rosyjskiego.

Słowa kluczowe: mniejszość polska, ZSRR, prasa polskojęzyczna, okres międzywojenny, pole semantyczne, edukacja i wychowanie, słownictwo

Submitted on December 10, 2019

Accepted on March 8, 2020

VOCABULARY OF THE SEMANTIC FIELD “EDUCATION” IN THE MOSCOW NEWSPAPER “TRYBUNA RADZIECKA” FROM THE YEARS 1927–1938

Tamara Graczykowska

Kazimierz Wielki University in Bydgoszcz, Poland

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6715-363X>

E-mail: tamara.graczykowska@ukw.edu.pl

Abstract: This paper, whose aim is to present the large semantic field “Education”, contains words related to the general educational system, is divided into two parts. In the first section, the author characterizes the Soviet Polish diaspora experiment in the interwar period as giving people of Polish origin autonomy, whose overriding goal was to sovietise and educate the ideal Pole, a Polish citizen speaking Polish. Thanks to autonomy, there appeared the possibility of education in Polish (Polish primary and secondary schools, higher education). But the Polish educational system was a part of Soviet education – the most important tools for the indoctrination and sovietisation of all nationalities, including the Polish minority. The second part presents vocabulary related to the educational system extracted from “Trybuna Radziecka” (1927–1938, Moscow) – probably the most important press instrument of Polish publishing houses in the USSR. The semantic field “Education” contains the names of schools (e.g. *komwuz, likbez, rabfak*), names of subjects (e.g. *ped-praktyka, spoleczoznawstwo*) and names of pupils (e.g. *otlicznik, uczlot*). Almost all items are borrowed from the Russian language.

Keywords: Polish minority, the USSR, Polish-language press, interwar period, semantic field, education system, vocabulary

2 listopada 1917 roku Rada Komisarzy Ludowych ogłosiła Deklarację praw narodów Rosji proklamującą równość i suwerenność wszystkich narodów, przyznającą im prawo do samookreślenia się, gwarantującą swobodny rozwój mniejszości i grup etnicznych oraz znoszącą przywileje narodowo-religijne [Кириллов 2013, 456]. Najważniejszym założeniem radzieckiej polityki narodowościowej była tzw. autochtonizacja (ros. *коренизация*), która służyła włączeniu przedstawicieli mniejszości narodowych w struktury administracyjne i partyjne radzieckiego pań-

stwa [Kalinowska 2017, 96]. W urzędach państwowych, organizacjach partyjnych, społecznych, kulturalnych wprowadzono obowiązek posługiwania się językami narodowymi. Położono również nacisk na rozwój oświaty i nauki w językach narodowych [Iwanow 2014, 64]¹.

„Polska autonomia socjalistyczna” w ZSRR istniała w latach 1925–1935. Dzięki niej władze radzieckie w sposób bardzo aktywny i konsekwentny dążyły do sowietyzacji mniejszości polskiej. Jej celem była zamiana tradycyjnych, polskich wartości na wartości komunistyczne z zachowaniem zewnętrznej formy polskości oraz zbudowanie „polskiego społeczeństwa socjalistycznego” w ZSRR [Iwanow 2014, 67, 69]².

Jednym z istotnych elementów radzieckiego eksperymentu polonijnego było kształcenie polskiej młodzieży w ZSRR. Według Michała Iwanowa:

Było to zjawisko unikatowe na skalę światową. Nigdy (ani przed tymi wydarzeniami, ani po nich) poza granicami państwa polskiego polska szkoła nie rozwijała się tak pręźnie i na taką skalę, jak w ramach tworzenia polskiej autonomii socjalistycznej. Wyjątkowość tego zjawiska polega również na jego przemożnej indoktrynacji. Komuniści sowieccy i ich polscy towarzysze postanowili odradzać polską szkołę na wyjątkowo szeroką skalę nie po to, aby krzewić tradycyjną polskość, ale po to, aby stworzyć nową polskość o obliczu totalitarno-sowieckim [Iwanow 2017, 74–75].

System polskiego szkolnictwa zaczęto tworzyć w ZSRR tuż po zakończeniu procesów repatriacyjnych [Iwanow 1991, 177]. Na mocy postanowienia Komisarjatu Oświaty z 1918 roku przewidywano otwarcie szkół mniejszości narodowych w rejonach, w których w jednej grupie nauczania było nie mniej niż 25 uczniów w jednym wieku [Kawecka 1981, 261]. W 1925 roku przyjęto kolejne rozporządzenie nakazujące zakładanie szkół wiejskich tam, gdzie mieszkało co najmniej 25 osób chętnych do podjęcia nauki w polskiej szkole (niekoniecznie Polaków). Jednym z zadań, jakie stawiali przed sobą polscy działacze oświatowi, było objęcie

¹ Na Ukrainie politykę tę nazywano ukrainizacją (ros. украинизация), na Białorusi – białorusinizacją (ros. белорусизация), w Azerbejdżanie i Azji Środkowej – turkizacją (ros. туркизация), w Radzieckiej Republice Niemców Nadwołżańskich – germanizacją (ros. германизация). Termin polonizacja w stosunku do mniejszości polskiej nie był używany.

² Pomimo ogromnego zaangażowania władz państwowych i partyjnych nie udało się zaśczerpić wśród Polaków radzieckich ideałów socjalistycznych. W 1934 r. rozpoczęła się likwidacja „polskiej autonomii” [Patek 2001, 300]. Prześladowanie ludności polskiej zostało przeprowadzone w ramach tzw. operacji polskiej na podstawie rozkazu nr 00485 z 1937 r. podpisanego przez Nikołaja Jeżowa [Iwanow 2014, 16]. Łącznie straty ludności polskiej w latach 30. wraz z ofiarami kolektywizacji i głodu mogły sięgnąć nawet 30% [Patek 2001, 301].

wszystkich polskich dzieci w wieku szkolnym powszechnym nauczaniem w języku ojczystym [Iwanow 1991, 179]³.

Szkolnictwo polskie w ZSRR odzwierciedlało radziecki system oświaty. Istniały szkoły siedmioletnie z podziałem na dwa stopnie nauczania: cztero- i trzyletni. W 1921 roku na terenie Rosji, Ukrainy i Białorusi funkcjonowało 396 szkół czteroletnich oraz istniały 23 szkoły drugiego stopnia [Kawecka 1981, 262], w 1923 – odnotowano 411 szkół [Patek 2001, 298], a w 1928 – 534 szkoły czteroletnie oraz 45 szkół siedmioletnich [Tęgoborski 1929, 202]. Jednocześnie zaledwie 38,9% polskich dzieci objęto nauczaniem w szkole narodowościowej⁴. W pierwszej połowie lat 30. w związku z rozwojem przemysłu, kolektywizacją rolnictwa tworzono rozmaite specjalistyczne polskie szkoły zawodowe, m.in. Technikum Gospodarki Wiejskiej w Dzierżyńsku, Technikum Mleczarskie w Nowozawodzku, Technikum Agronomiczne w Macharżyńsku [Iwanow 1991, 196–197]. Działy także tzw. liknepy⁵ – ośrodki likwidacji analfabetyzmu i półanalfabetyzmu wśród dorosłej ludności⁶. Wyższe wykształcenie można było uzyskać w Polskim Instytucie Wychowania Społecznego w Kijowie (od 1933 roku funkcjonował jako Polski Instytut Pedagogiczny⁷), w Polskim Instytucie Pedagogicznym w Mińsku [B. Szydłowska-Ceglowa 1997, 253], na wydziale polskim w Instytucie Pedagogicznym im. A. Hercena w Leningradzie [Iwanow 1991, 151]. Według szacunków Iwanowa dyplomy polskich wyższych uczelni i polskich wydziałów otrzymało w ZSRR nie więcej niż 500 osób [Iwanow 1991, 197]⁸. Przyszli nauczyciele⁹ początkowo kształcili się na krótkoterminowych kursach w Moskwie, Kijowie i Mińsku [Kawecka 1981, 266]. Następnie utworzono specjalne seminaria nauczycielskie, nazywane „polskimi technikami pedagogicznymi” (PTP). W 1926 roku w ZSRR funkcjonowały tylko trzy takie placówki (w Kijowie, Mińsku i Leningradzie), w których uczyło się 414 osób [Tęgoborski 1929, 207]. Nauka trwała w nich trzy lata, a kandydaci

³ Dzięki polskiej szkole przywrócono język polski szerokim rzeszom Polaków w ZSRR. Według spisu ludności z 1926 r. tylko 43,35% ogółu Polaków uznawało język polski za język ojczysty, a 44% było piśmiennych [Kawecka 1981, 261].

⁴ Należy jednak podkreślić, że odsetek ten był wyższy niż w innych mniejszościach narodowych [Kawecka 1981, 264].

⁵ Ros. *ликбез* = *ликвидация безграмотности*.

⁶ W 1929 r. istniało ok. 300 polskich „liknepów”. 54,1% Polaków w ZSRR było analfabetami [Iwanow 2017, 84].

⁷ W 1932 r. uczyło się w nim 264 studentów, w 1934 – ponad 1 tys., w 1936 miało się tam kształcić ponad 2 tys. osób. Jednak wraz z likwidacją polskiej autonomii na Ukrainie instytut również zlikwidowano [Iwanow 1991, 195].

⁸ Szerzej o polskim szkolnictwie wyższym zob. [Iwanow 2017, 89–91].

⁹ W ZSRR nie było już w zasadzie przedrewolucyjnej inteligencji. Po podpisaniu układu o repatriacji w okresie 1919–1924 powróciło do Polski ok. 1260 tys. osób, w tym 469 tys. Polaków. Wracali głównie uchodźcy wojenni, ziemiaństwo, inteligencja (w tym nauczyciele) [Lizak 1990, 7].

musieli mieć ukończone co najmniej cztery klasy szkoły średniej i legitymować się pochodzeniem robotniczo-chłopskim [Iwanow 2017, 85–86]. Poziom nauczania w PTP był stosunkowo niski. Nie wszyscy absolwenci mogli wykazać się dostateczną znajomością języka polskiego, wielu z nich nie miało wiedzy o polskiej kulturze, historii [Iwanow 1991, 186]¹⁰.

Warto jeszcze zwrócić uwagę na jedną kwestię, a mianowicie na programy nauczania oraz podręczniki przeznaczone dla polskich szkół radzieckich. W siedmioletniej szkole uczono czterech języków: polskiego od klasy pierwszej, białoruskiego lub ukraińskiego od trzeciej, rosyjskiego od czwartej, a niemieckiego od piątej. Proporcje pomiędzy poszczególnymi językami stopniowo się wyrównywały. Dla porównania od pierwszej do czwartej klasy na język polski przeznaczano 223 godziny, a na rosyjski i ukraiński (białoruski) w czwartej klasie po 89 godzin. Natomiast już w siódmej klasie lekcje języka polskiego zajmowały 134 godziny, ukraińskiego (białoruskiego) – 112 godzin, a rosyjskiego – 89 [Iwanow 1991, 187–188]. W ramach ideologizacji szkolnictwa wyłączone z programu nauczania naukę historii i zastąpiono ją historią walki klas. W programie literatury pominięto twórczość współczesnych pisarzy polskich. Wyjątek stanowili autorzy komunistyczni (głównie byli to emigranci z II Rzeczypospolitej, m.in. Ludwik Waryński, Stanisław Stände, Witold Wandurski, Bruno Jasieński i in.). Adama Mickiewicza, Juliusza Słowackiego zaliczono do kategorii przedstawicieli literatury „kapitalizującej się drobnej szlachty”, Marię Konopnicką, Władysława Reymonta uznano za reprezentantów „literatury drobnej burżuazji”, a Henryka Sienkiewicza – za niebezpiecznego przedstawiciela „bloku wielkiej burżuazji i obszarników”, a jego twórczość za „ideologiczną broń polskiego faszyzmu” [Iwanow 1985, 237–238]. Początkowo polskie szkoły korzystały z publikacji wydanych w okresie przedrewolucyjnym oraz sprowadzanych z Polski za pośrednictwem Czerwonego Krzyża. Wkrótce zakazano kolportowania podręczników z Polski, a niepodporządkowanie się temu zakazowi traktowano jak sabotaż [Iwanow 1991, 191]. Z czasem zostały opracowane nowe podręczniki. Łącznie w okresie radzieckiego eksperymentu polonijnego wydano ponad 80 tytułów przeznaczonych dla polskich szkół w ZSRR¹¹ [Iwanow 1991, 191–192].

Zwycięstwo rewolucji październikowej w 1917 roku zapoczątkowało ogromne zmiany w każdej dziedzinie życia mieszkańców nowego państwa. Pozajęzykowa sytuacja polityczno-społeczna nałożyła się także na język polski w ZSRR. Potrzeby

¹⁰ W ciągu zaledwie kilku lat wskutek polityki władz partyjnych dotychczasowi nauczyciele zostali wymienieni na zaangażowanych ideologicznie pedagogów [Kalinowska 2017, 105].

¹¹ W latach 1927–1928 przeciętny nakład podręcznika wynosił 15 tys. egzemplarzy [Kawecka 1981, 267].

nominacyjne były ogromne, wszystkie nieznanne przedmioty i pojęcia musiały zyskać nowe nazwy. Większość tych nowych słów nie miała odpowiedników nie tylko w języku polskim w Rosji Radzieckiej, lecz także w ówczesnej polszczyźnie ogólnej.

Leksyka odnosząca się do szeroko rozumianych warunków życia obywateli radzieckich w nowym państwie komunistycznym jest niezwykle bogata. Przedstawiłam ją w monografii *Słownictwo „Trybuny Radzieckiej” wydawanej w Moskwie w latach 1927–1938*¹². „Trybuna Radziecka” była centralną gazetą polskojęzyczną w ZSRR w okresie międzywojennym. W jej redakcji zasiadali sprawdzeni komuniści, głównie emigranci polityczni z Polski sanacyjnej (m.in. Stanisław Budkiewicz, Stanisław Bobiński, Stefan Borski, Tomasz Dąbal, Zofia Dzierżyńska, Feliks Kon, Adolf Warski, Mirosław Zdziarski)¹³. W gazecie omawiano aktualne wydarzenia polityczne w ZSRR, przedrukowywano uchwały partii, podejmowano zagadnienia dotyczące codziennego życia Polaków w państwie radzieckim. Niewątpliwie ze względu na charakter „Trybuny Radzieckiej” (była to gazeta codzienna) najwięcej nowego słownictwa pojawiało się w artykułach poświęconych radzieckiej gospodarce, instytucjom partyjnym i państwowym, ale również w tekstach dotyczących funkcjonowania polskich placówek oświatowych oraz wychowania młodych Polaków w duchu socjalistycznym.

We wspomnianej monografii całe zgromadzone słownictwo zostało przedstawione w 23 polach semantycznych. Najbardziej liczebne są: „Gospodarka” (297 jednostek), „Polityka, urząd, państwo” (175 jednostek) oraz „Szkoła, wychowanie, nauka” (123 jednostki) [Graczykowska 2018, 60].

W tym miejscu chciałbym skoncentrować swoją uwagę na ostatniej grupie, którą w tym opracowaniu nazwałam „Edukacja i wychowanie”. Celem niniejszego artykułu jest prezentacja wybranych jednostek, wyekscerpowanych z „Trybuny Radzieckiej”, a wchodzących w skład pola semantycznego „Edukacja i wychowanie”.

Dla opisu analizy przeprowadzonej na potrzeby tego tekstu, przyjmuję, że

(...) słownictwo danego języka stanowi zwarty system wzajemnie ze sobą powiązanych leksemów. Ten całościowy system rozpada się na mniejsze zespoły słowne, zwane polami znaczeniowymi, które z kolei są zbiorami słów wzajemnie wyznaczających swoje granice znaczeniowe. (...) W tym sensie pola semantyczne stają się empirycznie danymi świadectwami właściwego dla danego społeczeństwa językowego rozumienia i ujmowania świata [Tokarski 2012, 361].

¹² Zob. [Graczykowska 2018]. Łącznie badaniem objęłam 640 numerów „Trybuny Radzieckiej”, co stanowi w przybliżeniu prawie 2460 stron tekstu.

¹³ „Trybuna Radziecka” 1927. 36: 12.

Jako pole semantyczne, inaczej znaczeniowe, rozumiem, zgodnie z definicją Ryszarda Tokarskiego „uporządkowany wewnętrznie zbiór wyrazów powiązanych przynależnością do wspólnej kategorii znaczeniowej” [Tokarski 2001, 362].

Wyróżniając pola szczegółowe (subpola), wzorowałam się na wcześniejszych podobnych klasyfikacjach, m.in. Jana Oźdżyńskiego, który opracowując leksykę sportową, wyodrębnił m.in. nazwy miejsc rywalizacji sportowej, nazwy uczestników imprez sportowych, nazwy obiektów sportowych itd. [Oźdżyński 1970, 10].

Zgromadzone wyrazy pogrupowałam w 12 polach szczegółowych. Konieczne jest tu zastrzeżenie, że przeprowadzony poniżej podział ma charakter umowny, a ta sama jednostka mogłaby być elementem składowym różnych pól semantycznych. Przy każdej jednostce podaję znaczenie ogólnopolskie¹⁴. W ekscerpce dominują wyrazy obcego pochodzenia, stąd w nawiasie wskazuję źródło zapożyczenia oraz obcojęzyczny odpowiednik (poparty danymi ze słowników innojęzycznych). Przy jednostkach niebędących zapożyczeniami zamieszczam informację, że dany wyraz nie należy do aktywnego zasobu słownego w okresie, w którym publikowano „Trybunę Radziecką”, bądź jest efemerydą, innowacją lokalną, regionalizmem frekwencyjnym.

1. Nazwy rodzajów szkół, kierunków, wydziałów w szkołach wyższych

*agroszkoła*¹⁵ ‘szkoła rolnicza’ (rusycyzm¹⁶ *агрошкола* – BSS¹⁷), *fabzawucz* ‘zawodowa szkoła przyzakładowa (1918–1960)’ (rusycyzm *фабзавуч = фабрично-заводское ученичество* – TSRJa), *hydrotechnika* ‘technikum gospodarki wodnej’ (rusycyzm *гидротехникум* – BSS), *interfak* ‘katedra języków obcych’ (rusycyzm *межфак*), *kinotechnika* ‘technikum filmowe’ (rusycyzm *кинотехникум* – BSS), *komwuz* ‘wyższa uczelnia komunistyczna’ (sowietyzm¹⁸ *комвуз = коммунистическое высшее учебное заведение* – TSRJa), *likbez* // *liknep* // *liknier* ‘likwidacja analfabetyzmu’ (rusycyzm *ликбез = ликвидация безграмотности* – TSRJa), *likpunkt* ‘ośrodek likwidacji analfabetyzmu wśród dorosłej ludności’ (rusycyzm *ликпункт* – TSRJa), *odchylenie* ‘kierunek, profil’ (rusycyzm *уклон* – SRJaO),

¹⁴ W celu uniknięcia nadmiernego rozbudowania objętości artykułu nie podaję ilustracji tekstowych z „Trybuny Radzieckiej”. Zarówno cytaty, jak i pełen opis leksemów czytelnik z łatwością odszuka w pozycji [Graczykowska 2018], w rozdz. „Słownictwo”, w podrozdz. „Wykaz słownictwa”.

¹⁵ Zachowuję pisownię oryginału.

¹⁶ Do rusycyzmów zaliczam jednostki, które zostały przejęte z języka rosyjskiego albo na nim wzorowane.

¹⁷ Wykaz skrótów znajduje się na końcu artykułu.

¹⁸ Sowietyzmy, czyli jednostki opisujące zmiany ustrojowe i polityczne, które zaszły po rewolucji październikowej, nazywające nowe, radzieckie realia.

oddział ‘wydział na wyższej uczelni’ (jednostka przestarzała¹⁹ mająca wsparcie rosyjskie *отделение* – TSRJa²⁰), *partzkoła* ‘szkoła partyjna przygotowująca kadry dla KPZR’ (sowietyzm *партикола* = *партийная школа* – TSRJa), *pedinstytut* ‘wyższa szkoła pedagogiczna’ (rusycyzm *пединститут* – TSRJa), *pedrobfaq* ‘rodzaj kursów przygotowawczych na wyższe uczelnie pedagogiczne dla młodzieży bez średniego wykształcenia’ (sowietyzm *педробфак*), *pedtechnika* ‘pedagogiczny wyższy zakład naukowy’ (skrótowiec utworzony na wzór rosyjski, por. *пединститут*, *педфак* – TSRJa), *pedtechnikum* ‘technikum pedagogiczne’ (rusycyzm *педтехникум*²¹ – TSRJa), *pedwuz* ‘wyższa szkoła pedagogiczna’ (*педвуз* = *педагогическое высшее учебное заведение* – TSRJa), *politzkoła* ‘szkoła polityczna’ (sowietyzm *политикола* = *политическая школа* – NSSRJa), *rabfak* ‘rodzaj kursów przygotowawczych na wyższe uczelnie dla młodzieży robotniczej bez średniego wykształcenia’ (sowietyzm *рабфак* = *рабочий факультет* – TSRJa), *sowpartzkoła* ‘szkoła przygotowująca pracowników partyjnych (w latach 20.–30. w ZSRR)’ (sowietyzm *совпартикола* – TSRJa²²), *stacjonarka* ‘instytucja o stałej siedzibie’ (rusycyzm *стационар*²³ – TSRJa), *wtuz* ‘wyższa uczelnia techniczna’ (rusycyzm *втуз* = *высшее техническое учебное заведение* – TSRJa), *wuz* ‘wyższa uczelnia’ (rusycyzm *вуз* = *высшее учебное заведение* – TSRJa).

2. Nazwy przedmiotów i dyscyplin naukowych

ped-praktyka ‘praktyka pedagogiczna’ (rusycyzm *педпрактика* – TSRJa), *politechnizm* ‘system nauki przewidujący wychowanie przez pracę oraz techniczne i praktyczne zaznajomienie się z głównymi gałęziami produkcji’ (rusycyzm *политехнизм* – TSRJa), *politekonomia* ‘ekonomia polityczna’ (sowietyzm *политэкономия* = *политическая экономия* – TSRJa), *polit-oświata* // *politychowanie* ‘wychowanie, szkolenie polityczne’ (sowietyzm *политпросвет* – TSRJa), *sanitarja* ‘higiena praktyczna, ochrona zdrowia’ (rusycyzm *санитария* – TSRJa), *społecznozawstwo* ‘nauka o społeczeństwie’ (rusycyzm *обществоведение* – TSRJa).

¹⁹ Jednostki przestarzałe to takie, które SJPD ocenia jako *daw.* lub umieszcza w hasłach odesłanych.

²⁰ W SW ‘wydział, fakultet’, ‘ts.’ w SIJP, w SJPD jako *daw.* ‘wydział wyższej uczelni; fakultet’, nowsze słowniki nie notują znaczenia.

²¹ Por. informację w TSRJa: „ныне педтехникумы переименованы в педагогические училища”.

²² Skrót utworzony ze słów *советский, партийный* i *школа*.

²³ *Стационарка* ‘chora na leczeniu szpitalnym’ (TSRJa).

3. Określenia wskazujące na poziom zdobytej wiedzy

agrominimum ‘podstawowy zasób wiedzy rolniczej’ (rusycyzm *агроминимум* – BTS), *santechminimum* ‘podstawowy zasób wiedzy sanitarno-technicznej’ (rusycyzm *сантехминимум*), *techminimum* ‘podstawowy zasób wiedzy technicznej’ (rusycyzm *техминимум* – TSRJa), *zoominimum* // *zootechminimum* ‘podstawowy zasób wiedzy zootechnicznej’ (*зооми́нум* – w SSS z odsyłaczem do *зооправи́ла*; *zootechminimum* – może kontaminacja *зооми́нум* i *техми́нум*).

4. Nazwy związane z trybem procesu nauczania

aspirantura ‘studia doktoranckie’ (rusycyzm *аспирантура* – w TSRJa²⁴), *drugorocznictwo* ‘pozostawanie w klasie na drugi rok; drugoroczność’ (rusycyzm *второгодничество* – TSRJa), *eksterna* ‘eksternistycznie’ (por. rosyjskie *сдал экстерно*²⁵), *koncentr* ‘zasada organizacji procesu nauczania polegająca na wprowadzeniu zamkniętych cykli kształcenia o różnym stopniu zaawansowania’ (rusycyzm *концентр* – TSRJa), *nieobowiązujący* ‘nadprogramowy, nadobowiązkowy’ (zmiana wynikająca z nieznaności terminu ogólnopolskiego, innowacja lokalna²⁶), *lekcja* ‘wykład’ (rusycyzm *лекция* – TSRJa), *ogonek* ‘to, czego nie wykonano w terminie, zaległość’ (rusycyzm *хвост* – TSRJa), *seminar* ‘seminarium’ (rusycyzm *семинар* – TSRJa).

5. Nazwy uczestników procesu edukacyjnego oraz członków organizacji dziecięcych i młodzieżowych

artekowiec ‘uczestnik obozu pionierskiego w Arteku’ (rusycyzm *артековец*), *dwurocznik* ‘uczeń pozostający w tej samej klasie na drugi rok, drugoroczniak’ (rusycyzm *второгодник* – TSRJa), *otlicznik* ‘celujący uczeń’ (rusycyzm *отличник* – TSRJa), *październiak* // *październiczek* // *październikowiec* ‘członek organizacji zrzeszającej dzieci w wieku 7–10 lat’ (sowietyzm *октябрёнок* – TSRJa), *piererostok* ‘przerośnięty (np. o uczniu)’ (rusycyzm *переросток* – TSRJa), *przedszkolnik* ‘dziecko w wieku przedszkolnym’ (rusycyzm *дошкольник* – TSRJa), *rabfakowiec* // *robfaqowiec* ‘słuchacz kursów przygotowawczych na wyższe uczelnie dla młodzieży bez średniego wykształcenia’ (sowietyzm *рабфаковец* – TSRJa), *uczłot* ‘nazwa ucznia szkoły pilotów w latach 30. w ZSRR’ (rusycyzm *учлёт = учащийся лётной школы* – WSRP), *wuzowiec* ‘słuchacz wyższej uczelni, student’ (rusycyzm

²⁴ W języku rosyjskim z niemieckiego (TSIS).

²⁵ <http://vchekmariov.narod.ru/biogr.html> (dostęp 18.07.2016).

²⁶ Do innowacji lokalnych zaliczam jednostki, które nie zostały zarejestrowane w źródłach ogólnopolskich, odnoszące się do miejscowych desygnatów, nieznanymi na terenach etnicznych, będące derywatami odzapożyczeniowymi, bądź nieznacznie różniące się od wyrazów ogólnopolskich.

вузовец – TSRJa), *wypusk* ‘grupa (rocznik) absolwentów, absolwenci’ (rusycyzm *выпуск* – TSRJa), *zaoczник* ‘osoba studiująca lub ucząca się zaocznie, zaoczny’ (rusycyzm *заочник* – TSRJa), *znaczkista* ‘osoba uprawniona do noszenia odznaki’ (sowietyzm *значкист* – SRJa).

6. Nazwy instytucji oświatowych i wychowawczych

oddział ‘drużyna’ (rusycyzm *отряд* – TSRJa), *ogniwo* ‘najmniejsza zorganizowana grupa harcerzy wchodząca w skład drużyny, zastęp’ (rusycyzm *звено* – TSRJa), *ogródek* // *sad* ‘przedszkole’ (rusycyzm *садик* – TSRJaOSz, (*детский*) *сад* – TSRJa), *Październik* ‘organizacja zrzeszająca dzieci w wieku 7–10 lat’ (sowietyzm *Октябрята* – BTS), „*Pionier*” // *pionierja* ‘organizacja pionierska, pionierzy’ („*Pionier*” – sowietyzm, niefachowy przekład rzeczownika zbiorowego *пионерия*).

7. Nazwy pomieszczeń w placówkach oświatowych

audytorjum ‘(każda) sala lekcyjna lub wykładowa’ (rusycyzm *аудитория* – TSRJa), *chata-czytelnia* // *izba-czytelnia* ‘świetlica, w której prowadzi się działalność propagandową’ (sowietyzm *изба-читальня* – TSRJa²⁷), *zagonka* ‘świetlica’ (przejrzanе źródła ogólnopolskie nie notują; *загон* ‘klasa, sala lekcyjna’ znane w slangu młodzieżowym – MSTS, *žart.*; wpływ rosyjski).

8. Nazwy stopni szkolnych, odznak

doskonale ‘bardzo dobrze (o ocenach szkolnych)’ (rusycyzm *отлично* – TSRJa), *zadawalająco* ‘dostatecznie (o ocenach szkolnych)’ (rusycyzm *удовлетворительно* – TSRJa), *znaczek* ‘odznaka’ (sowietyzm *значок* – TSRJa).

9. Krzewienie oświaty i wychowania

komsomolizacja ‘włączanie do organizacji Komsomołu jak największej liczby członków’ (sowietyzm *комсомолизация*), *naszczepianie* ‘zaszczepianie’ (archaizm²⁸), *oświecać* ‘przedstawiać zagadnienie w określony sposób, naświetlać’ (rusycyzm *освещать* – TSRJa), *oświecenie* ‘oświata’ (jednostka przestarzała²⁹ mająca wsparcie rosyjskie *просвещение* – TSRJa), *oświetlać* // *oświetlić* ‘naświetlać, ukazywać // naświetlić, ukazać’ (rusycyzm *освещать* – TSRJa), *oświetlanie* // *oświetlenie*

²⁷ W haśle *изба*.

²⁸ Do archaizmów zaliczam jednostki notowane w starszych słownikach definicyjnych języka polskiego (SL, SWil, SW), w których opatrywane są kwalifikatorami chronologicznymi typu *mało uż.*, *stp.*, a które pomija SJPD. *Naszczepianie* notuje jedynie SWil (*naszczepił dobrych obyczajów*) i SW (jako *przen.* z cytatem z Mikołaja Reja i za SWil).

²⁹ Bez kwalifikatorów w SWil, w SW z odsyłaczem do *oświata*, w SJPD jako *daw*.

‘przedstawianie // przedstawienie zagadnienia w określony sposób, naświetlanie // naświetlenie’ (rusycyzm *освещение* – TSRJa), *owładnąć* ‘opanować coś’ (rusycyzm *овладеть (техникой)* – TSRJa), *owładnięcie* ‘opanowanie czegoś’ (rusycyzm *овладение* – TSRJa), *pionieryzacja* ‘włączanie dzieci do organizacji pionierskiej’ (sowietyzm *пионеризация* – ISGRJa).

10. Nazwy osób związanych z nauką, szkołą, wychowaniem

aspirant ‘osoba ubiegająca się o stopień doktora, doktorant’ (rusycyzm *аспирант* – TSRJa³⁰), *doświadczalnik* ‘eksperymentator, badacz’ (efemeryda³¹), *izbacz* ‘świełtlicowy, kierujący pracą *izby-czytelni*’ (sowietyzm *избач* – TSRJa), *kultarmista* // *kulturarmista* ‘w Rosji Radzieckiej: uczestnik kampanii na rzecz likwidacji alfabetyzmu’ (sowietyzm *культурмеец* – TSRJa³²), *metodysta* ‘metodyk’ (rusycyzm *методист* – TSRJa), *nauczyciel-nacmen* ‘nauczyciel mniejszości narodowościowych’ (rusycyzm *учитель-нацмен*), *pedpersonel* ‘kadra pedagogiczna’ (rusycyzm *педрперсонал*), *społecznoznawca* ‘socjolog’ (rusycyzm *обществовед* – TSRJa), *podkuty* ‘dobrze przygotowany’ (raczej wpływ rosyjski *подковать* – TSRJa; por. *технически подкованный*).

11. Nazwy czynności szkolnych

dać się ‘o postępach w nauce: iść, przyjść’ (rusycyzm *даться* – TSRJaOSz), *przepuszczać* // *przepuścić* ‘opuszczać // opuścić (zajęcia)’ (rusycyzm *пропустить* – TSRJa), *uswoić* ‘przyswoić sobie, opanować’ (jednostka przestarzała³³ mająca wsparcie rosyjskie *усвоить* – TSRJa), *zastłuchać* ‘wysłuchać’ (rusycyzm *заслушать* – w TSRJa).

12. Inne

aspirancki ‘doktorancki’ (rusycyzm *аспирантский* – WSRP), *dwukomplektowy* ‘mający po dwie klasy w jednym roczniku uczniów’ (rusycyzm *двухкомплектный* – BSS), *fizyko-matematyczny* ‘fizyczno-matematyczny’ (rusycyzm *физико-математический* – BTS), *geologo-badawczy* ‘geologiczno-badawczy’ (por. analogiczne rosyjskie formacje *геологопоисковый*, *геологоразведочный* – BTS,

³⁰ Według TSIS w języku rosyjskim z niemieckiego.

³¹ Efemerydy, czyli wyrazy, które występowały w polszczyźnie ogólnej bardzo krótko, głównie w okresie międzywojennym, a następnie wyszły z obiegu zastąpione przez inne wyrazy. Najczęściej są poświadczane w jednym słowniku definicyjnym języka polskiego. *Doświadczalnik* rejestruje dopiero SJPD (cytat z „Życia Nauki” z 1951 r.).

³² Wśród wyrazów notowanych od 1917 r.

³³ Rejestruje jedynie SJPD z kwalifikatorem *daw.* i odsyłaczem do *oswoić* (cytat z Ignacego Krasickiego).

геолого-изыскательский – SIR-2), *jednokomplektowy* ‘mający po jednej klasie każdego rocznika uczniów’ (rusycyzm *однокомплектный* – SIR), *krytyko-bibliograficzny* ‘krytyczno-bibliograficzny’ (rusycyzm *критико-библиографический* – NSRJaTS), *naukowo-popularny* ‘popularnonaukowy’ (rusycyzm *научно-популярный* – SRJa), *piśmienny* ‘pisemny’ (regionalizm frekwencyjny³⁴, wyraz nadużywany pod wpływem rosyjskim *письменный* – TSRJa), *politechniczny* ‘techniczny’ (rusycyzm *политехнический* – TSRJa), *prawidło* ‘zasada’ (regionalizm frekwencyjny, wyraz nadużywany pod wpływem rosyjskim *правило* – TSRJa), *specjalizowany* ‘specjalistyczny, wyspecjalizowany’ (rusycyzm *специализированный* – TSRJa), *uczebny* ‘ćwiczebny, szkoleniowy’ (rusycyzm *учебный* – TSRJa), *uczkom* ‘komitet uczniowski’ (rusycyzm *учком* = *ученический комитет* – TSRJa).

Wśród jednostek leksykalnych wchodzących w skład pola semantycznego „Edukacja i wychowanie” zdecydowanie dominują zapożyczenia z języka rosyjskiego (70%). Jednak wpływ tego języka jest dużo większy, na co wskazują ściśle rosyjskie odpowiedniki wśród jednostek przypisanych do innych grup (sowieetyzmów, wyrazów przestarzałych oraz regionalizmów frekwencyjnych), co stanowi 95% wszystkich zaprezentowanych wyrazów.

Tak znaczące oddziaływanie języka rosyjskiego na leksykę dotyczącą polskiego szkolnictwa w Rosji Radzieckiej jest jak najbardziej uzasadnione. Przede wszystkim Polacy w ZSRR, zarówno polscy komuniści, którzy organizowali życie społeczno-kulturalne Polonii radzieckiej, jak i zwykli obywatele – wszyscy byli całkowicie odizolowani od żywego nurtu polszczyzny, a tym samym pozbawieni dostępu do prasy, książek, podręczników wydawanych w II Rzeczypospolitej. Odcięcie Polaków w ZSRR w XX-leciu międzywojennym od kontaktów z etnicznym językiem polskim sprzyjało przenikaniu do prasy zapożyczeń z języka rosyjskiego. Prawdopodobnie ogólnopolskich terminów związanych z funkcjonowaniem oświaty nie używano w ZSRR powszechnie, więc dziennikarze „Trybuny Radzieckiej” – obawiając się, że czytelnicy ich nie zrozumieją – wprowadzali rosyjskie odpowiedniki, które były radzieckim Polakom lepiej znane.

Jednocześnie redaktorzy „Trybuny Radzieckiej” znali język rosyjski, posługiwali się nim w codziennych kontaktach. Część leksyki rosyjskiej, która pojawiła się na stronach tej gazety, pochodziła z listów czytelników (czyli tzw. *wiejskorów*, *rabkorów* ‘wiejskich, robotniczych korespondentów’), którzy informowali o najważniejszych wydarzeniach ich lokalnych społeczności, donosili o wszelkich nieprawidłowościach (np. o braku nauczycieli, podręczników w miejscowych szkołach).

³⁴ Regionalizmy frekwencyjne, czyli takie jednostki leksykalne, które nie budzą zastrzeżeń normatywnych, jednak w badanej gazecie wyróżniają się większą frekwencją, wypierając synonimy częściej używane w polszczyźnie ogólnej.

Przenikaniu tak dużej liczby pożyczek z języka rosyjskiego sprzyjał niski poziom kulturalny korespondentów gazety oraz słaba znajomość języka polskiego. Również sami redaktorzy nie zawsze korygowali błędy zawarte w korespondencji bądź ich nie zauważali³⁵.

Wśród zapożyczeń rosyjskich w polu semantycznym „Edukacja i wychowanie” możemy wyróżnić zapożyczenia formalnosemantyczne (właściwe, np. *kom-somolizacja, otlicznik, piererostok, seminar, uczebny, wuzowiec*). W ekscerpce reprezentowane są również kalki leksykalne (semantyczne, np. *dać się, dosko-nale, lekcja, metodysta, ogonek, sad, znaczek*, oraz strukturalne, np. *dwurocznik, jednokomplektowy, społecznoznawca*).

Cechą charakterystyczną całej prasy polskojęzycznej w ZSRR, w tym „Trybuny Radzieckiej”, było nagromadzenie w niej nowych twórców językowych – złożzeń, zestawień, zrostów, wszelkiego rodzaju skrótów i skrótowców.

Analizując słownictwo „Trybuny Radzieckiej” dotyczące edukacji zwraca uwagę wręcz nadreprezentacja tych nowych formacji. Wśród nich wyróżniają się przede wszystkim te, które wiernie odzwierciedlają rosyjskie odpowiedniki, a wśród nich grupowce (np. *interfak, likbez, rabfak, uczkom*), grupowo-głoskowe (np. *kom-wuz, pedwuz*). Kolejną formacją zaobserwowaną w polu semantycznym „Edukacja i wychowanie” są wyrazy złożone, wśród których występują zestawienia i złożenia. Przykładem zestawień są m.in. *nauczyciel-nacmen, chata-czytelnia // izba-czytel-nia*, a złożzeń *krytyko-bibliograficzny, naukowo-popularny*. Ważne miejsce wśród zaprezentowanego słownictwa zajmują złożenia ze skrótami / uciętymi formami wyrazowymi w pierwszej części złożenia (np. *agrominimum, partszkoła, pedin-stytut, sowpartszkoła, zootechminimum*). Należy podkreślić, że ten typ złożzeń był obcy polszczyźnie ogólnej, a w okresie międzywojennym wywoływał sprzeciw normatywistów jako formacja pochodzenia rosyjskiego, która naruszała strukturę języka polskiego [Mędelska 2010, 76–77, 83].

Słownictwo przedstawione w niniejszym opracowaniu weszło na stałe do języka prasy polskiej w ZSRR. Wiele jednostek poświadczono w innych porewolucyjnych źródłach radzieckich (moskiewskich, białoruskich, ukraińskich). Najwięcej takich wyrazów odnotowano w źródłach moskiewskich (m.in. w słownikach polsko-ro-syjskim i rosyjsko-polskim Józefa Krasnego z lat 30., czasopiśmie „Kultura Mas” oraz w polszczyźnie Tomasza Dąbala)³⁶.

³⁵ Obok wykształconych komunistów – dziennikarzy, literatów, działaczy politycznych (np. Tomasza Dąbala, Bruna Jasieńskiego, Jana Nejmana i in.) – w redakcji „Trybuny Radzieckiej” zasiadali też robotnicy (np. stolarz, ślusarz). Por. „Trybuna Radziecka” 1930. 49–50: 1.

³⁶ Jednak źródeł tych przejrano najwięcej.

Na liście wspólnych jednostek znalazły się 23 wyrazy (m.in. *izbacz, koncentr, kultarmista, przedszkolnik, rabfak, santechminimum, zaocznik, zastuchać*). Jednostki te, często spotykane w różnych publikacjach, wchodziły do powszechnego obiegu, zakorzeniały się w języku.

Warto również zwrócić uwagę na fakt, że zaprezentowane w „Trybunie Radzieckiej” wyrazy zachowały ciągłość trwania w polszczyźnie za wschodnią granicą. Aż 38 z nich potwierdzono w powojennych źródłach radzieckich, głównie w prasie wileńskiej (m.in. *aspirantura, metodysta, ogródek, prawidło, seminar, specjalizowany, znaczkista*).

Ta nowa leksyka, obca polszczyźnie etnicznej, odzwierciedla warunki życia Polaków w państwie radzieckim, a jednocześnie jest świadectwem historii języka polskiego, który musiał dostosować się do nowej komunistycznej rzeczywistości.

WYKAZ SKRÓTÓW SŁOWNIKÓW

- BSS Trišin Vitalij Nikolaevič. *Bol'šoj slovar'-spravočnik sinonimov russkogo ōzyka sistemy ASIS*. (online) <http://www.trishin.ru> (dostup 14.06.2013) [Тришин Виталий Николаевич. *Большой словарь-справочник синонимов русского языка системы ASIS* (доступ 14.06.2013)].
- BTS *Bol'šoj tolkovyj slovar' russkogo ōzyka*. 2000. Red. Kuznecov S.A. Sankt-Peterburg: Norint [*Большой толковый словарь русского языка*. 2000. Ред. Кузнецов С.А. Санкт-Петербург: Норинт].
- ISGRJa Epiškin Nikolaj Ivanovič. 2010. *Istoričeskij slovar' gallicizmov russkogo ōzyka*. Moskva: ETS [Епишкин Николай Иванович. 2010. *Исторический словарь галлицизмов русского языка*. Москва: ЭТС].
- MSTS Nikitina Tat'āna Genad'evna. 2007. *Moloděžnyj sleng. Tolkovyj slovar'*. Moskva: AST, Astrel [Никитина Татьяна Генадьевна. 2007. *Молодёжный сленг. Толковый словарь*. Москва: АСТ, Астрель].
- NSSRJa *Novyj slovar' sokrašenij russkogo ōzyka*. 1995. Red. Kovalenko E.G. Moskva: ETS [*Новый словарь сокращений русского языка*. 1995. Ред. Коваленко Е.Г. Москва: ЭТС].
- NSRJaTS Efremova Tat'āna Fēdorovna. 2000. *Novyj slovar' russkogo ōzyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj*. Moskva: Russkij ōzyk [Ефремова Т.Ф. 2000. *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*. Москва: Русский язык].
- SIJP Arct Michał. 1929. *Słownik ilustrowany języka polskiego*. Warszawa.
- SIR Bukčina Bronislava Zinov'evna, Kakalučka Larisa Pavlovna. 1987. *Slitno ili razdel'no? Orfografičeskij slovar'-spravočnik*. Moskva: Russkij ōzyk [Букчина Б.З., Какалуцкая Л.П. 1987. *Слитно или раздельно? Орфографический словарь-справочник*. Москва: Русский язык].
- SIR-2 Bukčina Bronislava Zinov'evna, Kakalučka Larisa Pavlovna. 1998. *Slitno ili razdel'no? Opyt slovarâ-spravočnika*. Moskva: Russkij ōzyk [Букчина Б.З., Какалуцкая Л.П. 1998. *Слитно или раздельно? Опыт словаря-справочника*. Москва: Русский язык].
- SJPD *Słownik języka polskiego*. 1958–1968. Red. Doroszewski W. T. 1–10. Warszawa.
- SL Samuel Bogumił Linde. 1807–1814. *Słownik języka polskiego*. T. 1–6. Warszawa.

- SRJa *Slovar' russkogo âzyka AN SSSR*. 1981–1984. Red. Evgen'eva A.P. T. 1–4. Moskwa: Russkij âzyk [*Словарь русского языка АН СССР*. 1981–1984. Ред. Евгеньева А.П. Т. 1–4. Москва: Русский язык].
- SRJaO *Slovar' russkogo âzyka*. 1989. Red. Ožegov S.I. Moskwa: Russkij âzyk [*Словарь русского языка*. 1989. Ред. Ожегов С.И. Москва: Русский язык].
- SSS *Sel'skohozâjstvennyj slovar'-spravočnik*. 1934. Red. Gajster A.I. Moskwa–Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo kolchoznoj i sovchoznoj literatury „Sel'hozgiz” [*Сельскохозяйственный словарь-справочник*. 1934. Ред. Гайстер А.И. Москва–Ленинград: Государственное издательство колхозной и совхозной литературы „Сельхозгиз”].
- SW *Słownik języka polskiego*. 1900–1927. Red. Karłowicz J., Kryński A.A., Niedźwiedzki W. T. 1–8. Warszawa.
- SWil Zdanowicz Aleksander i in. 1861. *Słownik języka polskiego*. T. 1–2. Wilno.
- TSIS Krysin Leonid Petrovič. 1998. *Tolkovyy slovar' inoâzyčnyh slov*. Moskwa: Russkij âzyk [Крысин Л.П. 1998. *Толковый словарь иноязычных слов*. Москва: Русский язык].
- TSRJa *Tolkovyy slovar' russkogo âzyka*. 1935–1940. Red. Ušakov D.N. T. 1–4. Moskwa: Sovetskaja ênciklopediâ [*Толковый словарь русского языка*. 1935–1940. Ред. Ушаков Д.Н. Т. 1–4. Москва: Советская энциклопедия].
- TSRJaOSz Ožegov Sergej Ivanovič, Švedova Nataliâ Ūl'evna. 1992. *Tolkovyy slovar' russkogo âzyka*. Moskwa: Az' [Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. 1992. *Толковый словарь русского языка*. Москва: Азъ].
- WSRP Mirowicz Anatol, Dulewiczowa Irena, Grek-Pabisowa Iryda, Maryniakowa Irena. 1986. *Wielki słownik rosyjsko-polski*. T. 1–2. Moskwa–Warszawa.

BIBLIOGRAFIA

- Graczykowska Tamara. 2018. *Słownictwo „Trybuny Radzieckiej” wydawanej w Moskwie w latach 1927–1938*. Bydgoszcz: Wydawnictwo Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego.
- Iwanow Michał. 1985. *Polonia w Związku Socjalistycznych Republik Radzieckich (1921–1938)*. W: *Liczba i rozmieszczenie Polaków w świecie*. Red. Wrzesiński W. T. 2. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego: 201–256.
- Iwanow Michał. 1991. *Pierwszy naród ukarany. Polacy w Związku Radzieckim 1921–1939*. Warszawa–Wrocław: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Iwanow Michał. 2014. *Zapomniane ludobójstwo: Polacy w państwie Stalina, „operacja polska” 1937–1938*. Kraków: Znak.
- Iwanow Michał. 2017. *Oświata w warunkach polskiej sowieckiej autonomii w ZSRR w latach 1925–1939*. „Rocznik Stowarzyszenia Naukowców Polaków Litwy” t. 17: 73–97.
- Kalinowska Małgorzata. 2017. *Między narodem a ideą. Polityka mniejszościowa władz ZSRR w dziedzinie kultury i literatury w latach dwudziestych i trzydziestych XX wieku*. „Slavia Orientalis” LXVI, nr 1: 91–106.
- Kawecka Krystyna. 1981. *Problemy rozwoju oświaty i kultury Polonii radzieckiej w latach 1921–1929 ze szczególnym uwzględnieniem Ukrainy i Białorusi*. W: *Kultura skupisk polonijnych: materiały z Sympozjum zorganizowanego przez Bibliotekę Narodową oraz Instytut Historii Polskiej Akademii Nauk (Radziejowice, 22–23 IV 1980)*. Red. Czarnik O., Gronowski K. Warszawa: Biblioteka Narodowa: 255–273.
- Lizak Wojciech. 1990. *Rozstrzelana Polonia. Polacy w ZSRR 1917–1939*. Szczecin: Prywatny Instytut Analiz Społecznych.
- Ożdżyński Jan. 1970. *Polskie współczesne słownictwo sportowe*. Wrocław: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.

- Patek Artur. 2001. *Polska diaspora w Rosji Radzieckiej i Związku Socjalistycznych Republik Radzieckich*. W: *Polska diaspora*. Red. Wałaszek A. Kraków: Wydawnictwo Literackie: 283–363.
- Szydłowska-Ceglowa Barbara. 1997. *Język polski w Rosji porewolucyjnej i ZSRR (do roku 1935)*. „Język Polski” LXXVII, z. 4–5: 251–258.
- Tęgoborski (Tomasz Dąbal) Włodzimierz. 1929. *Polacy Związku Radzieckiego*. Moskwa: Centralne Wydawnictwo Ludów ZSRR.
- Tokarski Ryszard. 2001. *Słownictwo jako interpretacja świata*. W: *Współczesny język polski*. Red. Bartmiński J. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej: 343–370.
- (online) <http://vchekmariov.narod.ru/biogr.html> (dostęp 18.07.2016).
- Васильевич Кириллов Виктор. 2013. *История России. Учебное пособие*. Москва: Юрайт.

REFERENCES

- Graczykowska Tamara. 2018. *Słownictwo „Trybuny Radzieckiej” wydawanej w Moskwie w latach 1927–1938*. Bydgoszcz, Wydawnictwo Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego. (In Polish)
- Iwanow Michał. 1985. *Polonia w Związku Socjalistycznych Republik Radzieckich (1921–1938)*. In: *Liczba i rozmieszczenie Polaków w świecie*. Ed. Wrzeński W. Vol. 2. Wrocław, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, pp. 201–256. (In Polish)
- Iwanow Michał. 1991. *Pierwszy naród ukarany. Polacy w Związku Radzieckim 1921–1939*. Warsaw–Wrocław, Państwowe Wydawnictwo Naukowe. (In Polish)
- Iwanow Michał. 2014. *Zapomniane ludobójstwo: Polacy w państwie Stalina, „operacja polska” 1937–1938*. Cracov, Znak. (In Polish)
- Iwanow Michał. 2017. *Oświata w warunkach polskiej sowieckiej autonomii w ZSRR w latach 1925–1939*. “Rocznik Stowarzyszenia Naukowców Polaków Litwy” Vol. 17, pp. 73–97. (In Polish)
- Kalinowska Małgorzata. 2017. *Między narodem a ideą. Polityka mniejszościowa władz ZSRR w dziedzinie kultury i literatury w latach dwudziestych i trzydziestych XX wieku*. “Slavia Orientalis” LXVI no 1, pp. 91–106. (In Polish)
- Kawecka Krystyna. 1981. *Problemy rozwoju oświaty i kultury Polonii radzieckiej w latach 1921–1929 ze szczególnym uwzględnieniem Ukrainy i Białorusi*. In: *Kultura skupisk polonijnych: materiały z Sympozjum zorganizowanego przez Bibliotekę Narodową oraz Instytut Historii Polskiej Akademii Nauk (Radziejowice, 22–23.IV.1980)*. Eds Czarnik O., Gronowski K. Warsaw, Biblioteka Narodowa, pp. 255–273. (In Polish)
- Lizak Wojciech. 1990. *Rozstrzelana Polonia. Polacy w ZSRR 1917–1939*. Szczecin, Prywatny Instytut Analiz Społecznych. (In Polish)
- Ożdżyński Jan. 1970. *Polskie współczesne słownictwo sportowe*. Wrocław, Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk. (In Polish)
- Patek Artur. 2001. *Polska diaspora w Rosji Radzieckiej i Związku Socjalistycznych Republik Radzieckich*. In: *Polska diaspora*. Ed. Wałaszek A. Cracov, Wydawnictwo Literackie, pp. 283–363. (In Polish)
- Szydłowska-Ceglowa Barbara. 1997. *Język polski w Rosji porewolucyjnej i ZSRR (do roku 1935)*. „Język Polski” LXXVII, no 4–5, pp. 251–258. (In Polish)
- Tęgoborski (Tomasz Dąbal) Włodzimierz. 1929. *Polacy Związku Radzieckiego*. Moscow, Centralne Wydawnictwo Ludów ZSRR. (In Polish)
- Tokarski Ryszard. 2001. *Słownictwo jako interpretacja świata*. In: *Współczesny język polski*. Ed. Bartmiński J. Lublin, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, pp. 343–370. (In Polish)
- Vasil'evič Kirillov Viktor. 2013. *Istoriâ Rossii. Učebnoe posobie* [History of Russia. Study guide]. Moscow, Ūrajt. (In Russ.)
- Available at: <http://vchekmariov.narod.ru/biogr.html> (Accessed 12 December 2019). (In Russ.)

DOI: <https://doi.org/10.31648/apr.5389>

Data przesłania artykułu: 15 grudnia 2019 r.

Data akceptacji artykułu: 8 marca 2020 r.

DIALEKT MIEJSKI MOSKWY. PRÓBA DEFINICJI

Bartosz Juszcak

Uniwersytet Wrocławski, Polska

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7058-0384>

E-mail: bartosz.juszcak@uwr.edu.pl

Streszczenie: Artykuł koncentruje się na usystematyzowaniu aktualnych badań dotyczących języka miasta Moskwy i próby odniesienia tej kategorii do podstaw metodologicznych i zakresów definicyjnych w badaniach czeskich i polskich dialektów miejskich. Próba usystematyzowania tej formacji może być bazą do konfrontacji w zakresie języko-wo-kulturowych aspektów przestrzeni miejskiej miast Słowiańszczyzny.

Słowa kluczowe: dialekt miejski, dialekt miejski Moskwy, socjolingwistyka, gwara warszawska, brneński hantec, lingwistyka kulturowa

Submitted on December 15, 2019

Accepted on March 8, 2020

URBAN DIALECT OF MOSCOW. AN ATTEMPT TO DEFINE

Bartosz Juszcak

University of Wrocław, Poland

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7058-0384>

E-mail: bartosz.juszcak@uwr.edu.pl

Abstract: This paper focuses on systematizing current research on the *Moscow urban dialect* and qualifying this category to the developed methodology in the study of Czech and Polish urban dialects. The attempt to systematize this formation provides a basis for the confrontational cultural-lingual study of the urban space of the *Warsaw urban dialect*, *Brno slang – Hantec*, and *Moscow urban dialect*.

Keywords: urban dialect, Moscow urban dialect, sociolinguistics, Warsaw urban dialect, Brno slang – Hantec

Wewnętrzna struktura każdego języka etnicznego to twór niejednorodny, na który składają się jego zróżnicowane warianty. Dyferencjacja języka narodowego jest podyktowana szeregiem różnorodnych czynników, spośród których należy wymienić elementy kulturowe, poprawnościowe oraz stylistyczne, nie zapominając o faktach historycznych rozwoju języka. Wszystkie wspomniane czynniki ściśle korelują z poszczególnymi etapami rozwoju języka, czemu sprzyjało kształtowanie poczucia przynależności narodowej i tym samym chęci dążenia do traktowania języka oraz jego statusu jako wyznacznika identyfikacji narodowej, a także czynnika spajającego daną wspólnotę etniczną. Zjawiska te równocześnie stymulują rozwój kultury materialnej i niematerialnej, przede wszystkim oświaty oraz szeroko rozumianego piśmiennictwa. Kompleks takich warunków doprowadzał zwykle do kształtowania się nowego wariantu literackiego języka narodowego na podstawie podłoża dialektalnego oraz ustnych (mówionych) form językowych.

Przyglądając się rozwojowi języka rosyjskiego, na który składają się współcześnie język literacki, potoczny, dialekty socjalne i terytorialne, profesjolekty, żargony socjalno-terytorialne, argo, slang [Войлова 2009, 272], należy, w naszej opinii, zwrócić szczególną uwagę na jego formacje miejskie – szczególnie interesujące, gdyż w swoich strukturach zawierają elementy prostego wariantu mówionego

języka rosyjskiego (język pospolity), a także różnorodne genetycznie i stylistycznie segmenty rekrutujące się z wariantu mówionego języka literackiego.

Nasze zainteresowanie rosyjskimi językowymi formacjami miejskimi (niezależnie od stosowanych w językoznawstwie rosyjskim nazw dla takiej rzeczywistości) wynika z przekonania, że formacje miejskie (dialekty miejskie; dalej: DM) stanowią jeden z ważniejszych elementów językowo-kulturowej przestrzeni miejskiej każdego bez wyjątku miasta. DM obok symboli (językowych i niejęzykowych) to fakty wyróżniające dane miasto. Mamy tutaj na myśli np. jego nieoficjalną i oficjalną urbanonimię, zabytki kultury i architektury, hejnał, legendy miejskie, opowiadania miejskie i literaturę o danym mieście (np. pamiętnikarstwo), które to, każde z osobna i wszystkie razem, są budulcem przestrzeni kulturowej konstytuującej charakter miasta, decydującej o jego niepowtarzalności i indywidualności.

Powstawanie językowych formacji potocznych o charakterze miejskim jest cechą typową dla wszystkich języków słowiańskich zarówno z grupy zachodniej, wschodniej¹, jak i południowej². Tworzenie się takich fenomenów językowych odbyło się w określonym czasie w historii miasta, kiedy to do prężnie rozwijających się ośrodków miejskich (głównie za sprawą rozkwitu przemysłu i handlu) dużymi falami przybywali migranci, którzy, stając się nowymi ich mieszkańcami, wnosili do języka ludności autochtonicznej nową jakość. Procesy te prowadziły do konwergencji językowej w obrębie języka narodowego, co skutkowało wykształcaniem się DM lub innej, ogólniej mówiąc, formacji językowej o charakterze miejskim, zwykle z elementami obcojęzycznymi.

Niniejszy artykuł jest próbą poszukiwania odpowiedzi na pytanie, które i jak rozumiane miejskie formacje języka rosyjskiego mogą być zestawione z polskimi i czeskimi dialektami miejskimi ze szczególnym uwzględnieniem rzeczywistości językowej Moskwy. Ma on na celu:

- 1) określenie charakteru moskiewskiego *prostorieczija* (dalej: MP). Stoimy na stanowisku, że to ono będzie w naszych dalszych rozważaniach potraktowane jako jedna z ważniejszych składowych dialektu miejskiego Moskwy (dalej: DMM) oraz
- 2) ustalenie parametrów lingwistycznych konstytuujących moskiewską formację miejską, a następnie skonfrontowanie tych aspektów z innymi interesującymi nas słowiańskimi dialektami miejskimi.

¹ Na potwierdzenie tej tezy przytaczamy szereg prac poruszających aspekty języka miasta Polski, Czech, Ukrainy, Rosji. Zob. [Dyszak 2015; Jaczewski 1938; Juszcak 2017; Krémová 1981; Wieczorkiewicz 1966; Kurzowa 2006; Китайгородская, Мовна 2013; Gruchmanowa, Witaszek-Samborska 1986; Gruchmanowa, Walczak 1999].

² Np. Michaił Chmielewskij pisze o *koine* Zagrzebia, Sarajewa, Belgradu i innych miast Półwyspu Bałkańskiego [Хмелевский 2019].

Badania formacji miejskich w Rosji rozpoczynają się w latach 30. XX wieku za sprawą postulatów lingwisty Borysa Łarina. Zwracał on szczególną uwagę na potrzebę wyróżnienia związku pomiędzy językiem miasta a jego zróżnicowaniem socjalnym [Ларин 1977a]. Badacz postulował na podstawie prac i metodologii lingwistów zachodnich kompleksowe badania formacji miejskich w Rosji [Ларин 1977b]. W wypowiedziach Łarina pojawia się również myśl, niezwykle istotna z punktu badań językowo-kulturowych, zawierająca tezę, że historia języka miasta jest wyrazem „борьбы языков, отражающей непрестанное столкновение и скрещение в нём разнородных культур” [Ларин 1977a, 190]. Warto zwrócić uwagę, iż Łarin przede wszystkim postulował prowadzenie kompleksowych badań formacji miejskich, szczegółowych działań w tym zakresie nie podejmując³.

Jak pisze Ała Junakowskaja, badania języka miasta w Rosji znacznie aktywizują się dopiero w latach 60. XX wieku. Są one prowadzone z wykorzystaniem wielu metodologii, a także dotyczą różnych aspektów funkcjonowania języka miasta (język i społeczeństwo, analiza literatury realizującej język mówiony miasta, konkurencji *prostorieczija* i języka literackiego w aspekcie poprawnościowym) [Юнаковская, online]. Zaś Margarita Kitajgorodskaja w swojej monografii wyróżniła kilka zróżnicowanych podejść do analiz języka miasta, np. rysy regionalne (przede wszystkim na przykładzie opozycji Moskwy i Petersburga), aspekt komunikacyjno-pragmatyczny oraz konfrontacja języka miasta i kultury [Китайгородская, online].

Określenie statusu MP jako najważniejszej składowej DMM wydaje się istotne z punktu widzenia badań konfrontatywnych dialektów miejskich miast Słowiańszczyzny (co stanowi jedno z naczelných zadań naszych badań⁴), gdyż według nas konieczna jest nie tylko katalogizacja faktów w tym zakresie, lecz także sprawdzenie, czy i na ile formacje te są ze sobą porównywalne, jak duże jest ich wzajemne podobieństwo lub kontrast oraz pogłębiona refleksja nad czynnikami rzutującymi na zbieżność i/lub kontrast w tym zakresie.

Podejmując próbę zdefiniowania, a także konfrontacji DMM z wybranymi dialektami miejskimi w Polsce i Czechach, należy przybliżyć termin *prostorieczije* i wiążące się z nim pojęcie. W tym celu przyjrzymy się niektórym definicjom i opracowaniom naukowym na ten temat, a także metodologii, dzięki której została opisana.

Termin *prostorieczije* znany jest już od XVI wieku, a samo słowo stanowi rezultat procesu uniwerbizacji wyrażenia *простая речь* z pierwotnym znaczeniem:

³ Postulaty Borysa Łarina zostały wykorzystane w badaniach prowadzonych przez Władimira Koliesowa w pracy *Язык города* [Колесов 1991].

⁴ Skupiają się one na określeniu roli DM różnych miast Słowiańszczyzny w kształtowaniu językowo-kulturowych wyznaczników przestrzeni miejskiej (konfrontacja polsko-czesko-rosyjska).

‘nieliteracki język narodowy’⁵. We współczesnej lingwistycznej literaturze rosyjskiej z terminem tym możemy spotkać się w różnorodnych źródłach i opracowaniach naukowych. Encyklopedia lingwistyczna *Русский язык* definiuje *просторечье* w sposób następujący:

Социально обусловленная разновидность национального русского языка, в которой реализуются средства, находящиеся за пределами литературной нормы. (...) противоположность письменно-лит. форме языка, обиходно-раз. лит. речи и диалектам, не имеет собственных признаков системной организации (...). Источники просторечия – в местных диалектах, устаревшей норме, в смешении разных языковых единиц (контаминативные явления), в приспособлении иносистемных (заимствованных) явлений к базовым особенностям русского языкового строя [Журавлев 2003].

W kolejnych opracowaniach odnoszących się do *просторечья* zauważamy, że w socjolingwistyce rosyjskiej przeważają badania tej postaci języka miasta przede wszystkim w aspekcie poprawnościowym i stale sygnalizowanej konkurencji *просторечья* i języka literackiego [Капанадзе 1984; Скворцов 1977]. W swoistej reakcji na taki stan rzeczy Kławdija Wojlowa pisze:

Просторечие же становится объектом исследования только тогда, когда это нужно для освещения той или иной стороны феноменов литературного языка, разговорной речи, языка диалектного типа и т. д. [Войлова 2009, 277].

Można zatem stwierdzić, że termin *просторечье* w rosyjskiej przestrzeni lingwistycznej rozumie się i traktuje w dwojaki sposób, co wynika z wielu opracowań lingwistycznych. Jest on traktowany jako:

- 1) kategoria „poprawnościowa” służąca normatywistyce wariantu kulturalnego języka rosyjskiego; obecność faktów *просторечья* we wszelkich wypowiedziach (szczególnie w tekstach literackich) interpretowana jest negatywnie; formy *просторечья* negatywnie stylizują wypowiedzi bohaterów;
- 2) niejasno sprecyzowana formacja językowa, wariant języka odbiegający od normy literackiej⁶ powstały na podstawie podłoża dialektalnego, lecz sam język literacki (normatywny, kodyfikowany) w jego genezie poprzedzająca, która obsługuje/obsługiwała mieszkańców nizin społecznych miasta/regionu⁷.

⁵ Por. np. [Селиванова 2008, 326].

⁶ Galina Kniaźkowa pisze: „В литературе ярко проявляется различный подход к этой категории и в соответствии с этим разный объем и содержание понятия *просторечие*” [Князькова 1974].

⁷ Ludmiła Gruzberg pisze: „городское просторечие любого региона России имеет отчетливую локальную окрашенность” [Грузберг, online].

Ludmiła Kudrjawcewa wyróżnia trzy odmiany tej formacji:

- a) przestrzeckizje socjalne (typowe dla niewykształconych mieszkańców miasta);
- b) kategoria funkcjonalno-stylistyczna;
- c) nowe przestrzeckizje (grupa niestandardowych jednostek leksykalno-frazeologicznych) [Кудрявцева, online]⁸.

To drugie rozumienie *prostorieczija* będzie przydatne dla naszych rozważań o DMM.

Z perspektywy polskiej i czeskiej dialektologii socjalnej (jej założeń teoretycznych i schematów interpretacyjnych, które charakteryzują DM jako formację mieszaną ze swoistymi cechami fonetycznymi⁹ i leksykalnymi¹⁰), określenie statusu języka Moskwy przełomu XIX i XX wieku i przede wszystkim „wpisanie” go w znane nam definicje dialektologii miejskiej jest zadaniem skomplikowanym, gdyż natrafia na szereg różnorodnych trudności. Stan taki to, jak się wydaje, pochodna odmiennych rosyjskich teoretycznych przesłanek wyjściowych badań socjolingwistycznych (poprawność i norma jako fundamenty kultury języka), co skutkuje brakiem jednoznacznych i całościowych rosyjskich badań w obrębie tej problematyki. Istniejące opracowania mają, jeśli oceniać je z perspektywy czeskiej i polskiej socjolingwistyki, charakter fragmentaryczny i poruszają przede wszystkim aspekt normatywistyczny, co wyraźnie kontrastuje z rozwiniętymi badaniami dialektów miejskich w Polsce i Czechach.

Przechodząc do istoty MP w zasygnalizowanym wyżej znaczeniu, musimy zwrócić uwagę, że rosyjscy lingwiści zajmujący się tą problematyką dla nominacji zjawiska wymiennie używają kilku różnych określeń (nazywanie języka Moskwy w różnych okresach): *язык Москвы, московское просторечие, московское аргю, московское койне, общий сленг*. Taka różnorodność nazewnictwa jest trudna do zrozumienia i, jak się wydaje, stanowi raczej pochodną „indywidualizmów badawczych”, i nie ma charakteru ontologicznego, gdyż pomimo silnych inter-

⁸ Ludmiła Kudrjawcewa sprawę miejsca *prostorieczija* w systemie języka ogólnego poruszała już wcześniej w kilku swoich publikacjach [Кудрявцева 2002, 2001]. O dyferencjacji *prostorieczija* i slangu traktuje również Aleksiej Bukałow [Букалов, online]).

⁹ Marian Kucala definiuje DM w następujący sposób: „gwara miejska to mowa niewykształconej ludności miejskiej, różniąca się od dialektu kulturalnego (języka ogólnego) pewnymi niekonsekwentnie występującymi cechami, głównie leksykalnymi i fonetycznymi, wspólnymi z okolicznymi gwarami miejskimi” [Kucala 1992, 105].

¹⁰ Maria Krčmová określa DM jako: „běžně mluveny jazyk našeho města je dnes důkazem komunity jazykového vývoje mezi tradičními nářečními venkova a jejich nivelizovanější, «kulturnější» podobou jazyka obyvatel města a budoucím jednotnějším a stylově bohatým společným komunikačním nástrojem celé společnosti” [Krčmová 1981, 184].

ferencji różnych wariantów języka narodowego na język potoczny Moskwy substrat moskiewski cechował się stabilnością, ponieważ „сохранял довольно стабильно свои основные черты” [Китайгородская, online]. Istnienie tak wielu wariantów terminologicznych można dodatkowo tłumaczyć innymi przyczynami, spośród których należy wskazać na nieprecyzyjność części stosowanych określeń (np. *koine* i *argo* często używa się wymiennie bez ściśle określonych zakresów znaczeniowych¹¹). Trudności z ustaleniem polskiego ekwiwalentu terminu *prostorieczije* ilustrują specyfikę i odmienność gatunkową tego fenomenu w ruszczyźnie¹².

W celu realizacji zadania konfrontacji formacji miejskich w obrębie trzech języków słowiańskich (rosyjski, polski, czeski) należy określić i porównać realizację kilku **parametrów lingwistycznych** wyróżniających DM (znane nam z metodologii polskiej i czeskiej¹³), a następnie sprawdzić, czy parametry te obecne są w badanych DM i jaką rolę tam odgrywają.

W **pierwszej kolejności** należy przyjrzeć się podstawie materiałowej (substratowi), na podstawie której ukształtowała się dana formacja miejska. Powstawanie MP, jak pisze Wojłowa, jest ściśle związane z kształtowaniem się *moskiewskiego koine*, które pierwotnie stanowiło wariant potoczny języka Moskwy i jego okolic. To właśnie w obrębie tej formy naddialektalnej/interdialektalnej doszło do symbiozy socjolektów zróżnicowanych grup społecznych (rzemieślników, mieszczan, handlarzy itp.) oraz form dialektalnych, a następnie do wykształcenia się wariantu codziennego o charakterze potocznym – właśnie *prostorieczija*, ważnej składowej DMM. W tym mówionym niekodyfikowanym wariantcie potocznym pojawiały się nowe zjawiska rozwojowe ruszczyzny, w jego ramach następowała neutralizacja elementów wulgarnych i dialektalnych/gwarowych. W obrębie tej formacji następowały ważne procesy unifikacji gramatycznej, np. w zakresie części mowy [Войлова 2009, 273].

Stoimy na stanowisku, że za moskiewską formację językową, która odpowiadałaby zakresowi stosowanemu w socjolingwistyce polskiej i czeskiej, z uwzględnieniem szeregu polsko-czeskich odmienności i różnic teoretycznych oraz metodologicznych [Juszczak 2020], może być uważany językowy system komu-

¹¹ Sam termin *koine* jest we współczesnej socjolingwistyce stosowany jako „techniczny” termin operacyjny na oznaczenie praktycznie każdej formacji naddialektalnej, np. *koine handlowe, wojskowe, kulturowe* [Селиванова 2008, 329].

¹² Problem przeniesienia znaczenia *prostorieczija* na język polski w perspektywie translatorzkiej podjęła Anna Głogowska. Badaczka pisze o istniejących ekwiwalentach w polskiej literaturze naukowej, np. język potoczny; kolokwialny; pospolity; gminy; kolokwializm czy dialekt miejski [Głogowska 2017].

¹³ Szczegółową charakterystykę czeskich i polskich dialektów miejskich omówiono w artykule *O dwóch podejściach do badań dialektów miejskich w Polsce i Czechach* [Juszczak 2020].

nikacyjny moskiewskiego mieszczaństwa¹⁴ przełomu XIX i XX wieku. Bywa on charakteryzowany jako *разговорный обиходно-бытовой язык города Москвы* [Елистратов 1997, 6], a jego ważną składową stanowi tzw. moskiewskie *просторечье*. Właśnie tę formację dla potrzeb naszych rozważań będziemy nazywali dialektem miejskim Moskwy.

Zestawiając tak scharakteryzowany DMM z innymi znanymi nam dialektami miejskimi w Czechach i Polsce (gwarą warszawską, dalej: GW, oraz brneńskim hantecem, dalej: H), zauważamy i chcemy to wyraźnie podkreślić, że powstawanie tych formacji przebiega na bazie podobnych procesów językowo-społecznych¹⁵. GW, która ukształtowała się na podstawie substratu gwar północnomazowieckich wśród nizin społecznych tego miasta, również odzwierciedla podziały socjalne, co pokazuje, że w jej strukturze obok elementów dialektalnych obecne są zróżnicowane socjolekty. H jako formacja o charakterze miejskim powstaje w podobnych warunkach – substrat gwar hanackich łączy się z socjolektami nizin społecznych zamieszkujących Brno.

Kolejnym (drugim) parametrem dającym możliwość zestawienia interesujących nas językowych formacji miejskich są czynnik chronologiczny, czyli okres kształtowania się dialektu miejskiego, oraz jego sfera funkcjonalno-komunikacyjna.

DMM w postulowanym tutaj rozumieniu i zakresie ukształtował się w drugiej połowie XIX wieku [Китайгородская, online; Елистратов 1997, 5–15]. Zawarte w nim MP pełniło oprócz zadań komunikatywnych dodatkową funkcję wyrażania silnej ekspresji, emocji, oceny mówiącego. Warto przytoczyć pogląd jednej z badaczek tej problematyki, która konstatuje: „просторечие было той разновидностью русского языка, которая в полной мере выполняла функцию языка общения городского населения” [Войлова 2009, 274]. Zbieżną sytuację odnotowujemy w odniesieniu do gwary warszawskiej i brneńskiego hantecu.

Najbardziej dynamiczny rozwój GW przypada na drugą połowę XIX stulecia. Formacja ta pełniła, podobnie jak MP, funkcję komunikacyjną dla przeważającej liczby mieszkańców miasta; pierwotnie wyłącznie wśród przedstawicieli nizin społecznych, a następnie zróżnicowanych socjalnie grup ludności. Tożsamy chronologicznie jest też okres kształtowania się H wśród niskich warstw społecznych Brna, który przypada na przełom XIX i XX wieku. Z punktu widzenia komunikacyjno-funkcjonalnego elementy leksykalne pochodzące z H były dopełnieniem wariantu kulturalnego – dialektu miejskiego Brna i wchodziły do języka potocznego mieszkańców.

¹⁴ Chodzi o mieszczaństwo rosyjskie, którego koncept (w tym również język) scharakteryzowany został przez Jurija Stiepanowa. Por. *Мещанство* [Степанов 1997, 679–683].

¹⁵ Na bazie podobnych procesów rozwijają się również inne słowiańskie DM, np. dialekt miejski Poznania, Bydgoszczy, Ostrawy, Opawy.

Rekapitulując omówienie parametru chronologicznego, należy stwierdzić, że konfrontowane formacje miejskie kształtują się w podobnym okresie (druga połowa XIX wieku). Wszystkie one stanowią wariant języka bądź wybrane elementy z niego pochodzące (jak w przypadku H), które charakteryzują się codziennością użycia, potocznością i stanowią wspólny, choć niejednorodny dla mieszkańców danego miasta kod językowy.

Kontynuując przegląd parametrów lingwistycznych pozwalających na porównanie trzech omawianych formacji miejskich, warto sprawdzić, jak wygląda zaplecze leksykograficzne opisywanych dialektów i zatrzymać się na opisie i krótkiej charakterystyce opracowań słownikowych porównywanych fenomenów. W zakresie tego parametru możemy skonstatować dużą zbieżność. Istniejące publikacje słownikowe to opracowania różnego charakteru, typu i poziomu precyzji naukowej. Niektóre z nich stanowią przykład typowej analizy leksykograficznej, inne zaś są ukierunkowane na wskazanie poprzez pryzmat leksyki niektórych ważnych aspektów kulturowych i bytowych (słowniki kulturologiczne lub encyklopedyczne).

GW została opisana w słowniku autorstwa Bronisława Wieczorkiewicza [Wieczorkiewicz 1966], który zawiera około 9,3 tys. haseł powstałych na podstawie artykułów prasowych, obrazujących życie i koloryt ówczesnej Warszawy¹⁶.

Podobną sytuację obserwujemy w obszarze H: już w 1929 roku powstał krótki słownik leksyki H Otakara Nováčka [Nováček 1929]. To wczesne opracowanie posłużyło współczesnym leksykografom jako materiał do słownika języka czeskiego nieliterackiego (*Slovník nespisovné češtiny*), w którym znalazły się leksemy pochodzące z H. Dodatkowo, w przypadku H istnieją nowe, amatorskie opracowania, które pojawiły się już w XXI wieku [Dvorník i Kopřiva 2013]. Mimo tego są one ważne i wartościowe, gdyż ukazują ciągłe zainteresowanie mieszkańców i pasjonatów tą formacją językową.

DMM, czyli *разговорный обиходно-бытовой язык города Москвы*, w wymiarze leksykalno-semantycznym, a także chronologicznym i socjalnym znalazł obszerną prezentację w zawierającym około 4 tys. haseł słowniku *Язык старой Москвы: Лингвоэнциклопедический словарь* autorstwa Władimira Jeli-stratowa [Елистратов 1997].

Z przeprowadzonych przez nas wcześniejszych badań polskich i czeskich dialektów miejskich (gwara warszawska, dialekt miejski Poznania, brneński hantec

¹⁶ Wśród publikacji autora należy wymienić jeszcze jedno – *Gwara warszawska dawniej i dziś*. To ostatnie opracowanie stanowi połączenie rozprawy o walorach naukowych z popularyzatorską publicystyką [Wieczorkiewicz 1974]. Warto podkreślić, że większość wspomnianych tu DM zostało opracowanych w postaci prac leksykograficznych, monograficznych i licznych artykułów naukowych.

i inne) wynika, że pierwszoplanowym elementem decydującym o charakterze, specyfice oraz „swoistości” określonego dialektu miejskiego jest jego warstwa leksykalna i komunikowana przez nią semantyka [Juszcak 2020]. Właśnie dlatego w poszukiwaniu paraleli/kontrastów między dialektami miejskimi Warszawy, Brna i Moskwy należy skoncentrować się na charakterystyce zasobu leksykalnego owych formacji – to właśnie w słownictwie kodowana jest rzeczywistość pozajęzykowa. Aspekt ten traktujemy jako **trzeci parametr** naszego porównania.

Ogląd pól semantycznych wszystkich trzech formacji miejskich pozwala na stwierdzenie, jakie sfery życia codziennego mieszkańców są dzięki stosowanym nominacjom eksponowane, w jaki sposób w zwierciadle leksyki „odbijają się” sami użytkownicy, jaki obraz świata kreują korpusy leksykalne.

W zasobach leksykalnych przedstawiających DM można wydzielić szereg zróżnicowanych semantycznie grup tematycznych, które są reprezentowane przez różną liczbę jednostek. W tym zakresie zarysowują się następujące pola semantyczne: 1. Człowiek jako istota psychiczna; 2. Człowiek jako istota fizyczna¹⁷; 3. Używki; 4. Prostyucja; 5. Zawody; 6. Elementy przestrzeni miejskiej; 7. Transport miejski; 8. Handel i usługi. 9. Narodowości. To sfery związane z codziennym życiem mieszkańców rozwijających się miast. Wypełnienie tych pól różni się, rzecz jasna, zarówno pod względem ilościowym, jak i znaczeniowym. Już na wstępnym etapie prezentacji tego zagadnienia można stwierdzić, że leksyka tych DM dzieli się na dwie wyraźne grupy: neutralną (nominacyjną), np. człowiek, zawody, przestrzeń miejska, oraz ekspresywną (emocjonalną/wartościującą), np. prostytucja, używki. Taki dychotomiczny charakter leksyki może być sygnałem podziałów socjalnych ówczesnych mieszkańców tych miast, odzwierciedlając ich codzienne życie, zainteresowania i poziom społeczny. Dodatkowo, grupa druga charakteryzuje się silną ekspresywnością oraz pejoratywnością, a istnienie wielu nazw równoległych odnoszących się do danego desygnatu (czynność/przedmiot) może być sygnałem częstotliwości i powtarzalności określonych działań czy użycia przedmiotu oraz bliskiego związku mówiącego z sytuacją/przedmiotem.

Reasumując przeprowadzone rozważania, należy stwierdzić, że do tej pory w rosyjskiej socjolingwistyce nie powstały jednolite studia odnoszące się do badań poszczególnych formacji miejskich, co stoi w opozycji do osiągnięć badaczy polskich i czeskich¹⁸. Niezależnie od tego, uważamy, że prace rosyjskich socjolingwistów stanowią ważny segment osiągnięć językoznawstwa słowiańskiego, gdyż wskazują

¹⁷ Nazw dwóch pierwszych grup tematycznych używamy za Małgorzatą Witaszek-Samborską i Anną Piotrowicz [Witaszek-Samborska, Piotrowicz 2018].

¹⁸ Prace polskich i czeskich dialektologów miejskich stanowiące dorobek w tym zakresie wymieniono w przyp. 1.

na odmienne aspekty funkcjonowania języka w obrębie organizmów miejskich. Brak jednolitych i jednoznacznych interpretacji kompleksów zjawisk językowych w rosyjskich formacjach miejskich stawia badacza próbującego skonfrontować te systemy w obrębie różnych języków słowiańskich w bardzo trudnej sytuacji. Musi on na podstawie odmiennych interpretacyjnie koncepcji podjąć niełatwą (i być może ryzykowną) próbę odpowiedzi na pytanie, w jakim stopniu DMM jest podobny i zestawiany z innymi dialektami miejskimi Słowiańszczyzny.

Z przeglądu rosyjskich opracowań naukowych i leksykograficznych wynika, że DMM może być zestawiany z polskimi i czeskimi formacjami o charakterze miejskim, ponieważ cechuje się szeregiem podobieństw (i oczywiście kontrastów). Podobieństwa mają dwojaki charakter. Pierwsza grupa ma charakter zewnętrzny. Bierzemy tu pod uwagę wyznacznik **chronologiczny** (okresy, w których rozwijają się wskazane warianty) oraz **podstawy materialowe**, stanowiące główny budulec formacji miejskich (podłoże dialektalne w połączeniu z socjolektami niskich grup społecznych).

Kolejna grupa podobieństw (dla odmiany nazwijmy je: wewnętrznymi) to fakty odnoszące się do samego żywiołu językowego, przede wszystkim jego funkcjonalności.

Dialekty miejskie rozumiane jako specyficzne warianty języka pełniły w okresie swojego rozwoju i rozkwitu funkcję komunikacyjną w sferze codziennej i nieoficjalnej; były językiem wspólnym dla mieszkańców miasta, bez względu na ich status społeczny, wykształcenie i zainteresowania.

Inna zbieżność o charakterze wewnętrznym (językowym) dotyczy sfery wyrażania. Chodzi o zawartość grup tematycznych leksyki wskazanych formacji miejskich. W tym zakresie odnotowujemy duży stopień paralelizmu i podobieństwa. Kolejna ważna cecha wspólna to fakt, że charakterystyczna leksyka DMM, GW i H stoi w silnej opozycji do wariantu potocznego języków narodowych, co pokazuje, iż mamy do czynienia z tworami odrębnymi i niezależnymi. W sferze leksykalnej dodatkowo można odnotować podobieństwo w kreowaniu funkcjonalności nazewnictwa miejskiego, przede wszystkim nieoficjalnego w trzech konfrontowanych DM.

O odrębności i samodzielności tych wariantów języka dodatkowo świadczyć może istnienie różnorodnych opracowań lingwistycznych. Publikacje te cechują się dużymi zbieżnościami zarówno w sposobie gromadzenia i prezentacji materiału empirycznego, jak i jego opisu metajęzykowego.

Dla ustalenia zakresu i wstępnego zdefiniowania DMM sięgnęliśmy po trzy filtry odpowiadające parametrom, które charakteryzują najważniejsze dialekty miejskie Polski i Czech – gwarę warszawską oraz brneński hantec. Zastosowana procedura daje podstawy do stwierdzenia, że podobne (porównywalne) stosunki

spełnia *разговорный обиходно-бытовой язык города Москвы* naszkicowany przez Jelistratowa w słowniku *Язык старой Москвы*.

Konkludując, możemy zatem stwierdzić, iż DMM to miejska formacja językowa ze specyficzną leksyką, która ugruntowała się w drugiej połowie XIX wieku na bazie zasobów dialektalnych okolic Moskwy (gwary północne) i socjolektów nizin społecznych (robotniczo-rzemieślniczych) zamieszkujących to miasto. Kod ten zawierający w swoim składzie liczne elementy tzw. *просторечия* poza główną funkcją komunikatywną był środkiem wyrażania ekspresji, emocji i ocen mówiącego. Fakt ten przejawia się w dychotomicznym charakterze leksyki, na którą składają się nominacje bezpośrednie oraz leksemy wyrażające silną ekspresję i negatywną aksjologię.

BIBLIOGRAFIA

- Dvorník Petr, Kopriva Pavel. 2013. *Velký slovník hantecu*. Brno: FT Records.
- Dyszak Andrzej. 2015. *Gwara miejska bydgoszczan*. Bydgoszcz: Wydawnictwo Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego.
- Głogowska Anna. 2017. *Rosyjski język pospolity (просторечие) w kontekście tłumaczenia na język polski*. „Komunikacja Specjalistyczna” nr 13: 189–206.
- Gruchmanowa Monika, Witaszek-Samborska Małgorzata. 1986. *Mowa mieszkańców Poznania*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie.
- Jaczewski Eugeniusz. 1938. *Gwara miasta Warszawy*. „Poradnik Językowy” nr 9/10: 173–180.
- Juszcak Bartosz. 2017. *Brneński hantec a gwara warszawska (próba porównania)*. W: *Język w regionie. Region w języku*. Red. Osowski B., Michalska-Górecka P. Poznań: Poznańskie Studia Polonistyczne: 141–154.
- Juszcak Bartosz. 2020. *O dwóch podejściach do badań dialektów miejskich w Polsce i Czechach*. „Slavica Wratislaviensia” nr 171: 89–99.
- Krčmová Marie. 1981. *Běžné mluvený jazyk v Brně*. Brno: Univerzita J.E. Purkyně.
- Kucała Marian. 1992. *Gwara miejska*. W: *Encyklopedia języka polskiego*. Red. Urbańczyk S. Wrocław–Warszawa–Kraków: Ossolineum: 105.
- Kurzowa Zofia. 2006. *Polszczyzna Lwowa i kresów południowo-wschodnich do 1939 roku*. Kraków: Universitas.
- Nováček Otakar. 1929. *Brněnská plotna*. Brno: Edice ON svazek I.
- Slovník nespisovné češtiny*. 2009. Red. Hugo J. Praha: Maxdorf s.r.o.
- Slovník gwary miejskiej Poznania*. 1999. Red. Gruchmanowa M., Walczak B. Warszawa–Poznań: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Wieczorkiewicz Bronisław. 1966. *Slovník gwary warszawskiej XIX wieku*. Warszawa: PWN.
- Wieczorkiewicz, Bronisław. 1974. *Gwara warszawska dawniej i dziś*. Warszawa: PWN.
- Witaszek-Samborska Małgorzata, Piotrowicz Anna. 2018. *Slovníctwo gwary miejskiej Poznania w ujęciu tematycznym*. Poznań: Wydawnictwo Nauka i Innowacje.
- Букалов Алексей. 2013. *Общий сленг и городское просторечие: проблема дифференциации* (online) <http://eKhSUIR.kspu.edu/handle/123456789/181> (доступ 26.09.2019).

- Войлова Клавдия. 2009. *История и современное состояние функционального поля русского просторечия*. В: *Система языка и языковое мышление*. Ред. Киров Е. Москва: Либроком: 272–278.
- Грузберг Людмила. *Городское просторечие*. (online) http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_13_258 (доступ 05.06.2019)].
- Елистратов Владимир. 1997. *Язык старой Москвы. Лингвоэнциклопедический словарь*. Москва: Русские словари.
- Журавлев Анатолий. 2003. *Просторечие*. В: *Энциклопедия русский язык*. Ред. Ганиева Т. Москва: Научное издательство Большая Российская энциклопедия: 390–391.
- Капанадзе Ламара. 1984. *Современное городское просторечие и литературный язык*. В: *Городское просторечие. Проблемы изучения*. Ред. Земская Е., Шмелев Д. Москва: Наука: 5–12.
- Китайгородская Маргарита. *Разновидности московской речи: Язык Москвы — явление многообразное и лингвистически неоднородное*. (online) <https://xn--elakbokk.com/kultura-rechi-stilistika/raznovidnosti-moskovskoy-rechi-50118.html> (доступ 10.05.2019).
- Князькова Галина. 1974. *Русское просторечие второй половины XVIII в.* Ленинград: Издательство Наука.
- Колесов Владимир. 1991. *Язык Города*. Москва: Высшая школа.
- Кудрявцева Людмила. 2001. *Русское городское просторечие: Киев – 2000*. «Русистика» № 1: 5–9.
- Кудрявцева, Людмила. 2002. *Формирование общего сленга в русском языке и отражение этого процесса в СМИ*. В: *В пространстве филологии: К 70-летию со дня рождения д-ра фил. наук Е.С. Ред. Калинин В. Донецк: Юго-Восток: 111–117.*
- Кудрявцева Людмила. *Язык города: общий сленг*. (online) <http://russian.kiev.ua/material.php?id=9000598> (доступ 04.06.2019).
- Ларин Борис. 1977а. *К лингвистической характеристике города (несколько предпосылок)*. В: *История русского языка и общее языкознание*. Москва: Просвещение: 189–199.
- Ларин Борис. 1977б. *О лингвистическом изучении города*. В: *История русского языка и общее языкознание*. Москва: Просвещение: 175–189.
- Мовна Маріанна. 2013. *Словник львівської говірки першої третини ХХ століття*. Львів: Наукове товариство ім. Шевченка.
- Селіванова Олена. 2008. *Сучасна лінгвістика: напрями та проблеми*. Полтава: Довкілля-К.
- Скворцов Лев. 1977. *Литературная норма и просторечие*. Москва: Наука.
- Степанов Юрий. 1997. *Константы: Словарь Русской Культуры*. Москва: Языки русской культуры.
- Хмелевский Михаил. 2019. *Роль процесса актуализации ориентализмов в формировании современного сараевского городского койне*. «Slavica Wratislaviensia» nr 169: 109–120.
- Юнаковская Алла. *Социальная дифференциация языка*. (online) http://www.univer.omsk.su/trudy/fil_ezh/n2/unakov.html (доступ 25.04.2019).

REFERENCES

- Bukalov Aleksej. 2019. *Obšij sleng i gorodskoe prostorečie: problema differenciacii* [Common slang and urban prostorechie: the problem of differentiation] Available at: <http://eKhSUIR.kspu.edu/handle/123456789/181> (Accessed 26 December 2019). (In Russ.)
- Dvorník Petr, Kopřiva Pavel. 2013. *Velký slovník hantecu*. Brno, FT Records. (In Czech)
- Dyzak Andrzej. 2015. *Gwara miejska bydgoszczan*. Bydgoszcz, Wydawnictwo Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego. (In Polish)
- Elistratov Vladimir. 1997. *Азык старой Москвы. Лингвоэнциклопедический словарь* [The language of old Moscow. Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Russkie slovari. (In Russ.)

- Głogowska Anna. 2017. *Rosyjski język pospolity (nproctopечue) w kontekście tłumaczenia na język polski*. "Komunikacja Specjalistyczna" no 13, pp. 189–206. (In Polish)
- Gruchmanowa Monika, Witaszek-Samborska Małgorzata. 1986. *Mowa mieszkańców Poznania*. Poznań, Wydawnictwo Poznańskie. (In Polish)
- Gruzberg Lúdmila. *Gorodskoe prostorečie* [Urban prostorechie]. Available at: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_13_258 (Accessed 05 June 2019). (In Russ.)
- Hmelevskij Mihail. 2019. *Rol' processa aktualizacii orientalizmov v formirovanii sovremennogo saraevskogo gorodskogo kojne* [The role of the process of updating orientalisms in the formation of the modern Sarajevo urban koine]. "Slavica Wratislaviensia" no 169, pp. 109–120. (In Russ.)
- Jaczeński Eugeniusz. 1938. *Gwara miasta Warszawy*. "Poradnik Językowy" no 9/10, pp. 173–180. (In Polish)
- Juszczak Bartosz. 2017. *Brneński hantec a gwara warszawska (próba porównania)*. In: *Język w regionie. Region w języku*. Eds Osowski B., Michalska-Górecka P. Poznań, Poznańskie Studia Polonistyczne, pp. 141–154. (In Polish)
- Juszczak Bartosz. 2020. *O dwóch podejściach do badań dialektów miejskich w Polsce i Czechach*. "Slavica Wratislaviensia" no 171, pp. 89–99. (In Polish)
- Kapanadze Lamara. 1984. *Sovremennoe gorodskoe prostorečie i literaturnyj ázyk* [Modern urban prostorechie and literary language]. In: *Gorodskoe prostorečie. Problemy izučeniá* [Urban prostorechie. Problems of Study]. Eds Zemská E., Šmelev D. Moscow, Nauka, pp. 5–12. (In Russ.)
- Kitajgorodská Margarita. *Raznovidnosti moskovskoj reči: Ázyk Moskvy – ávlenie mnogoobraznoe i lingvističeski neodnorodnoe* [Varieties of Moscow speech: The language of Moscow – a diverse and linguistically heterogeneous phenomenon]. Available at: <https://xn--elakbokk.com/kultura-rechi-stilistika/raznovidnosti-moskovskoj-rechi-50118.html> (Accessed 10 May 2019). (In Russ.)
- Knáz'kova Galina. 1974. *Russkoe prostorečie vtoroj poloviny XVIII v.* [Russian prostorechie in the second half of the XVIII century]. Leningrad, Izdatel'stvo Nauka. (In Russ.)
- Kolesov Vladimir. 1991. *Ázyk Goroda* [Language of the City]. Moscow, Vysšáá škola. (In Russ.)
- Krčmová Marie. 1981. *Běžně mluvený jazyk v Brně*. Brno, Univerzita J.E. Purkyně. (In Czech)
- Kućała Marian. 1992. *Gwara miejska*. In: *Encyklopedia języka polskiego*. Ed. Urbańczyk S. Wrocław–Warsaw–Cracow, Ossolineum, p. 105. (In Polish)
- Kudrâvceva Lúdmila. 2001. *Russkoe gorodskoe prostorečie* [Russian urban prostorechie]: *Kiev – 2000*. "Rusistika" no 1, pp. 5–9. (In Russ.)
- Kudrâvceva, Lúdmila. 2002. *Formirovanie obšego slenga vrusskom ázyke i otráženie ètogo processa v SMI* [The formation of common slang in the Russian language and the reflection of this process in the media]. In: *V prostranstve filologii: K 70-letiušo dnâ roždeniâ d-ra fil. nauk E.S. Otina* [In the space of philology: On the occasion of the 70th birthday of Dr. Phil. sciences E.S Otins]. Ed. Kalinkin V. Donetsk, Ūgo-Vostok, pp. 111–117. (In Russ.)
- Kudrâvceva Lúdmila. *Ázyk goroda: obšij sleng* [Language of the city: common slang]. Available at: <http://russian.kiev.ua/material.php?id=9000598> (Accessed 04 July 2019). (In Russ.)
- Kurzowa Zofia. 2006. *Polszczyzna Lwowa i kresów południowo-wschodnich do 1939 roku*. Cracow, Universitas. (In Polish)
- Larin Boris. 1977a. *K lingvističeskoj harakteristike goroda (neskol'ko predposylok)* [To the linguistic characteristics of the city (several prerequisites)]. In: *Istoriá russkogo ázyka i obšee ázykoznanie* [History of the Russian language and general linguistics]. Moscow, Prosvešenie, pp. 189–199. (In Russ.)
- Larin Boris. 1977b. *O lingvističeskom izučenií goroda* [On the linguistic study of the city]. In: *Istoriá russkogo ázyka i obšee ázykoznanie* [History of the Russian language and general linguistics]. Moscow, Prosvešenie, pp. 175–189. (In Russ.)
- Movna Marianna. 2013. *Slovník l'viv's'koj govírki peršoï tretini XX stolittá* [Vocabulary of the Lviv govírka of the first third of the XX century]. Lviv, Naukove tovaristvo imeni Ševčenko. (In Ukr.)

- Nováček Otakar. 1929. *Brněnská plotna*. Brno, Edice ON svazek I. (In Czech)
- Selivanova Olena. 2008. *Sučasna lingvistika: naprámi ta problem* [Modern Linguistics: Directions and Problems]. Poltava, Dovkillá-K. (In Ukr.)
- Skvorcov Lev. 1977. *Literaturnaâ norma i prostorečie* [Literary norm and prostorechie]. Moscow, Nauka. (In Russ.)
- Slovník nespisovné češtiny*. 2009. Ed. Hugo J. Prague, Maxdorf s.r.o. (In Czech)
- Słownik gwary miejskiej Poznania*. 1999. Eds Gruchmanowa M., Walczak B. Warsaw–Poznań, Wydawnictwo Naukowe PWN. (In Polish)
- Stepanov Ůrij. 1997. *Konstanty: Slovar' Russkoj Kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow, Źyky russoj kul'tury. (In Russ.)
- Ůnakovskaâ Alla. *Social'naâ diferenciaciâ Źyka* [Social differentiation of language]. Available at: http://www.univer.omsk.su/trudy/fil_ezh/n2/unakov.html (Accessed April 2019). (In Russ.)
- Vojlova Klavdiâa. 2009. *Istoriâ i sovremennoe sostoânie funkcional'nogo polâ russkogo prostorečii* [History and current state of the functional field of the Russian prostorechie]. In: *Sistema Źyka i Źykovoe myslenie* [Language system and language thinking]. Ed. Kirov E. Moscow, Librokom, pp. 272–278. (In Russ.)
- Wieczorkiewicz Bronisław. 1966. *Słownik gwary warszawskiej XIX wieku*. Warsaw, PWN. (In Polish)
- Wieczorkiewicz, Bronisław. 1974. *Gwara warszawska dawniej i dziś*. Warsaw, PWN. (In Polish)
- Witaszek-Samborska Małgorzata, Piotrowicz Anna. 2018. *Słownictwo gwary miejskiej Poznania w ujęciu tematycznym*. Poznań, Wydawnictwo Nauka i Innowacje. (In Polish)
- Žuravlev Anatolij. 2003. *Prostorečie* [Protorechie]. In: *Ėnciklopediâ russkij Źyk* [Encyclopedia Russian language]. Ed. Ganieva T. Moscow, Naučnoe izdatel'stvo Bol'shaâ Rossijskaâ ėnciklopediâ, pp. 390–391. (In Russ.)

DOI: <https://doi.org/10.31648/apr.5390>

Дата подачи статьи: 28 ноября 2019 г.

Дата принятия к печати: 8 марта 2020 г.

КЛИПОВЫЕ МЕМНЫЕ ТЕКСТЫ. ЧАСТЬ 1. ИКОНОИДНЫЕ ТЕКСТЫ

Olga Makarowska

Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Polska

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3687-7993>

E-mail: filin@amu.edu.pl

Аннотация: В данной статье рассматривается клиповый иконоидный текст как один из новых видов текстов, создаваемых и функционирующих в Интернете. Основными составляющими иконоидных текстов являются мемы. Подчеркивается, что интерес к исследованию мемов велик, но при этом мемы и мемосфера слабо изучены. Указывается, что ученые приписывают интернет-мемам черты мемов, которые выделил Ричард Докинз в своей книге *Эгоистичный ген* (1976), но многие интернет-мемы ими не обладают. При уточнении понятия *интернет-мем* учитывается ряд особенностей мемов. Например, что мемы используются не только в виртуальной, но и реальной действительности; что мемы могут создаваться не основе шаблона и без него; что мемами могут являться картинки, слова, знаки и т.д.; что мемы могут содержать другие мемы, а также могут быть анимированными. Представляется общая типология интернет-мемов. В соответствии с ней мемы разделяются на визуальные, аудиальные и аудиовизуальные. Приводится также классификация мемов с визуальной и вербальной частью, которые получают названия *иконоид* и *текстон* соответственно. Введение этих понятий необходимо для точного описания главных компонентов мемов. Ранее Катажина Марак обращала внимание на то, что отсутствует лексика для точного описания мемов. Обращается внимание на основные функции клипового иконоидного текста, т.е. релаксационную, интерактивную и когнитивную. Выделяются общие и отличительные признаки клипового иконоидного текста и музыкального видеоклипа. В работе раскрывается механизм создания иконоидных текстов, выявляются их особенности и описываются главные признаки.

Ключевые слова: интернет-мем, клиповый мемный текст, иконоид, текстон, клиповый иконоидный текст

Submitted on November 28, 2019

Accepted on March 8, 2020

MEME CLIP TEXTS. PART I. ICONOID TEXTS

Olga Makarowska

Adam Mickiewicz University in Poznań, Poland

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3687-7993>E-mail: filin@amu.edu.pl

Abstract: The article discusses iconoid text as one of the new types of texts created and functioning on the Internet. Since the main components of iconoid texts are memes, the concept of an Internet meme is clarified. It is emphasized that the interest in the study of memes is immense, but at the same time, memes and the memosphere are understudied. It is pointed out that scientists attribute to Internet memes the features of memes that Richard Dawkins highlighted in his book *The Selfish Gene* (1976), but many Internet memes do not bear those traits. When clarifying the concept of an Internet meme, several features of memes are taken into account. For example, that memes are used not only in virtual reality, but also in real life; that memes can be created with and without a template; that memes can be pictures, words, signs, etc.; that memes can contain other memes, and can also be animated. The presented general typology of Internet memes divides them into visual, audio and audio-visual categories. A classification of memes with a visual and a verbal part, which are called the iconoid and the texton, is presented. The introduction of these concepts is vital for an accurate description of the main components of memes. Earlier, Katarzyna Marak emphasized the fact that there is no vocabulary for the exact description of memes. The main functions of the clip iconic text, i.e. relaxing, interactive and cognitive are accentuated. The general and distinguishing features of the clip iconoid text and music video clip are highlighted. The work reveals the mechanism for creating iconoid texts and identifies their specifics and describes their main characteristics.

Keywords: Internet-Meme, meme clip text, iconoid, texton, clip iconoid text

Введение. Если результатом визуального поворота в культуре признается расширение видеосферы [Bartmiński, Niebrzegowska-Bartmińska 2009, 71]¹, то одним из многих эффектов его сочетания с цифровым поворотом в рамках

¹ Ранее на это обращает внимание Джованни Сартори [Sartori 2007].

развивающейся культуры участия² можно считать становление интернет-ной мемосферы. Среди интернет-мемов, ее минимальных единиц, которые отличаются разнообразием жанровых форм, особое место занимают мемы, включающие вербальный и изображенческий (рисунок, фото, коллаж и др.) компоненты.

Несмотря на возрастающий интерес лингвистов к мемам этого типа, они мало исследованы, впрочем, как и мемосфера в целом. Работы, посвященные им, характеризует отсутствие «точной лексики, с помощью которой можно было бы их описать» [Marak 2013, 133]. Не исследован ряд мемных жанров (аудиомемы, гифы, аудиовидеомемы, лолдоги и пр.), не разработана общепринятая типология интернет-мемов и их классификация. Отмечается разногласия относительно определения мемов как текста с изображенческой частью, называемых *гибридными*, *мультимедийными*, *креолизованными*, *поликодовыми* и пр. Кроме того, дефинирование понятия *интернет-мем* проводится с опорой на биологическую концепцию мема, предложенную этологом и биологом Ричардом Докинзом. Однако некоторые факторы, касающиеся части главных признаков³ мемов, раскрывают необходимость пересмотра существующих дефиниций.

Рассматривая мемы в качестве креолизованных текстов [Щурина, online], ученые обычно сосредотачиваются лишь на видах связи между их разнокодовыми компонентами. Соответствие мемов критериям текстуальности, многожанровость вербальной части, своеобразие содержания и пр. особенности почти не изучены (ввиду издательских ограничений эти вопросы в работе не поднимаются). Незатронутой остается и интерактивность мемов, позволяющая не только обмениваться ими в Сети или размещать вне ее, но и с помощью их организовывать текстовое пространство, пользуясь словами Ольги Васильевны Лутовиновой [Лутовинова, online], что лежит в основе образования клипового иконоидного текста (КИТ). Итак, *цель настоящей статьи* – выявить специфику КИТ как нового вида текста. Основные *задачи* – уточнить понятие *интернет-мем*; установить общую типологию мемов и классификацию мемов с изображенческой и вербальной частями; объяснить

² Понятие *культура участия* указывает на расширение поля «активного участия в культуре, понимаемого (...) как создание текстов» [Maryl 2016, 16]. Считается, что формирование культуры участия произошло во многом благодаря цифровому повороту [Kudlińska 2016, 111]. Здесь и далее перевод наш. – О.М.

³ Имеются в виду признаки, называемые общими для интернетных и докинзовских мемов: предмет мема, вирусность, способность мутировать, реплицируемость [Sroka 2014, 34–36].

понятия *текстон* и *иконоид*; выявить общие признаки видеоклипов и КИТ; рассмотреть характеристики КИТ.

Методы их решения – анализ и описание⁴ в рамках лингвистики текста. **Исследуемый материал** – клиповые мемные тексты⁵ из иконоидных мемов, часто с доминирующим концептом, заимствованным из японской культуры. Цель избрания таких доминант-концептов – ограничить объем КИТ, т.к. многие тексты состоят из впечатляющего количества мемов⁶, что препятствует их анализу в рамках одной статьи. Более того, инокультурная контрастность этих концептов призвана ярче высветить специфику КИТ. Дата последнего обращения к интернет-источникам, указанным в работе, та же – 30.06.2019.

Определение понятия интернет-мем. Ввиду отсутствия теории интернет-мемов, ученые ссылаются на работы приверженцев меметики и ее основателя, автора слова *мем*, Р. Докинза [Sroka 2014, 34]. В его трактовке мем – единица «передачи культурного наследия или (...) имитации», культурный ген, выполняющий в процессе культурной эволюции человека ту же роль, что и человеческие гены [Докинз, online]. Будучи «психическими вирусами» (репликаторами, по Р. Докинзу), мемы мутируют из-за ошибки, допущенной в ходе копирования [Броуди 2007, 16, 70]. Репликация и мутация, необходимые условия эволюции [Броуди 2007, 82], признаются главными свойствами интернет-мема⁷. Многие же мемы (напр., выложенные на <http://risovach.ru/mem-generators>, rusdemotivator.ru, kotomatrix.ru) ими не обладают, ибо бурный количественный прирост ограничивает возможность распространения, изменения⁸ и воспроизведения за пределами сайта их создания/первого размещения.

Мемы чаще всего трактуются лингвистами как информационные единицы, хотя есть мемы, передающие только эмоции (фейсы), лишённые эмотивного начала (эдвайсы), а также лишённые и эмотивного и смыслового начал (напр., гиф в виде падающих шаров, <https://gifer.com/ru/9tLK>).

⁴ Методология исследования интернет-мемов и КИТ еще не разработана.

⁵ **Клиповый текст** – состоящий из моно- или полижанровых, небольших по объему (целиком воспринимающихся одним взглядом) самостоятельных, как законченных, так и незавершенных в смысловом плане текстовых фрагментов, объединенных общей тематикой или доминирующим концептом. **Клиповый мемный текст** – состоящий из моножанровых интернет-мемов, объединенных общей тематикой или доминирующим концептом.

⁶ Например поисковик сайта *Котоматрица.ру* выдает 50 820 мемов со словом *кот* (<http://kotomatrix.ru/search.php?q=кот>).

⁷ Эти свойства (мутация реже) указываются в ряде дефиниций интернет-мема, правда, в другой терминологии, см., напр., [Кронгауз 2016, 200].

⁸ Мутирование мемов, точнее, их вербальной части, иногда встречается на сайтах с мегогенераторами, см., напр., <http://risovach.ru/kartinka/10940136>.

При определении мемов не всегда учитывается, что: а) отдельные мемы используются в реальной действительности, напр., Омская птица как печать на кружках, футболках и пр.; б) мемы создаются на основе шаблона (эдвайсы, макросы и др.) или без него (котоматрицы); в) мемом служат сами шаблонные изображения (фейсы), фразы, слова, набор букв (*ъеъ; ьпрь рьп*), знаки (322, эмодзи В); г) мемы могут содержать другие мемы, напр., фотожабы со Ждуном, котоматрицы с мемом *ржунимагу*; д) мемы могут быть анимированы.

С учетом сказанного предлагается такое объяснение понятия **интернет-мем**: это дигитальная (не)шаблонная единица, созданная с помощью звуковых, вербальных, изображенческих, анимационных средств или их комбинация, (не) несущая смысловую и/или эмотивную нагрузку, способная вбирать другие мемы, тиражироваться, в т.ч. в реальной действительности.

Общая типология мемов и классификация визуальных. Не вдаваясь в детали⁹, отметим, что из-за многоаспектности, политематичности и разнообразия воплощенческих форм сложно разработать единую типологию мемов. Исходя из специфики восприятия, все мемы разделяем на аудиовизуальные, визуальные и аудиальные. **Визуальные** – на статичные (макросы, фейсы, лолкоты и пр.), динамичные (гифы) и статично-динамичные (напр., демотиваторы с гифами, <https://demotions.ru/tags/gif>). **Статичные** мемы делим на *изображенческие* (фейсы, фотожабы, в т.ч. с невербальными мемами, существа типа Орехуса, Ктулху, люди, персонажи, напр., девочка с мыльными пузырями, удивленный Пикачу и др.); *вербальные* (ОМГ, Чи да?), знаковые (2К17, (° □ °) (— — —), 100500); *вербально-изображенческие*, т.е. комиксы и иконоидные мемы. К последним, из которых и образуются КИТ, относим котоматрицы, аткрытки, (де)мотиваторы, эдвайсы, лолкоты, макросы и под. Для облегчения описания основных составляющих иконоидных мемов вводим понятия *иконоид* и *текстон*.

Определение понятий иконоид и текстон. Итак, *иконоид* – цветная/однотонная изображенческая часть мема прямоугольной формы, могущая иметь постоянные и/или дополнительные (не)вербальные элементы, спецэффекты¹⁰. В качестве иконоида выступают фото, любые изображения, в т.ч. полученные с помощью графического редактора, комиксы, коллажи, тексты или их комбинации. Полагаем, что слово *иконоидный* снимает вопрос выбора прилагательного для обозначения вербально-изображенческих некомиксных мемов.

⁹ На тему типологий мемов см. [Зиновьева, online].

¹⁰ Имеются в виду мерцающие элементы, горящее пламя свечей, падающие снежинки и пр.

Слово *текстон*¹¹ заимствовано из работ Валерии Евгеньевны Чернявской, называющей им отдельные текстовые блоки как составляющие гипертекста [Чернявская 2014, 24]. В нашей, узкой, трактовке *текстон* – текстовая часть иконоидных мемов (надпись/подпись) любого объема (от буквы¹² до нескольких предложений), (не)образующая с иконоидом смысловое единство, отсутствующее при нулевой смысловой связи между ними.

Основные функции КИТ – *релаксационная*, т.к. тексты предназначены для чтения на досуге; *интерактивная*, означающая взаимодействие между человеком и машиной; *когнитивная*, ибо КИТ, как носитель смыслов, позволяет познать нешаблонные взгляды авторов мемов на фрагменты действительности.

Общие и различные признаки КИТ и музыкальных видеоклипов. В семантике прилагательного *клиповый* (от англ. *clip* – клип, зажим, скрепка, обрезать, подрезать, прикалывать [Słownik angielsko-polski 1999, 78]) объединяются противоположные значения – разделяющее и скрепляющее. Скрепление разрозненного характерно для формальной стороны и музыкальных видеоклипов, и КИТ. Дело в том, что первые смонтированы из последовательно размещенных отдельных кадров; вторые сложены из самостоятельных мемов. Видеороликам и КИТ присущ ряд общих признаков, иначе нюансированных ввиду их принадлежности к разным жанрам. Представим их в таблице 1.

Признаки, отличающие КИТ от видеороликов, во многом обусловлены спецификой возникновения¹³. Клипы складываются в процессе целенаправленной деятельности человека и являют собой результат отбора авторами конкретных фрагментов из всего отснятого материала. КИТ – эффект целевого поиска мемов на специализированных сайтах или через поисковую систему типа *yandex.ru*, инициированного пользователем, но реализованного компьютером.

Механизм создания КИТ есть соединение действий человека и работы механизма поисковой системы: интернет-пользователь задает поисковый запрос в виде текстового фрагмента, на что реагирует поисковик, выдавая ссылки на сайты с мемами или готовый КИТ (на специализированных сайтах).

¹¹ Лексема *текстон* был избран потому, что в лингвистике текста *текстоидом* иногда называются нетексты [Vater 2009, 21].

¹² Пример текстона, состоящего из одной буквы: *a* (мем с котобородой, причем кот с открытой пастью, на которой размещена буква «а»), <http://kotomatrix.ru/show/1711189/>).

¹³ Другие различия: а) средства воплощения КИТ – *визуальные* (иконаид, графические знаки или зафиксированные с их помощью языковые единицы), а музыкальных клипов – *аудиовизуальные* (звучащие музыка и слова, видеоряд); б) авторы мемов – непрофессионалы, видеоклипов – (не)профессионалы; в) снятые видеоролики обычно не изменяются, КИТ способен модифицироваться в содержательном плане ввиду размещения/снятия мемов и исчезать вообще.

Таблица 1

Воплощение общих признаков в музыкальном видеоклипе
и клиповом иконоидном тексте

	ОБЩИЕ ПРИЗНАКИ	МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВИДЕОКЛИП	КЛИПОВЫЙ ИКОНОИДНЫЙ ТЕКСТ
1	сочетание двух постоянных элементов	жанровая принадлежность словесно-музыкальной части (песня) и действие	жанровая принадлежность мемов (демотиватор, аткрытка, эдвайс и др.) и доминант-концепт
2	объединение разных фрагментов в единое целое	соединение отдельных кадров	соединение отдельных мемов
3	разнообразии	разнообразие сменяющихся кадров	разнообразное содержание текстов даже при повторяющихся иконоидах
4	невозможность пересказать содержание	+	+
5	объединение негомогенных частей:	вербальной, музыкальной, движенческой, визуальной (видеоряд) частей	вербальной и невербальной (иконид, визуальные элементы, начиная от особенностей шрифта и заканчивая спецэффектами) частей
6	возможность просмотра (при размещении в Сети) и чтения с любого фрагмента	+	+
7	фрактальность	повторяемость перечисленных признаков в каждом клипе	повторяемость перечисленных признаков в каждом КИТ

Источник: собственная разработка

Следствием создания КИТ компьютерной системой является попадание в него лишнего материала, который предлагаем трактовать как своеобразную «опечатку». К нему относятся: 1) мемы другого жанра, но с тем же доминант-концептом, напр., демотиватор *Котэ сумоист* в КИТ из котоматриц с доминант-концептом *сумоист*, <http://kotomatrix.ru/search.php?q=сумоист>; 2) мемы того же жанра, но с доминант-концептом, выраженным омонимом любой разновидности или омоформой¹⁴; 3) мемы того же самого жанра, но с антонимическим доминант-концептом, напр., КИТ из эдвайсов с доминант-концептом *Филологическая Дева* содержит эдвайсы *Нетипичная Филологическая Дева* и *Филологический Мужик* (<https://yandex.ru/images>

¹⁴ Примером служат КИТ на сайте Котоматрица.ру, где на запрос: а) *карате* появилось 356 мемов, среди которых почти половина содержит лексему *карат*, <http://kotomatrix.ru/search.php?q=карате>; б) *мука* – 427 мемов с омографами *мука* и *мука*, <http://kotomatrix.ru/search.php?q=мука>.

/search?text=филологическая%20дева%20мем&stypе=image&lг=10477&source=wiz); 4) (не)мемный материал, (не)отвечающий заданной тематике, напр., фото, неиконодные мемы, рисунки, рекламы и пр.

Конечно, КИТ может не сложиться из-за отсутствия мемов нужного жанра с запрашиваемым концептом (см. *Тоторо* на <http://atkritka.com>) и по другим, техническим, причинам, а также появиться позже.

Структуру КИТ, лишенную гиперссылок, образуют иконоидные мемы, расположенные в один (kotomatrix.ru) или несколько рядов (<http://atkritka.com>) на одной и более веб-страницах. Непостоянное количество мемов¹⁵ обуславливает особенности формальных границ КИТ. Так, если у видеоролика они совпадают с его началом и концом, то у КИТ они условно очерчиваются первым и последним мемом, которые при повторном запросе могут не появиться/переместиться. При клиповом же чтении КИТ каждый мем – потенциальное начало и завершение.

Условные границы КИТ фиксируются, а содержание не меняется лишь при копировании. Такая копия может оказаться единственной, если КИТ был удален из Сети, или одной из версий, появляющихся во время очередных запросов.

Содержание КИТ разных жанров с общим доминант-концептом разнится (ср. тексты с именем Хаяо Миядзаки на <http://rusdemotivator.ru> и на <http://kotomatrix.ru/search.php?q=миядзаки>), или частично совпадает, ср. КИТ с именем *Хатико* на <http://rusdemotivator.ru> и на <http://kotomatrix.ru/search.php?q=хатико>. Причина кроется в обращении авторов текстов к тем же самым источникам, напр., к анекдоту про кошку, похожую на Хатико (<https://nekdo.ru/animals/9/>).

Изменение языковой формы доминант-концепта равнозначно появлению разных КИТ, чье содержание: а) отличается, ср. КИТ со словами *сакэ* и *саке* на <http://atkritka.com>; б) отчасти сходится, т.к. каждый КИТ включает те же самые мемы, выданные поисковиком, ср. тексты с лексемами *сакэ* и *саке* на <http://kotomatrix.ru/search.php?q=sake> и на <http://kotomatrix.ru/search.php?q=sakэ>.

Для содержания любого КИТ характерны непредсказуемость, отсутствие нарративности, замысла, сюжета, темы, черт смысловых начала и завершенности.

¹⁵ Полагаем, что для образования КИТ достаточно двух мемов. Дело в том, что при чтении КИТ применяется не традиционное, а клиповое чтение. В целом оно являет собой «выхватывание слов и фраз из контекста» [Яковлева, online], а по отношению к КИТ – выхватывание отдельных мемов. По-нашему, 2 мема дают возможность такого чтения. Однако оставляем вопрос открытым.

Признаки КИТ, присущие им наряду с указанными выше: а) интерактивность как текстообразующий фактор, осуществляемая на линии *человек (автор мемов) – машина – человек (инициатор создания КИТ, читатель)*; б) доступность каждому пользователю в любое время; в) нелинейность КИТ при плоскостном (без гиперссылок) размещении мемов; г) полиавторность и анонимность; д) разная степень креативности в мемах; е) концептивность, т.е. наличие понятийного/эмотивного доминант-концепта; ж) отсутствие стилового единства и полижанровость текстов; з) эмотивность, т.е. активизация эмоций, чувств, вызывание определенного настроения, состояния.

Наличие персонажей (ведущих/постоянных) в КИТ определяется жанровой принадлежностью¹⁶ мемов. От их лица ставятся вопросы, представляются размышления о мире, даются советы, демонстрируется отношение к самому себе и окружению (людям, животным), комментируются факты действительности и сами герои мемов, т.е. внешность, поведение, характер и т.п.

Существуют однопersonажные КИТ, напр., тексты из эдвайсов *Типичная бабушка*, *Раптор-философ*, и многоперсонажные, напр., КИТ из 100 котоматриц с доминант-концептом *сакура*, где главный персонаж – кот, но есть еще пес, белка, гусь, хомяк и японские макаки <http://kotomatrix.ru/search.php?q=сакура&offset=0>).

Текстонам КИТ присуще *жанровое* (текстоны написаны в разнообразных жанрах), *лексическое* (употребление любой лексики от бранных слов до научных терминов) и *стилевое* (использование всех стилей от научного до разговорного) разнообразие. Поэтому в КИТ, особенно объемных, находим жанрово-лексико-стилевую мозаику. В тексты попадают мемы с текстонами внежанровыми, т.е. состоящие из одного или нескольких слов, не являющихся предложением/репликой (*Котюнинг* – на капоте автомобиля спят 6 котов, <http://kotomatrix.ru/show/1715986/>); и с текстонами без лексики, напр., $2*2=10$ (на фото две собачки смотрят на 10 щенков, <http://kotomatrix.ru/show/1717604/>; см. также сноску 11).

В некоторых КИТ преобладает конкретный тип дискурса, базирующийся на соответствии языковых и стилистических средств определенному жанру¹⁷. Например, в котоматричном КИТ с доминант-концептом *Фудзи* раскрывается поэтический дискурс (<http://kotomatrix.ru/search.php?q=фудзи>), заданный цитированием хайку (*Ползи, улитка, по склону Фудзи // Вверх, до самых*

¹⁶ Персонажи наличествуют в эдвайсах, лолдогах, любых звероматрицах и др., но отсутствуют в (де)мотиваторах, аткрытках.

¹⁷ Жанры – «устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы не высказываний, а текстов» [Федосюк 1997, 104].

Высот! – неполная версия хайку Кобаяси Иссы в переводе В. Марковой, на фото улитка), стилизаций под него почти всех¹⁸ мемов типа *Белую стала земля, // Фудзи укрылась снегами... // Дома спит старый Котэ*. (на фото прищурившийся котик).

При попытке применения к КИТ признаков текстуальности Вольфганга Дресслера и Роберта-Алена де Богранда [Beaugrande, Dressler 1990, 20–31]¹⁹, оказалось, что КИТ им не соответствуют. Например, «опирающаяся на грамматической зависимости» *когезия* [Beaugrande, Dressler 1990, 20] отсутствует не только между мемами (самостоятельными текстами) КИТ, но и в отдельных текстонах, состоящих из одной буквы или лексем²⁰.

Когеренция, фундирующаяся «на смысловой непрерывности» [Beaugrande, Dressler 1990, 119], на уровне всего текста заменяется доминант-концептом²¹, выполняющим в КИТ роль сквозной смысловой скрепы, или его сочетанием с повторяющимся иконоидом (см. http://risovach.ru/memy/somnieniya_1584641/all).

Любой КИТ по сути своей многоинтенционален, что детерминировано его полиавторностью. То есть *интенциональность*, «охватывающая намерения авторов текстов» [Beaugrande, Dressler 1990, 152], проступает только в текстонах, причем не всегда четко. Например, текстон *Революция котов!* в сочетании с иконоидом²² воспринимается, скорее, как надпись ради надписи.

Восприимчивость текста есть «настроенность получателя на восприятие связного и когерентного текста» [Beaugrande, Dressler 1990, 26]. Однако КИТ, предположительно, не осознается реципиентами как нечто целостное, поэтому, с одной стороны, общая настроенность на КИТ может совпадать с настроенностью реципиента на мемы. С другой, прерывание чтения КИТ в любой момент, правдоподобно, не отражается на восприятии текста.

¹⁸ Один текстон есть стилизация под былинку *И взошел Василий-сан на вершину Фудзи, // и подумал: «Е-моё, как же я обратно спускаться буду?!*, <http://kotomatrix.ru/show/1117944/>.

¹⁹ Несмотря на критику критериев текстуальности, напр., [Vater 2009, 34–66], они используются при характеристике новых типов текстов, скажем, гипертекстов [Maciejewski 2009, 42–59]. Из-за множества интерпретаций терминов, обозначающих эти признаки, придерживаемся их трактовки В. Дресслером и Р.-А. де Бограндом [Beaugrande, Dressler 1990, 20–31].

²⁰ Пример текстона, состоящего из одной лексемы: *Сакура?* (на фото кот среди цветов сакуры, <http://kotomatrix.ru/show/943232/>).

²¹ В некоторых случаях доминант-концептом в КИТ является иконоид, задающий определенное тематическое поле, напр., эдвайс Филологическая Дева – высмеивание (псевдо)филологов и гуманитариев (см., напр., <https://noota.livejournal.com/87370.html>).

²² На снимке спиной к объективу в ряд сидят одинакового окраса два игрушечных кота и один живой, который смотрит на плюшевых собратьев, <http://kotomatrix.ru/show/1716369/>.

Учитывая же особенности клипового чтения (подробнее см. [Яковлева, online]), важно отметить высокую степень отбора читаемого материала – чтение одних, чем-то привлечших к себе внимание, мемов и пропуск других. Восприятие КИТ происходит без установки на запоминание и, как следствие, без активизации долговременной памяти. Акцептабельность текста снижается с ростом количества его составляющих: скорее всего, КИТ из 13 мемов с доминант-концептом *Фудзи* (<http://kotomatrix.ru/search.php?q=фудзи>) будет воспринят более позитивно и прочитан (почти) полностью, чем текст из 14675 мемов с доминант-концептом *кошка* (<http://kotomatrix.ru/search.php?q=кошка>).

Информативность того же самого текста, т.е. степень его новизны или неожиданности [Beaugrande, Dressler 1990, 186], для каждого реципиента может быть разная. Кроме того, для читателя информативными могут оказаться лишь некоторые мемы, а не КИТ в целом, что касается и текстов, складывающихся из 2–3 мемов. Полагаем также, что информативность повышается с увеличением количества мемов в КИТ, ибо находится в определенной зависимости от разнородности иконоидов и/или оригинальности текстонов.

Ситуативность (совокупность факторов, обуславливающих соответствие текста ситуации, в которой он появляется [Beaugrande, Dressler 1990, 29]) задается интернет-пользователем – КИТ складывается исключительно по его инициативе.

Если говорить об **интертекстуальности**, то данный термин не применим ни к мемам, ни к КИТ, поскольку «охватывает зависимость создания и восприятия данного текста от знания (...) других текстов» [Beaugrande, Dressler 1990, 239]. Содержание же многих иконоидов и текстонов отсылает не только к текстам, но и к другим фактам действительности (рассматриваемым как культурные источники), начиная от исторических и заканчивая бытовыми. Поэтому ранее нами было предложено использовать понятие **редирективности**, означающее «смысловую отсылку к другим культурным (смысловым) источникам»²³ [Макаровска 2017, 179]. Приведение в надписях мемов текстов или их фрагментов без креативной модификации суть цитирование, а не редирективность, поэтому текстон *ты кто??? // конь // а где пальто???* (на фото «разговаривают» собака и конь, <http://kotomatrix.ru/show/988397/>) редирективный. Текстон же *Ты кто? // Конь в пальто!!!* (на снимке конь в попоне, <http://kotomatrix.ru/show/306252/>) – цитата²⁴.

²³ О редирективности подробнее см. [Макаровска 2017, 176–189].

²⁴ Первый текстон есть распространенный мини-диалог (*вопрос, завершающийся словом кто, – ироничный ответ на него*); второй – полный ироничный ответ на вопрос «Кто?». Диалог и ответ часто встречаются в разговорной речи.

Конечно, редирективность выступает не во всех мемах, поэтому она чаще появляется в многомемных КИТ.

Таким образом, *клиповый иконоидный текст* – новый вид текста, инициированный интернет-пользователем, но выданный компьютером; способный изменяться, исчезать и появляться вновь; состоящий из моножанровых интернет-мемов, объединенных доминирующим концептом. Ведущим свойством КИТ является неоднородность, обусловленная разноплановостью, многоаспектностью и разным качественным уровнем его составляющих.

Конечно, ряд вопросов, связанных со спецификой КИТ не был затронут. Поэтому предстоит рассмотреть: его разновидности; реализацию в КИТ принципа гомофонического полиобразия; вопросы референтности и потенциальной симулякрности КИТ; особенности его культурного потенциала; своеобразие языкового пласта текстонов, в т.ч. языковые инновации, и многое другое. Необходимым представляется пересмотр критериев текстуальности и самого понятия *текст* в свете появления текстов нового вида, а также сопоставление КИТ с ними, т.е. с гипертекстами и клиповыми (не)художественными текстами.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Броуди Ричард. 2007. *Психические вирусы*. Москва: Поколение.
- Докинз Ричард. 1993. *Эгоистичный ген*. (online) http://transyoga.ru/assets/files/books/okolo_psihologia/dokinz_egoGen.pdf (доступ 30.06.2019).
- Зиновьева Надежда Андреевна. 2015. *Воздействие мемов на Интернет-пользователей: типология Интернет-мемов*. (online) <https://cyberleninka.ru/article/n/vozdeystvie-memov-na-internet-polzovateley-tipologiya-inter-net-memov> (доступ 30.06.2019).
- Лутовинова Ольга Васильевна. 2009. *Гипертекст: понятие, основные характеристики, возможные подходы к лингвистическому анализу*. (online) <https://cyberleninka.ru/article/n/gipertekst-ponyatie-osnovnye-harakteristiki-vozmozhnye-podhody-k-lingvisticheskomu-analizu> (доступ 30.06.2019).
- Макаровска Ольга. 2017. *Редирективность котоматричных текстов*. «Žmogus Kalbos Erdvėje» № 9: 176–189.
- Словарь языка интернета.ру*. 2016. Ред. Кронгауз М.А. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА.
- Федосюк Михаил Юрьевич. 1997. *Нерешенные вопросы теории речевых жанров*. «Вопросы языкознания» № 5: 102–120.
- Чернявская Валерия Евгеньевна. 2014. *Лингвистика текста. Лингвистика дискурса*. Москва: Флинта.
- Шурина Юлия Васильевна. 2012. *Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации*. (online) <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-memy-kak-fenomen-internet-kommunikatsii> (доступ 30.06.2019).
- Яковлева Анна Михайловна. 2014. *Клиповое чтение: текст как изображение-симулякр*. (online) <https://elibrary.ru/item.asp?id=28914617> (доступ 30.06.2019).

- Bartmiński Jerzy, Niebrzegowska-Bartmińska Stanisława. 2009. *Tekstologia*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- De Beaugrande Robert-Alain, Dressler Wolfgang Ulrich. 1990. *Wstęp do lingwistyki tekstu*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Kudlińska Halina. 2016. *Demotywor jako nowy gatunek dyskursu 2.0*. W: *Teksty – kultury – uczestnictwa*. Red. Dąbrówka A., Maryl M., Wójtowicz A. Warszawa: Centrum Humanistyki Cyfrowej IBL PAN: 111–139.
- Maciejewski Marcin. 2009. *Gatunki hipertekstu w perspektywie tekstologicznej*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM.
- Marak Katarzyna. 2013. *Mem internetowy. Informacja i transformacja w sieci*. W: *Netlor. Wiedza cyfrowych tubylców*. Red. Grochowski P. Toruń: Wydawnictwo Naukowe UMK: 133–164.
- Maryl Maciej. 2016. *Teksty – kultury – uczestnictwa*. W: *Teksty – kultury – uczestnictwa*. Red. Dąbrówka A., Maryl M., Wójtowicz A. Warszawa: Centrum Humanistyki Cyfrowej IBL PAN: 9–20.
- Sartori, Giovanni. 2007. *Homo videns. Telewizja i postmyślenie*. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego.
- Słownik angielsko-polski*. 1999. Red. Fisiak J. Warszawa: Graf-Punkt.
- Sroka Jakub. 2014. *Obrazkowe memy internetowe*. Warszawa: CeDeWu.
- Vater Heinz. 2009. *Wstęp do lingwistyki tekstu. Struktura i rozumienie tekstów*. Wrocław: Oficyna Wydawnicza ATUT – Wrocławskie Wydawnictwo Oświatowe.

REFERENCES

- Âkovleva Anna Mihajlovna. 2014. *Klipovoe čtenie: tekst kak izobraženie-simulâkr* [Clip reading: text as simulated image]. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28914617> (Accessed 30 June 2019). (In Russ.)
- Bartmiński Jerzy, Niebrzegowska-Bartmińska Stanisława. 2009. *Tekstologia*. Warsaw, Wydawnictwo Naukowe PWN. (In Polish)
- Broudi Ričard. 2007. *Psihičeskie virusy* [Virus of the Mind] Moscow, Pokolenie. Publ. (In Russ.).
- Černâvskaâ Valeriâ Evgen'evna. 2014. *Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa* [Text linguistics. Linguistics Discourse] Moscow, Flinta. Publ. (In Russ.)
- De Beaugrande Robert-Alain, Dressler Wolfgang Ulrich. 1990. *Wstęp do lingwistyki tekstu*. Warszawa, Państwowe Wydawnictwo Naukowe. (In Polish)
- Dokinz Ričard. 1993. *Ėgoističnyj gen* [The Selfish Gene]. Available at: http://transyoga.ru/assets/files/books/okolo_psihologia/dokinz_egoGen.pdf (Accessed 30 June 2019). (In Russ.)
- Fedosûk Mihail Ūr'evič. 1997. *Nerešennye voprosy teorii rečevykh žanrov* [Unsolved problems of the theory of speech genres]. “Voprosy ŗzykoznaniâ” no 5, pp. 102–120. (In Russ.)
- Kudlińska Halina. 2016. *Demotywor jako nowy gatunek dyskursu 2.0*. In: *Teksty – kultury – uczestnictwa*. Eds Dąbrówka A., Maryl M., Wójtowicz A. Warsaw, Centrum Humanistyki Cyfrowej IBL PAN, pp. 111–139. (In Polish)
- Lutovinova Ol'ga Vasil'evna. 2009. *Gipertekst: ponâtie, osnovnye harakteristiki, vozmožnye podhody k lingvističeskomu analizu* [Hypertext: its concept, general characteristics and possible approaches to linguistic analysis]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/gipertekst-ponyatie-osnovnye-harakteristiki-vozmozhnye-podhody-k-lingvisticheskomu-analizu> (Accessed 30 June 2019). (In Russ.)
- Maciejewski Marcin. 2009. *Gatunki hipertekstu w perspektywie tekstologicznej*. Poznań, Wydawnictwo Naukowe UAM. (In Polish)
- Makarovska Ol'ga. 2017. *Redirektivnost' kotomatričnykh tekstov* [The Quality of “Redirecting” in Cat Meme Captions]. “Žmogus Kalbos Erdvėje” no 9, pp. 176–189. (In Russ.)

- Marak Katarzyna. 2013. *Mem internetowy. Informacja i transformacja w sieci*. In: *Netlor. Wiedza cyfrowych tubylców*. Ed. Grochowski P. Toruń, Wydawnictwo Naukowe UMK, pp. 133–164. (In Polish)
- Maryl Maciej. 2016. *Teksty – kultury – uczestnictwa*. In: *Teksty – kultury – uczestnictwa*. Eds Dąbrówka A., Maryl M., Wójtowicz A. Warsaw, Centrum Humanistyki Cyfrowej IBL PAN, pp. 9–20. (In Polish)
- Sartori Giovanni. 2007. *Homo videns. Telewizja i postmyślenie*. Warsaw, Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego. (In Polish)
- Slovar' ōzyka interneta.ru* [Dictionary of the Internet.ru language]. 2016. Ed. Krongauz M.A. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ. (In Russ.)
- Słownik angielsko-polski*. 1999. Ed. Fisiak J. Warsaw, Graf-Punkt. (In Polish)
- Sroka Jakub. 2014. *Obrazkowe memy internetowe*. Warsaw, CeDeWu. (In Polish)
- Šurina Ūliā Vasil'evna. 2012. *Internet-memy kak fenomen internet-kommunikatsii* [Internet Meme as a Phenomenon of Internet Communication]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/internet-memy-kak-fenomen-internet-kommunikatsii> (Accessed 30 June 2019). (In Russ.)
- Vater Heinz. 2009. *Wstępn do lingwistyki tekstu. Struktura i rozumienie tekstów*. Wrocław, Oficyna Wydawnicza ATUT – Wrocławskie Wydawnictwo Oświatowe. (In Polish)
- Zinov'eva Nadežda Andreevna. 2015. *Vozdejstvie memov na Internet-pol'zovatelej: tipologiā Internet-memov* [Impact of Memes on Internet Users: Typology of Internet-memes]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozdeystvie-memov-na-internet-polzovateley-tipologiya-internet-memov> (Accessed 30 June 2019). (In Russ.)

DOI: <https://doi.org/10.31648/apr.5391>

Data przesłania artykułu: 20 lutego 2020 r.

Data akceptacji artykułu: 20 marca 2020 r.

FUNKCJONOWANIE ANGIELSKIEGO WYRAŻENIA *GOLDEN PARACHUTE* W JĘZYKU POLSKIM I ROSYJSKIM

Jolanta Miturska-Bojanowska

niezależny badacz, Szczecin, Polska

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5439-2319>

E-mail: jmbnew@wp.pl

Streszczenie: Wraz z przejściem polskiej i rosyjskiej gospodarki na kapitalistyczny model rozwoju gospodarczego w języku polskim i rosyjskim pojawiło się nowe słownictwo odnoszące się do tej sfery, głównie o anglojęzycznej proveniencji. Zasoby leksykalne obu języków wzbogaciły się o kalki frazeologiczne *złoty spadochron (parasol)* i *золотой парашютом*, rozpowszechnione w środowisku ekonomiczno-finansowo-biznesowym. Internacjonalny charakter tego typu reproductów świadczy o globalizacji praw i działań w sferze finansowej. Za sprawą elit symbolicznych (dziennikarzy), wypowiadających się na łamach prasy niespecjalistycznej (ogólnopolskiej), frazeologizmy te znane są także szerokiemu kręgowi odbiorców-niespecjalistów. W polszczyźnie i ruszczyźnie, jak zaświadcza to konteksty w prasie niespecjalistycznej (2019/2020), wyrażenie to zaczyna też funkcjonować w dodatkowym nieekonomicznym (nieterminologicznym) znaczeniu.

Słowa kluczowe: *złoty spadochron (parasol)*, *золотой парашютом*, język polski, język rosyjski, modyfikacje

Submitted on February 20, 2020

Accepted on March 20, 2020

FUNCTIONING OF ENGLISH CALQUE *GOLDEN PARACHUTE* IN POLISH AND RUSSIAN

Jolanta Miturska-Bojanowska

Independent researcher, Szczecin, Poland

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5439-2319>

E-mail: jmbnew@wp.pl

Abstract: With the transition of the socialist economy to the capitalistic model of economic development, new vocabulary related to this field (mainly of English origin) appeared in Polish and Russian. Phraseological calques such as *złoty parasol* (*parasol*) and *золотой парашютом* have spread in lexical resources of both languages, mainly in the economic-financial-business environment. The international nature of these types of expressions demonstrates the globalization of laws and financial activities. Due to symbolic elites (journalists), writing in the non-specialist press, these phraseologies are also known to a wide audience. In Polish and Russian, the expressions also begin to function in an additional, non-economic sense, as attested to in journalistic contexts (2019/2020).

Keywords: *złoty spadochron* (*parasol*), *золотой парашютом*, Polish, Russian, transformations

Jednym z ważniejszych źródeł pomnażania zasobu frazeologicznego współczesnego języka polskiego i rosyjskiego są inne systemy językowe, por. [Pajdzińska 2016, 85], w tym języki obce, w szczególności język angielski, por. [Kłosińska 2016, 20]. Część pożyczek stanowią kalki strukturalne funkcjonujące zarówno w polszczyźnie i ruszczyźnie ogólnej, jak i w ich odmianach środowiskowych, por. *stracić twarz* / *потерять лицо* (← *to lose face*), *niebieska pończocha* / *синий чулок* (← *blue stocking*), *zimna wojna* / *холодная война* (← *cold war*), *prawo dżungli* / *закон джунглей* (← *law of the jungle*), (ekonomia) *pranie [brudnych] pieniędzy* / *отмывание [грязных] денег* (← *money laundering*), (socjologia) *białe kołnierzyki* / *белые воротнички* (← *white collars*), (psychologia) *burza mózgów* / *мозговой шторм* (← *brainstorm*) i inne. Czasami frazeologizmy środowiskowe – pierwotnie zapożyczenia zewnętrzne – stają się w dalszej kolejności źródłem wewnętrznych

pożyczek, które początkowo są obecne w języku elit symbolicznych, zaś finalnie utrwalają się nie tylko w polszczyźnie, lecz także w ruszczyźnie ogólnej¹.

W naszej ocenie podobną drogę w języku polskim i rosyjskim przechodzi angielska kalka *golden parachute* – termin z dziedziny ekonomii w znaczeniu ‘klauzula w umowie o pracę dla osób na kierowniczych stanowiskach określająca warunki finansowe w przypadku zwolnienia; także: sama rekompensata’². Zdaniem ekonomisty Czesława Mesjasza „(...) termin «złoty spadochron» wprowadzony został do nadzoru korporacyjnego z polityki, gdzie oznaczał rekompensatę za pozbycie się polityka” [Mesjasz 2010, 371].

W polszczyźnie wyrażenie zyskało postać frazeologizmu (z alternatywnym członem rzeczownikowym) *złoty spadochron (parasol)*, zaś w ruszczyźnie – *золотой парашют*³. W obu językach, jak poświadczają rejestry słownikowe, np. [Biznes 2007, 201; Пономарев 1996, 11] oraz specjalistyczna prasa o tematyce ekonomicznej i prawnej, konstrukcje te funkcjonują w żargonie ekonomiczno-finansowo-

¹ Zdaniem Katarzyny Kłosińskiej obecne w polszczyźnie wyrażenia *poprawność polityczna* (ang. *political correctness*), *mowa nienawiści* (ang. *hate speech*), *szklany sufit* (ang. *glass ceiling*) przeszły następującą drogę: środowiskowa odmiana języka angielskiego → angielski język ogólny i publicystyczny / środowiskowe odmiany polszczyzny → polszczyzna elit symbolicznych → polszczyzna ogólna [Kłosińska 2016, 33].

² Por. deskrypcję ‘a large payment made to someone who has an important job with a company when person is forced to leave their job’ [Cambridge Dictionary, online].

³ Warto nadmienić, iż w obu językach w żargonie ekonomicznym funkcjonują i inne kalki frazeologiczne z komponentem *spadochron/parasol* i *парашют*, w sposób metaforyczny określające wysokość rekompensat finansowych dla zwalnianych w firmie pracowników różnego szczebla: *srebrny spadochron (parasol) / серебряный парашют* (ang. *silver parachute*), *platynowy spadochron / платиновый парашют* (ang. *platinum parachute*), *cynowy spadochron / жестяной парашют* (ang. *tin parachute*), *ołowiany parashют*. Por. „Poza **złotymi spadochronami** strony mogą proponować swoim pracownikom tzw. **srebrne spadochrony (srebrne parasole)**. Nie są one przeznaczone dla członków zarządu a raczej dla wysokiej kadry menadżerskiej” [Legun, online], „В зависимости от уровня сотрудника и размера выплат различают **«золотые»**, **«серебряные»** и **«жестяные» «парашюты»**. Первые предназначаются для руководителей, вторые – для менеджеров среднего звена, третьи – для ведущих специалистов и младшего менеджмента” [*Золотой парашют*, online], tytuły prasowe (online): *Золотые, серебряные и оловянные парашюты*, „*Золотой*”, *хотя нет – „бриллиантовый парашют”* (wyróż. J.M.B.). Z uwagi na to, iż wspomniane wyrażenia znajdują zastosowanie jedynie w dyskursie biznesowym, są poza obszarem naszych dalszych rozważań. W uzupełnieniu należy nadmienić, iż w Federacji Rosyjskiej system różnego rodzaju lukratywnych rekompensat finansowych związanych z utratą dotychczasowego miejsca pracy, nie tylko wśród wysoko wykwalifikowanych menadżerów, rozciągnięto i na inne bardziej lub mniej wyeksponowane stanowiska – gubernatora, posła, urzędnika etc. Wypłaty te, jak co jakiś czas donoszą dziennikarze, są zróżnicowane kwotowo i zależą od hierarchii zawodowej, a ich beneficjenci, jak np. w obwodzie rostowskim, zyskują odpowiednio miano *платиновый губернатор*, *золотые министры и депутаты*, *бронзовые чиновники* [*Золотой парашют или...*, online].

-biznesowym w znaczeniu tożsamym jak w języku-dawcy⁴. Powyższe wyrażenie ma swoje odpowiedniki w licznych językach, np. duńskim *gyldent håndtryk*, francuskim *parachute doré*, hiszpańskim *paracaídas de oro (dorado) / contrato blindado*, niderlandzkim *gouden handdruk*, niemieckim *goldener Fallschirm*, norweskim *gyllen fallskjerm*, fińskim *kultainen laskuvarjo*, czeskim *zlatý padák*, bułgarskim *златен парашут* i innych. Termin ten powstał w 1961 roku w Stanach Zjednoczonych i dotyczył warunków zawartych w umowie pomiędzy menadżerem Charlesem C. Tillinghastem Jr. a firmą *Trans World Airlines* (stojącą wówczas na granicy bankructwa). Chcąc zminimalizować ryzyko przejścia kandydata na to miejsce pracy, niezależnie od osiągniętego przez niego rezultatu w firmie, zagwarantowano mu lukratywną premię przy zwolnieniu [Suddath, online]. W wielu korporacjach na początku lat 80. w związku ze wzrostem liczby przejęć i fuzji rozpowszechniła się praktyka stosowania w kontraktach zapisów o *złoty spadochronach*⁵. Pierwsze zapisy z taką klauzulą w rosyjskich umowach przypadają na tzw. *нулевые годы* (dziesięciolecie od 2000 do 2009 roku) [Лысенко 2016, 39; *Золотой парашют нпу...*, online]. Jednak sam termin znany jest w Federacji Rosyjskiej, przynajmniej

⁴ Analogicznie omawiany termin definiują rosyjskie opracowania leksykograficzne, por. ‘компенсация, выплачиваемая высшему руководству акционерного общества в случае слияния. Руководство АО может использовать золотые парашюты в качестве противодействия враждебному поглощению. При этом в документы, регламентирующие деятельность АО, вносятся изменения, которые предусматривают для руководства АО крупные компенсации, высокие выходные пособия и т.п. в случае их увольнения новым владельцем общества’ [*Бизнес-словарь*, online].

⁵ Taka klauzula w kontrakcie jest jedną z odmian tzw. *zatrutych pigulek* (ang. *poison pill*). Umowy te zazwyczaj przewidują konieczność wypłaty przez spółkę wysokich odpraw pieniężnych. Zdaniem Magdaleny Bieleni-Grajewskiej podobne znaczenie ma wyrażenie *złoty but*: „W tym wypadku pakiety akcji lub gratyfikacja finansowa mają zachęcić pracowników (szczególnie starszych), by przeszli na emeryturę. But może być postrzegany jako element «wypychający» ich z rynku pracy” [Bieleni-Grajewska 2015, 64].

Należy ponadto wspomnieć, że na obu obszarach językowych w żargonie ekonomicznym istnieje cała gama kalk frazeologicznych z komponentem *złoty*, mających swój źródłosłów w języku angielskim, a służących w większości wypadków do opisywania osób, narzędzi finansowych oraz strategii związanych z zarządzaniem zasobami ludzkimi, m.in. *złota akcja / золотая акция* (ang. *golden share*) ‘akcja sprywatyzowanej firmy, dzięki której rząd może przeszkodzić jej przejęciu przez niepożądanego inwestora’, *złote „cześć” (pozdrowienie) / золотое приветствие* (ang. *golden hello*) ‘ryczałtowa suma wypłacana hojną ręką jako zachęta dla cennych, nowo zatrudnianych pracowników’, *złote kajdanki / золотые наручники* (ang. *golden handcuffs*) ‘umowa o pracę przykuwająca menedżera do firmy i zniechęcająca go do jej opuszczania, np. dzięki programowi udziału w zyskach zakładającemu wypłacenie należnych kwot dopiero po kilku latach’, *złoty uścisk dłoni / „золотое рукопожатие”* (ang. *golden handshake*) ‘hojna końcowa wypłata dla pracownika odchodzącego na emeryturę lub zwalnianego z powodu redukcji zatrudnienia’ i in. Więcej na ten temat [Bieleni-Grajewska 2015, 64–66; Ignatowicz-Skowrońska 2016, 175–180; *Экономический словарь*, online].

w dyskursie biznesowym, już w latach 90. ubiegłego wieku. Świadczą o tym chociażby pierwsze rejestracje słownikowe, por. [Пономарев 1996, 11].

W naszych badaniach skoncentrujemy się na funkcjonowaniu angielskiej kalki w języku polskim i rosyjskim poza dyskursem ekonomicznym. W dotychczasowych opracowaniach językoznawczych brakuje takich analiz. Spróbujemy prześledzić, jakim modyfikacjom podlega wyrażenie przy przekształcaniu się z zapożyczenia zewnętrznego w wewnętrzne oraz czy owe zmiany przebiegają w obu językach równolegle. Materiał ilustracyjny wyekscerpowano ze źródeł internetowych: korpusów językowych (NKJP, НКРЯ) oraz różnorodnych materiałów prasowych w wersji online i literatury ekonomicznej. Teksty prasowe pochodzą zarówno z periodyków o tematyce ekonomicznej i prawniczej, jak i z prasy niespecjalistycznej (o treści ogólnej). W zebranych cytacjach (kilkadziesiąt przykładów) zdecydowanie dominują użycia *stricte* ekonomiczne.

Z tytułowymi wyrażeniami w znaczeniu kanonicznym najczęściej spotkamy się w prasie i literaturze specjalistycznej o tematyce ekonomicznej, traktującej o wypłacaniu rekompensat kadrze kierowniczej w przypadku utraty przez nią zatrudnienia. Oto kilka przykładów takich użyć:

- (1) Do ustawy ratunkowej dodano następnie powiększenie ze 100 tysięcy do 250 tysięcy dolarów puli ubezpieczenia depozytów bankowych z kasy federalnej, limit na płace i odprawy szefów wielkich banków – co ma zapobiec „**złotym spadochronom**” dla chciwych i nieodpowiedzialnych bankierów – oraz przedłużenie obowiązywania rozmaitych ulg podatkowych, łącznej wartości 110 miliardów dolarów, dla przedsiębiorstw, co powinno stymulować wzrost gospodarczy [za NKJP: *USA...*, online]⁶.
- (2) Zjawisko tzw. „**złotych parasoli**” – mimo wspomnianego powyżej zakazu konkurencji obowiązującego menedżerów podpisujących kontrakty na zarządzanie, taka forma nawiązywania stosunku pracy jest w Polsce bardzo popularna, chociażby właśnie ze względu na to, iż wierność firmie jest premiowana bardzo wysokimi odprawami, nawet do wysokości 36-krotności pensji menedżera [za NKJP: *Stawicka*, online].

Podobne przykłady użycia wyrażenia w znaczeniu terminologicznym odnajdujemy w rosyjskiej prasie ekonomicznej:

- (3) Если менеджер эффективный, то он становится обладателем более дорогого пакета акций. „**Золотой парашют**” – дополнительный способ повышения лояльности. Владельцы компаний надеялись, что такие методы заставят наемных работников ориентироваться на долгосрочную перспективу [za НКРЯ: *Пальшин*, online].

⁶ Wyróż. J.M.B.

- (4) В России практика выдачи компенсаций вида „**золотой парашют**” началась формироваться сравнительно недавно – во второй половине „нулевых” годов. Причем наряду с менеджерами коммерческих предприятий они стали выплачиваться руководителям компаний с государственным участием и чиновникам различных уровней – от федерального до муниципального. Размер выплат в отдельных случаях достигал десятков и даже сотен миллионов рублей, т.к. на тот момент никаких законодательных ограничений размера „**парашютов**” не существовало [„*Золотой парашют*” для..., online].

Tematyka gospodarcza, która jest domeną prasy branżowej, poruszana jest także w mediach adresowanych do szerokiego kręgu odbiorców⁷. Często tą oto drogą za sprawą elit symbolicznych (dziennikarzy) leksyka znana dotychczas jedynie specjalistom w dziedzinie ekonomii upowszechnia się w dyskursie publicznym, a tym samym poszerza zasoby leksykalne wykształconych użytkowników zarówno języka polskiego, jak i rosyjskiego. W prasie ogólnej omawiane jednostki nieciągle świadomie są poddawane przez dziennikarzy przekształceniom. Wyrażenie, w zależności od kontekstu, może nabierać nowych odcieni znaczeniowych. Neologizacji mogą towarzyszyć modyfikacje strukturalne. W tekstach tematycznie odległych od sfery ekonomicznej angielska kalka stopniowo ulega determinologizacji.

Tego typu zmodyfikowane pod względem znaczeniowym i strukturalnym wyrażenia odnajdziemy w tekstach prasowych traktujących o wysokości świadczeń „spadochronowych” oraz kręgu jej beneficjentów. Spetryfikowane frazeologizmy służą autorom przytoczonych cytacji do negatywnej oceny hojnych odpraw w różnorodnych miejscach pracy oraz zdaniem dziennikarzy nadmiernie szerzącej się praktyki ich stosowania, por.

- (5) Wypłacanie gigantycznych odpraw odchodzącym szefom firm jest praktykowane na całym świecie. Największe „**złote spadochrony**” dostają Amerykanie. „**Złote spadochrony**” czy wręcz „**platynowe helikoptery**” – tak określane są wielomilionowe odprawy wypłacane zwyczajowo prezesom wielkich światowych korporacji [Adamczyk, Walewska, online].

⁷ Por. tytuły prasowe: *Złoty spadochron i smycz* [Styczek, online], *Złoty spadochron z Orłenu dla Piotra Kownackiego* [Złoty spadochron z..., online], *Złoty spadochron dla prokuratora od Ziobry. Jarosław Holda wrócił w stan spoczynku w wieku 46 lat* [Złoty spadochron dla..., online], *Media: Były szef Boeinga bez „złotego spadochronu”* [Media..., online], „*Złoty spadochron*” od ministra skarbu, czyli 7 mln odprawy dla kumpli Tuska [„Złoty spadochron” od..., online], „*Złoty parasol*” nie zadziała. Potężna odprawa przejdzie byłemu prezesowi koło nosa [„Złoty parasol”..., online] oraz nagłówki w rosyjskich środkach masowego przekazu: *Что такое „золотой парашют”?* [Трегубова, oline], *Чиновников мэрии Омска опять не лишили „золотых парашютов”* [Молчанская, online], *Во Франции „золотой парашют” ограничат 30% от зарплаты* [Во Франции..., online].

- (6) „Теперь уже неважно какой долг, 28 млрд или 100 [о губернаторе Чакасји]. Суть одна, а пожить последние два года можно на широкую ногу и скроить себе **золотой парашют с платиновыми вышивками**” [Соколов, online]⁸.

Innowacje rozwijające „*złote spadochrony*” czy wręcz „*platynowe helikoptery*” i *золотой парашют с платиновыми вышивками* nadal są utrzymane w tej samej metaforycznej konwencji co prototypowe wyrażenia.

Kolejne konteksty, wyodrębnione z tekstów polskojęzycznych, ilustrują to, jak znaczenie, a czasami też i forma wyrażenia w określonych sytuacjach komunikacyjnych ulegają innemu rodzaju modyfikacjom. W przytoczonych poniżej przykładach *złoty spadochron* nie oznacza samej rekompensaty, ale ‘korzystne pod względem finansowym przejście z dotychczasowego do nowego miejsca pracy, gwarantujące wyższe apanaże’, por.

- (7) Nawet niektórzy politycy PIS mówią, że ten **złoty parasol** dla Bejdy to spora przesada – teraz może zarabiać ponad milion rocznie [Dąbrowska, online],
- (8) Ale Jacek Ł. narzekać nie może, bo przygotowano dla niego prawdziwy „**złoty spadochron**”. Po odejściu z kontrwywiadu, trafił do Polskiego Holdingu Obronnego. Został tam szefem biura bezpieczeństwa, gdzie także może liczyć na comiesięczne wynagrodzenie w wysokości kilkunastu tysięcy złotych [Deprocki, online].

Inne wyimki są ilustracją tego, jak frazeologizm zyskuje znaczenie ‘rodzaj (finansowego) zabezpieczenia, nagrody, przyszłej finansowej gratyfikacji’. Przy czym ten nowy odcień znaczeniowy doprecyzowują rozwinięte postaci wyrażen *złoty spadochron* czy *złote zesłanie* oraz *złoty spadochron do Brukseli*:

- (8) Mamy do czynienia z salonem odrzuconych. Wydaje mi się, że przejście części polityków PiS do PE jest pucharem ofiarowanym im na zachętę. Można stwierdzić, że wyjazd do Brukseli to taki **złoty spadochron** czy **złote zesłanie**, na które kierowani są działacze PiS, którzy wypadli z głównej gry politycznej i przegrali swoją pozycję w polskiej polityce [Skibniewska, online].
- (9) Na koniec rozmowy Broniarz odniósł się do decyzji Anny Zalewskiej o kandydowaniu do Parlamentu Europejskiego. Według szefa ZNP Zalewska zerwała „porozumienie z nauczycielami i uczniami” i „nie zasłużyła na **złoty spadochron do Brukseli**” [Broniarz..., online].

⁸ Dziennikarze rosyjscy niejednokrotnie zwracają uwagę na korupcyjny charakter takich wypłat dla wielu pracowników wyższego szczebla, także w firmach państwowych w Federacji Rosyjskiej, stąd wyrażenie *золотой парашют* może być symbolem korupcyjnego charakteru rekompensat.

W przytoczonych wyżej kontekstach semantyka wyrażenia *złoty spadochron* jest bliska frazeologizmowi *parasol ochronny* ‘opieka, zabezpieczenie’. Zdają się to także potwierdzać kolejne przykłady pochodzące zarówno z polskiej, jak i z rosyjskiej prasy. Ilustrują one wyraźne odejście od użyć terminologicznych wyrażenia, przejście ze sfery finansów do treści politycznych, por.

(10) Rafał Chwedoruk zwraca też uwagę, że w zglobalizowanym świecie **złoty spadochron** przestaje przystawać do rzeczywistości. „Dziś żyjemy w świecie zglobalizowanym, wydaje mi się, że perspektywy **złotych spadochronów** będą coraz mniejsze. Sytuacja, w której były dyktator i to jeszcze oskarżony o zbrodnie, wyjeżdża np. do sąsiedniego kraju i tam sobie spokojnie żyje, jest coraz trudniejsza do powtórzenia, choćby ze względu na to, że system westfalski, oparty na suwerenności państw narodowych, jest sukcesywnie ograniczany, a globalizacja jest wielkim ciosem w niego (...)” [Niepytalski, online].

(11) К примеру, бывший лидер Мануэль Антонио Норьега (Manuel Antonio Noriega) пережил два предложения американцев о предоставлении „**ЗОЛОТОГО ПАРАШЮТА**” удерживаясь во власти, пока наконец переговоры не зашли в тупик и США не вмешались военными методами [Беннетт i in., online].

Przytoczone przykłady użyć analizowanych wyrażen *złoty spadochron* (*parasol*) / *золотой парашютом* we współczesnej prasie ogólnej pokazują, iż z zapożyczenia zewnętrznego (profesjolekt) frazeologizm w określonych kontekstach stopniowo przekształca się w obu językach w zapożyczenie wewnętrzne, mając szansę na upowszechnienie się w uzusie. Oba związki wyrazowe lokują się najczęściej w połączeniu z czasownikami *rozpiąć/rozpinać*; *раскрывается*, ale też *npучтеживать*, *скрутить/обеспечить (себе)*. Z uwagi na swój metaforyczny charakter i pojemność znaczeniową chętnie przytaczane są w prasie ogólnej, czasami poddawane transformacjom rozwijającym (*złoty spadochron dla kredytobiorców*⁹, *złoty spadochron do Brukseli*, *złoty spadochron, czyli złote zesłanie*, „*złote spadochrony*” *czy wręcz „platynowe helikoptery*”, *золотой или платиновый парашютом*, *золотой парашютом с платиновыми вышивками*), służącym negatywnemu wartościowaniu. W zależności od potrzeb komunikacyjnych frazeologizm poddawany jest kolejnym przekształceniom semantycznym, którym może towarzyszyć modyfikacja struktury. Stopniowo w nowych odcieniach znaczeniowych zaczyna zanikać typowo ekonomiczny sens ‘rekompensata finansowa dla kadr kierowniczych’. Ewolucja semantyki w obu językach nie przebiega w sposób symetryczny. Jak wynika z analizy zebranych tekstów tylko w języku polskim wyrażenie *złoty spadochron*

⁹ Por. tytuł prasowy *Złoty frank, złoty spadochron dla kredytobiorców* [Złoty frank..., online].

(*parasol*) zyskuje znaczenia ‘korzystne pod względem finansowym przejście z dotychczasowego do nowego miejsca pracy, gwarantujące wyższe apanaże’ oraz ‘rodzaj (finansowego) zabezpieczenia, nagrody, przyszłej finansowej gratyfikacji’. W kolejnych cytacjach, pochodzących zarówno z prasy polskiej, jak i rosyjskiej, a odnoszących się jedynie do sfery polityki, zauważamy, że sem ‘finanse’ będący elementem składowym terminologicznego wyrażenia, jest nieobecny w zmodyfikowanej pod względem znaczeniowym postaci frazeologizmu, zaś na pierwszy plan wybija się inny ‘osłona, zabezpieczenie’. Omawiana jednostka ulega determinologizacji i staje się bliska znaczeniowo wyrażeniu *parasol ochronny* ‘opieka, zabezpieczenie’. Okazjonalnym transformacjom wyrażen *złoty spadochron* (*parasol*) i *золотой парашют* w tekstach medialnych sprzyja zapewne ich obrazowy charakter i pojemność znaczeniowa. Wydają się to potwierdzać także i inne przypadki przekształcania metaforycznych wyrażen terminologicznych w zależności od bieżących potrzeb komunikacyjnych¹⁰. Dzięki takim modyfikacjom tworzone przez dziennikarzy teksty zyskują na ekspresji i świeżości nowych środków wyrazu.

BIBLIOGRAFIA

- Adamczyk Cezary, Walewska Danuta. 2010. *Kosztowne pożegnania prezesów*. „Rzeczpospolita”, 10 października. (online) <https://archiwum.rp.pl/arttykul/983592-Kosztowne-pozegnania-prezesow.html> (dostęp 8.08.2019).
- Bielenia-Grajewska Magdalena. 2015. *Rola języka symbolicznego w edukacji ekonomicznej na przykładzie nazw metaforycznych wykorzystujących domenę złota*. „Edukacja Ekonomistów i Menadżerów” nr 3 (37): 57–70.
- Biznes*. T. 10: *Słownik pojęć ekonomicznych P–Ż*. 2007. Praca zbior. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Broniarz o strajku nauczycieli: Mam apel dla moich koleżanek i kolegów – nie lękajcie się!* 2019. Portal Gazeta.pl, 5 marca. (online) <http://wiadomosci.gazeta.pl/wiadomosci/7,114884,24517262,broniarz-o-strajku-nauczycieli-mam-apel-dla-moich-kolezannek.html> (dostęp 5.08.2019).
- Cambridge Dictionary*. (online) <https://dictionary.cambridge.org/pl/dictionary/english/golden-parachute> (dostęp 29.07.2019).
- Chlebda Wojciech. 2005. *Szkice o skrzydlatych słowach. Interpretacje lingwistyczne*. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego.
- Dąbrowska Anna. 2020. *Nowi ministrowie i nowi w państwowych spółkach. Karuzela kręci się*. „Polityka”, 17 kwietnia. (online) <https://www.polityka.pl/tygodnikpolityka/kraj/1953108,1,nowi-ministrowie-i-nowi-w-panstwowych-spolkach-karuzela-sie-kreci.read> (dostęp 18.04.2020).
- Deprocki Michał. 2019. *Złoty spadochron bezpieczniaka z SKW*, 3 października. (online) <https://osluzbach.pl/2019/10/03/zloty-spadochron-bezpieczniaka-z-skw/> (dostęp 19.04.2020).
- Ignatowicz-Skowrońska Jolanta. 2016. „Złoty strzał” w tekstach współczesnej polszczyzny. W: *Perspektywy współczesnej frazeologii polskiej. Geneza dawnych i nowych frazeologizmów polskich*. Red. Dziamska-Lenart G., Liberek J. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza: 171–184.

¹⁰ Np. transformacje terminu *czarna dziura* / *черная дыра* (ang. *black hole*). Więcej na ten temat [Chlebda 2005, 89–104, Miturska-Bojanowska 2019, 103–114].

- Kłosińska Katarzyna. 2016. *Skąd się biorą frazeologizmy? Źródła frazeologizmów i mechanizmy frazeotwórcze*. W: *Perspektywy współczesnej frazeologii polskiej. Geneza dawnych i nowych frazeologizmów polskich*. Red. Dziamska-Lenart G., Liberek J. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza: 19–53.
- Legun Joanna. 2018. *Złoty spadochron w umowach menadżerskich*, 4 listopada. (online) <https://jakzrozumiecprawnika.pl/zloty-spadochron-w-umowach-menadzerskich/> (dostęp 4.08.2019).
- Lesicka Olga. 2015. *Anglojęzyczne zapożyczenia terminologiczne w rosyjskich czasopismach ekonomicznych przełomu XX i XXI wieku*. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego.
- Media: *Były szef Boeinga bez „złotego spadochronu”*. 2020. Portal Sputniknew, 20 stycznia. (online) <https://pl.sputniknews.com/swiat/2020011211641589-media-byly-szef-boeinga-zostanie-bez-zlotego-spadochronu-sputnik/> (dostęp 18.04.2020).
- Mesjasz Czesław. 2010. *Instrumenty motywacji naczelnych organów nadzoru i zarządzania w spółkach akcyjnych – metody i instrumenty*. W: *Analiza i projektowanie systemów zarządzania przedsiębiorstwem*. Seria „Encyklopedia Zarządzania”. Red. Stabryła A. Kraków: Mfiles.pl: 353–381.
- Miturska-Bojanowska Jolanta. 2019. *Frazeologizm „czarna dziura” / „черная дыра” w słownikach oraz tekstach współczesnego języka polskiego i rosyjskiego*. „Acta Polono-Ruthenica” XXIV/2: 103–114.
- Narodowy Korpus Języka Polskiego*. (online) <http://nkjp.pl/>
- Niepytalski Michał. 2019. *Twarde czy miękkie? Ładowanie upadających dyktatorów*. Portal Holistic, 31 marca. (online) <https://holistic.news/twarde-czy-miekkie-ladowanie-upadajacych-dyktatorow/> (dostęp 19.04.2020).
- Pajdzińska Anna. 2016. *„Kwadratura koła” i „czarne dziury”, czyli język nauki jako źródło frazeologii*. W: *Perspektywy współczesnej frazeologii polskiej. Geneza dawnych i nowych frazeologizmów polskich*. Red. Dziamska-Lenart G., Liberek J. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza: 85–101.
- Rosińska-Mamej Agnieszka, Połowniak-Wawrzonek Dorota. 2019. *„Nazywam się miś, tłusty miś”, czyli o modyfikacji frazeologizmów we współczesnej prasie*. „Poradnik Językowy” nr 4: 86–97.
- Skibniewska Sandra. 2019. *Jakub Majmurek dla SE: Przejście do PE to złoty spadochron*. „Polityka”, 21 lutego. (online) <https://www.se.pl/wiadomosci/polityka/jakub-majmurek-dla-se-przejscie-do-pe-to-zloty-spadochron-aa-SbVe-8e4P-Y13k.html> (dostęp 27.07.2019).
- Stawicka Magdalena. 2007. *Inwestycje zagraniczne. Jak wejść na polski rynek z obcym kapitałem*. Gliwice: Wydawnictwo Helion.
- Styczek Dariusz. 2005. *Złoty spadochron i smycz*. „Wprost”, 30 grudnia. (online) <https://www.wprost.pl/84458/zloty-spadochron-i-smycz.html> (dostęp 19.11.2019).
- Suddath Claire. *Biggest Golden Parachutes*. Portal Time.com. (online) http://content.time.com/time/specials/packages/article/0,28804,1848501_1848500_1848418,00.html (dostęp 4.08.2019).
- Szczepankowska Irena. 2019. *Internacjonalne kolokacje jako składniki dyskursu kapitalistycznego i ich recepcja we współczesnej polszczyźnie*. „Poradnik Językowy” z. 5: 7–19.
- USA: *Senat uchwalił plan ratunkowy*. 2008. „Gazeta Ubezpieczeniowa”, 2 października. (online) <http://nkjp.pl/poliquarp/nkjp300/query/0/> (dostęp 29.07.2019).
- Złoty frank, złoty spadochron dla kredytobiorców*. 2015. „Nowa Trybuna Opolska”, 21 stycznia. (online) <https://nto.pl/zloty-frank-zloty-spadochron-dla-kredytobiorcow-wideo/ar/4651100> (dostęp 5.08.2019).
- „Złoty parasol” nie zadziała. Potężna odprawa przejdzie byłemu prezesowi koło nosa*. 2019. Portal TVN24bis, 13 lutego. (online) <https://tvn24bis.pl/ze-swiatea,75/renault-anuluje-odprawe-dla-carlosa-ghosna-w-wysokosci-30-mln-euro,909278.html> (dostęp 5.08.2019).
- Złoty spadochron dla prokuratora od Ziobry. Jarosław Hołda wrócił w stan spoczynku w wieku 46 lat*. 2018. „Gazeta Wyborcza”, 16 listopada. (online) <http://wyborcza.pl/7,75398,24173652,zloty-spadochron-dla-prokuratora-od-ziobry-jaroslaw-holda-wrocil.html> (dostęp 27.07.2019).

- „Złoty spadochron” od ministra skarbu, czyli 7 mln odprawy dla kumpli Tuska. 2015. „Niezależna”, 9 kwietnia. (online) <https://niezalezna.pl/53935-zloty-spadochron-od-ministra-skarbu-czyli-prawie-7-mln-zl-odprawy-dla-kumpli-tuska> (dostęp 18.04.2020).
- Złoty spadochron z Orleu dla Piotra Kownackiego. 2008. „Gazeta Wyborcza”, 20 grudnia. (online) http://wyborcza.pl/1,75398,6086095,Zloty_spadochron_z_Orleu_dla_Piotra_Kownackiego.html (dostęp 27.07.2019).
- Беннетт Эндриу, Хей Ария, Крчмарик Дэниэл, Риттер Зак. 2019. *The Washington Post (США): 4 причины, по которым трудно предложить Мадуро «золотой парашют»*, 28 января. (online) <https://inosmi.ru/politic/20190128/244464933.html> (дostęp 04.08.2019).
- Бизнес-словарь. (online) http://www.businessvoc.ru/bv/TermWin.asp?theme=&word_id=13446 (дostęp 16.04.2020).
- Во Франции «золотой парашют» ограничат 30% от зарплаты. 2019. «Аргументы и Факты», 4 апреля. (online) https://aif.ru/money/economy/vo_francii_zolotoy_parashyut_ogranichat_30_ot_zarplaty?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дostęp 12.01.2020).
- «Золотой парашют» для чиновника и бизнесмена в России. (online) <https://spmag.ru/articles/zolotoy-parashyut-pri-uvolnenii-chto-eto> (дostęp 01.08.2019).
- Золотой парашют или как «выживают» пенсионеры-чиновники в Ростовской области. 2018. «Ростов газета», 7 декабря. (online) <https://rostovgazeta.ru/article/general/07-12-2018/zolotoy-parashyut-ili-kak-vyzhivayut-pensionery-chinovniki-v-rostovskoy-oblasti?ind=1> (дostęp 07.08.2019).
- Золотой парашют при увольнении. Что это? «Современный предприниматель». (online) <https://spmag.ru/articles/zolotoy-parashyut-pri-uvolnenii-chto-eto> (дostęp 01.08.2019).
- Золотой парашют. 2017. «Audit-it.ru», 7 ноября. (online) https://www.audit-it.ru/terms/trud/zolotoy_parashyut.html (дostęp 04.08.2019).
- Золотые, серебряные и оловянные парашюты. (online) <http://www.riskm.ru/item/204> (дostęp 16.04.2020).
- «Золотой», хотя нет – «бриллиантовый парашют». 2019. 25 марта. (online) <https://www.liveinternet.ru/users/6377903/post452128187/> (дostęp 10.01.2020).
- Коноваленко Сергей А. 2014. «Золотой парашют»: оценка и учет в соответствии с требованиями международных стандартов финансовой отчетности. «Международный бухгалтерский учет» № 23 (317): 9–14.
- Лысенко Валерия Евгеньева. 2016. Ограничение «золотых парашютов» в контексте обеспечения экономической безопасности России. «IN SITU. Научное периодическое издание» № 6: 39–43.
- Молчанская Дарья. 2014. Чиновников мэрии Омска опять не лишили «золотых парашютов». «Новости. Омск», 29 сентября. (online) <https://bk55.ru/news/article/27782/> (дostęp 08.08.2019).
- Национальный корпус русского языка. (online) <http://www.ruscorpora.ru>
- Пальшин Кирилл. 2009. Золотой десант. «Однако» № 12. (online) www.ruscorpora.ru (дostęp 01.08.2019).
- Пономарев Владимир Тихонович. 1996. *Бизнес-сленг для «новых русских». Словарь-справочник*. Донецк: Сталкер.
- Соколов Влад. 2016. *Скроить бы себе золотой парашют*, 7 ноября. (online) <http://www.19rus.info/index.php/vlast-i-politika/item/57456-obzor-sobytij-v-khakasii-s-31-oktyabrya-po-1-noyabrya-skroit-by-sebe-zolotoy-parashyut> (дostęp 02.08.2019).
- Трегубова Елена. 2013. *Что такое «золотой парашют»?* «Аргументы и Факты», 21 мая. (online) <https://aif.ru/dontknows/1233631> (дostęp 07.08.2019).
- Экономический словарь. (online) <http://endic.ru/economic/> (дostęp 16.04.2020).

REFERENCES

- Adamczyk Cezary, Walewska Danuta. 2010. *Kosztowne pożegnania prezesów*. "Rzeczpospolita", 10 October. Available at: <https://archiwum.rp.pl/arttykul/983592-Kosztowne-pozegnania-prezesow.html> (Accessed 08 August 2019). (In Polish)
- Bennett Andrew, Hagh Ariya, Krcmaric Daniel, Ritter Zacc. 2019. *The Washington Post (SŠA): 4 pričiny, po kotorym trudno predložít' Maduro "zolotoj parašút"* [The Washington Post (USA): 4 reasons why it is difficult to offer Maduro a "golden parachute"], 28 January. Available at: <https://inosmi.ru/politic/20190128/244464933.html> (Accessed 04 August 2019). (In Russ.)
- Bielenia-Grajewska Magdalena. 2015. *Rola języka symbolicznego w edukacji ekonomicznej na przykładzie nazw metaforycznych wykorzystujących domenę złota*. "Edukacja Ekonomistów i Menadżerów" no 3 (37), pp. 57–70. (In Polish)
- Biznes-slovar'* [Business dictionary]. Available at: http://www.businessvoc.ru/bv/TermWin.asp?theme=&word_id=13446 (Accessed 16 April 2020). (In Russ.)
- Biznes*. Vol. 10: *Słownik pojęć ekonomicznych P-Ż*. 2007. Collective publication. Warsaw, Wydawnictwo Naukowe PWN. (In Polish)
- Broniarz o strajku nauczycieli: Mam apel dla moich koleżanek i kolegów – nie lękajcie się!* 2019. Portal Gazeta.pl of, 05 March. Available at: <http://wiadomosci.gazeta.pl/wiadomosci/7,114884,24517262,broniarz-o-strajku-nauczycieli-mam-apel-dla-moich-kolezhanek.html> (Accessed 05 August 2019). (In Polish)
- Cambridge Dictionary*. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/pl/dictionary/english/golden-parachute> (Accessed 29 July 2019). (In English)
- Chlebda Wojciech. 2005. *Szkice o skrzydlatych słowach. Interpretacje lingwistyczne*. Opole, Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego. (In Polish)
- Dąbrowska Anna. *Nowi ministrowie i nowi w państwowych spółkach. Karuzela kręci się*. 2020. "Polityka", 17 April. Available at: <https://www.polityka.pl/tygodnikpolityka/kraj/1953108,1,nowi-ministrowie-i-nowi-w-panstwowych-spolkach-karuzela-sie-kréci.read> (Accessed 18 April 2020). (In Polish)
- Deprocki Michał. 2019. *Złoty spadochron bezpieczniaka z SKW*, 03 October. Available at: <https://osluzbach.pl/2019/10/03/zloty-spadochron-bezpieczniaka-z-skw/> (Accessed 19 April 2020). (In Polish)
- Èkonomičeskij slovar'* [Dictionary of Economics]. Available at: <http://endic.ru/economic/> (Accessed 16 April 2020). (In Russ.)
- Ignatowicz-Skowrońska Jolanta. 2016. "Złoty strzał" w tekstach współczesnej polszczyzny. In: *Perspektywy współczesnej frazeologii polskiej. Geneza dawnych i nowych frazeologizmów polskich*. Eds Dziamska-Lenart G., Liberek J. Poznań, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, pp. 171–184. (In Polish)
- Kłosińska Katarzyna. 2016. *Skąd się biorą frazeologizmy? Źródła frazeologizmów i mechanizmy frazeotwórcze*. In: *Perspektywy współczesnej frazeologii polskiej. Geneza dawnych i nowych frazeologizmów polskich*. Eds Dziamska-Lenart G., Liberek J. Poznań, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, pp. 19–53. (In Polish)
- Konovalenko Sergej A. 2014. "Zolotoj parašút": očenka i učet v sootvetstvii s trebovaniâmi meždunarodnyh standartov finansovoj očetnosti ["Golden parachute": assessment and accounting in accordance with the requirements of international financial reporting standards]. "Meždunarodnyj buhgalterskij učet" no 23 (317), p. 9. (In Russ.)
- Legun Joanna. 2018. *Złoty spadochron w umowach menadżerskich*, 04 November. Available at: <https://jakzrozumiecprawnika.pl/zloty-spadochron-w-umowach-menadzarskich/> (Accessed 04 August 2019). (In Polish)

- Lesicka Olga. 2015. *Anglojęzyczne zapożyczenia terminologiczne w rosyjskich czasopismach ekonomicznych przełomu XX i XXI wieku*. Warsaw, Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego. (In Polish)
- Lysenko Valeriâ Evgen'eva. 2016. *Ograniczenie "złotykh parašutov" v kontekste obespečeniâ êkonomičeskoj bezopasnosti Rossii* [Limitations of Golden Parachutes in the Context of Russia's Economic Security]. "IN SITU. Naučnoe periodičeskoe izdanie" no 6, pp. 39–43. (In Russ.)
- Media: *Były szef Boeinga bez "złotego spadochronu"*. 2020. Portal Sputniknews, 20 January. Available at: <https://pl.sputniknews.com/swiat/2020011211641589-media-byly-szef-boeinga-zostanie-bez-zlotego-spadochronu-sputnik/> (Accessed 18 April 2020). (In Polish)
- Mesjasz Czesław. 2010. *Instrumenty motywacji naczelných organów nadzoru i zarządzania w spółkach akcyjnych – metody i instrumenty*. In: *Analiza i projektowanie systemów zarządzania przedsiębiorstwem*. Series "Encyklopedia Zarządzania". Ed. Stabryła A. Cracow, Mfiles.pl, pp. 353–381. (In Polish)
- Miturska-Bojanowska Jolanta. 2019. *Frazeologizm "czarna dziura" / "черная дыра" w słownikach oraz tekstach współczesnego języka polskiego i rosyjskiego*. "Acta Polono-Ruthenica" XXIV/2, pp. 103–114. (In Polish)
- Molčanskaâ Dar'â. 2014. *Činovnikov mèrii Omska opát' ne lišili "złotykh parašutov"* [Officials of Omsk City Hall again not deprived of "golden parachutes"]. "Novosti. Omsk", 29 September. Available at: <https://bk55.ru/news/article/27782/> (Accessed 08 August 2019). (In Russ.)
- Nacional'nyj korpus russkogo âzyka* [NKRYA – National Corps of the Russian Language]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (In Russ.)
- Narodowy Korpus Języka Polskiego*. Available at: <http://nkjp.pl/> (In Polish)
- Niepytalski Michał. 2019. *Twarde czy miękkie? Lądowanie upadających dyktatorów*. Portal Holistic, 31 March. Available at: <https://holistic.news/twarde-czy-miekkie-ladowanie-upadajacych-dyktatorow/> (Accessed 19 April 2020). (In Polish)
- NKRÂ: Pal'sin Kirill. 2009. *Zolotoj desant* [Gold landing]. "Odnako" no 12. Available at: www.ruscorpora.ru (Accessed 01 August 2019). (In Russ.)
- Pajdzińska Anna. 2016. *"Kwadratura koła" i "czarne dziury", czyli język nauki jako źródło frazeologii*. In: *Perspektywy współczesnej frazeologii polskiej. Geneza dawnych i nowych frazeologizmów polskich*. Eds Dziamska-Lenart G., Liberek J. Poznań, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, pp. 85–101. (In Polish)
- Ponomarev Vladimir Tihonovič. 1996. *Biznes-slang dlâ "novyh russkikh"*. *Slovar'-spravočnik* [Business slang for the "new Russians". Reference dictionary]. Donetsk, Stalker. (In Russ.)
- Rosińska-Mamej Agnieszka, Połowniak-Wawrzonek Dorota. 2019. *"Nazywam się miś, tłusty miś", czyli o modyfikacji frazeologizmów we współczesnej prasie*. "Poradnik Językowy" no 4, pp. 86–97. (In Polish)
- Skibniewska Sandra, *Jakub Majmurek dla SE: Przejście do PE to złoty spadochron*. 2019. "Polityka", 21 February. Available at: <https://www.se.pl/wiadomosci/polityka/jakub-majmurek-dla-se-przejscie-do-pe-to-zloty-spadochron-aa-SbVe-8e4P-Y13k.html> (Accessed 27 July 2019). (In Polish)
- Sokolov Vlad. 2016. *Ckroit' by sebe zolotoj parašut* [Hide yourself a golden parachute], 7 November. Available at: <http://www.19rus.info/index.php/vlast-i-politika/item/57456-obzor-sobytij-v-khakasii-s-31-oktyabrya-po-l-noyabrya-skroit-by-sebe-zolotoj-parashyut> (Accessed 02 August 2019). (In Russ.)
- Stawicka Magdalena. 2007. *Inwestycje zagraniczne. Jak wejść na polski rynek z obcym kapitałem*. Gliwice, Wydawnictwo Helion. Available at: <http://nkjp.pl/> (Accessed 29 July 2019). (In Polish)
- Styczek Dariusz. 2005. *Złoty spadochron i smycz*. "Wprost", 30 December. Available at: <https://www.wprost.pl/84458/zloty-spadochron-i-smycz.html> (Accessed 19 November 2019). (In Polish)

- Suddath Claire. *Biggest Golden Parachutes*. Portal Time.com. Available at: http://content.time.com/time/specials/packages/article/0,28804,1848501_1848500_1848418,00.html (Accessed 04 August 2019). (In English)
- Szczepankowska Irena. 2019. *Internacjonalne kolokacje jako składniki dyskursu kapitalistycznego i ich recepcja we współczesnej polszczyźnie*. "Poradnik Językowy" no 5, pp. 7–19. (In Polish)
- Tregubova Elena. 2013. *Čto takoe "zolotoj parašūt"?* [What is a "golden parachute"?]. "Argumenty i Fakty", 21 May. Available at: <https://aif.ru/dontknows/1233631> (Accessed 07 August 2019). (In Russ.)
- USA: *Senat uchwalił plan ratunkowy*. 2008. "Gazeta Ubezpieczeniowa", 2 October. Available at: <http://nkjp.pl/poliqarp/nkjp300/query/0/> (Accessed 29 July 2019). (In Polish)
- Vo Francii "zolotoj parašūt" ograničat 30% ot zarplaty* [In France, the "golden parachute" will limit 30% of the salary]. 2019. "Argumenty i Fakty", 4 April. Available at: https://aif.ru/money/economy/vo_francii_zolotoy_parashyut_ogranichat_30_ot_zarplaty?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (Accessed 12 January 2020). (In Russ.)
- Złoty frank, złoty spadochron dla kredytobiorców*. 2015. "Nowa Trybuna Opolska", 21 January. Available at: <https://nto.pl/zloty-frank-zloty-spadochron-dla-kredytobiorcow-wideo/ar/4651100> (Accessed 05 August 2019). (In Polish)
- "Złoty parasol" nie zadziała. Potężna odprawa przejdzie bylemu prezesowi koło nosa*. 2019. Portal TVN24bis, 13 February. Available at: <https://tvn24bis.pl/ze-swiata,75/renault-anuluje-odprawe-dla-carlosa-ghosna-w-wysokosci-30-mln-euro,909278.html> (Accessed 05 August 2019). (In Polish)
- Złoty spadochron dla prokuratora od Ziobry. Jarosław Holda wrócił w stan spoczynku w wieku 46 lat*. 2018. "Gazeta Wyborcza", 16 November. Available at: <http://wyborcza.pl/7,75398,24173652,zloty-spadochron-dla-prokuratora-od-ziobry-jaroslaw-holda-wrocil.html> (Accessed 27 July 2019). (In Polish)
- "Złoty spadochron" od ministra skarbu, czyli 7 mln odprawy dla kumpli Tuska*. 2015. "Niezależna", 9 April. Available at: <https://niezalezna.pl/53935-zloty-spadochron-od-ministra-skarbu-czyli-prawie-7-mln-zl-odprawy-dla-kumpli-tuska> (Accessed 18 April 2020). (In Polish)
- Złoty spadochron z Orłenu dla Piotra Kownackiego*. 2008. "Gazeta Wyborcza", 20 December. Available at: http://wyborcza.pl/1,75398,6086095,Zloty_spadochron_z_Orlenu_dla_Piotra_Kownackiego.html (Accessed 27 July 2019). (In Polish)
- "Zolotoj", hotā net – "brilliantovyj parašūt"* ["Golden", although not – "diamond parachute"]. 2019, 25 March. Available at: <https://www.liveinternet.ru/users/6377903/post45212818/> (Accessed 10 January 2020). (In Russ.)
- "Zolotoj parašūt" dlā činovnika i biznesmena v Rossii* ["Golden parachute" for an official and businessman in Russia]. Available at: <https://spmag.ru/articles/zolotoy-parashyut-pri-uvolnenii-chto-eto> (Accessed 01 August 2019). (In Russ.)
- Zolotoj parašūt* [Golden parachute]. 2017. Portal audit-it.ru, 07 November. Available at: https://www.audit-it.ru/terms/trud/zolotoy_parashyut.html (Accessed 04 August 2019). (In Russ.)
- Zolotoj parašūt ili kak "vyživaiūt" pensionery-činovniki v Rostovskoj oblasti* [Golden parachute or how pensioners officials in the Rostov Region "survive"]. 2018. "Rostov gazeta", 07 December. Available at: <https://rostovgazeta.ru/article/general/07-12-2018/zolotoy-parashyut-ili-kak-vyzhivayut-pensionery-chinovniki-v-rostovskoy-oblasti?ind=1> (Accessed 07 August 2019). (In Russ.)
- Zolotoj parašūt pri uvol'nenii. Čto èto?* [Golden parachute upon dismissal. What is it?]. Available at: <https://spmag.ru/articles/zolotoy-parashyut-pri-uvolnenii-chto-eto> (Accessed 01 August 2019). (In Russ.)
- Zoloty, serebrānye i olovānnye parašūty* [Golden, silver and tin parachutes]. Available at: <http://www.riskm.ru/item/204> (Accessed 16 April 2020). (In Russ.)

DOI: <https://doi.org/10.31648/apr.5392>Дата подачи статьи: 10 декабря 2020 г.
Дата принятия к печати: 8 марта 2020 г.

ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ ПОЛЬШИ И РОССИИ В ТЕКСТАХ ОБОЮДНЫХ СМИ

Dmitrii Lukianov

Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Polska

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4534-4806>E-mail: dmiluk@amu.edu.pl

Аннотация: Общеизвестно, что средства массовой информации играют важную роль в создании того или иного языкового образа. В данной статье анализируется, как благодаря языковым средствам создаётся образ России в текстах польской газеты «Газета Выборча» и как аналогичным способом создаётся образ Польши в текстах российской газеты «Новая газета». На основании такого анализа удаётся выявить, какие характеристики русские и поляки приписывают друг другу. Кроме того, анализируется, как поляки и русские воспринимают друг друга с точки зрения политики, экономики, истории и культуры. В работе рассматриваются статьи, которые посвящены польско-российским отношениям на фоне политических, экономических и исторических событий. Анализ польских СМИ показывает, что сквозь призму политических, экономических и исторических событий польско-российские отношения воспринимаются негативно, тогда как на фоне культурных событий польско-российские отношения воспринимаются положительно. Образ Польши, представленный в российской газете «Новая газета», независимо от затрагиваемого аспекта, существенно не отличается.

Ключевые слова: лексема, языковой образ, польско-российские отношения, средства массовой информации, стереотип

Submitted on December 10, 2020

Accepted on March 8, 2020

THE LANGUAGE IMAGE OF POLAND AND RUSSIA IN POLISH AND RUSSIAN MEDIA RESPECTIVELY

Dmitrii Lukianov

Adam Mickiewicz University in Poznań, Poland

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4534-4806>

E-mail: dmiluk@amu.edu.pl

Abstract: It is a well-known fact that mass-media plays an important role in creating the language image of the world. In this article, the author analyses by what linguistic means the image of Russia is created in the texts of the Polish newspaper “Gazeta Wyborcza” and in which way the image of Poland is created in the texts of the Russian newspaper “Novaya Gazeta”. Based on this analysis, the author reveals what main characteristics Poles and Russians attribute to one other. Furthermore, the author explores how Poles and Russians perceive each other in the area of politics, economy, history and culture – aspects which are frequently taken up by the media. Therefore, the author investigates articles which are dedicated to Polish-Russian relations and connected to political, economic and historical events. The analysis of Polish media shows that through the prism of political, economic and historical events, Polish-Russian relations are seen negatively, whereas regarding cultural events, Polish-Russian relations are perceived positively. However, if it comes to the image of Poland presented in the Russian newspaper “Novaya Gazeta” – regardless whether the articles are about politics, economy, history and culture – the image is positive and relatively stable.

Keywords: lexeme, image, Polish-Russian relations, mass-media, stereotype

Польско-российским отношениям посвящено немало исследований в различных научных дисциплинах. Значимая роль отводится данной теме в области истории, политологии и социологии.

Проведённый социологический опрос в 2013 году Центром польско-российского диалога и согласия о польско-российских и российско-польских отношениях показывает, что поляки негативно воспринимают Россию как государство, то же самое касается русских в восприятии Польши [*Польша–Россия. Социологический диагноз...* 2013, 7–23]. В исследовании отмечается, что среди поляков и русских в отношении друг друга доминируют госу-

дарственные и политические ассоциации, в связи с чем преимущественно преобладают отрицательные оценки [*Польша–Россия. Социологический диагноз...* 2013, 7–23].

Как указывает Ежи Бартминьский большую роль в становлении негативного образа россиянина/русского в представлении поляков и поляка в представлении русских сыграли стереотипы [Bartmiński, Lappo, Majer-Baranowska 2007, 263]. Изучение стереотипов позволяет выявить, что в польском языковом сознании русский/россиянин наделяется следующими чертами: отрицательными (пьяница, глупый, ограниченный, примитивный), положительными (открытый, доброжелательный, гостеприимный, весёлый) [Bartmiński, Lappo, Majer-Baranowska 2007, 270]. Однако, так или иначе, при описании образа русского/россиянина обнаруживается больше негативных черт, чем положительных. Об этом в том числе пишут многие польские и российские исследователи. К примеру, Мария Борисовна Ворошилова и Анастасия Георгиевна Дроздецкая выявляют следующие признаки, которые приписываются русским в польском обществе: неудачник, враг, агрессор [Ворошилова, Дроздецкая 2016, 65]. В дополнение к этому, следует заметить, что Мариан Бугайский пишет, что стереотипные представления русских о поляках и поляков о русских образовались в результате взаимных предубеждений, и их формирование является длительным процессом [Bugajski, online].

Стереотип русского/россиянина в польском языке главным образом структурирован негативно. Об этом также свидетельствуют выступающие в языке такого рода коллокации *armia rosyjska, zabór rosyjski, rosyjskie imperium* [Bartmiński, Lappo, Majer-Baranowska 2007, 269]. Однако важно заметить, что образ русского человека в польской языковой картине мира не строится только вокруг отрицательных образов и смыслов. Так, Е. Бартминьский выделяет, что такие выражения, как *literatura rosyjska, balet rosyjski, język, taniec* способны вызывать совершенно другие эмоции среди поляков [Bartmiński, Lappo, Majer-Baranowska 2007, 269]. При использовании таких словосочетаний конструируется другой образ России и русских. И здесь можно предположить, что именно в этом аспекте к России может проявляться доверие вместе с сопутствующими ему понятиями.

Цель данной работы: выявить, как на выбранных текстах «Газеты Выборчей» представлен образ России и как представлен образ Польши на выбранных текстах «Новой газеты».

Для того чтобы показать, как структурируется образ России в Польше и образ Польши в России, необходимо обратиться к рассмотрению современных источников средств массовой информации. В данном случае стоит отметить,

что изучение материалов СМИ значимо. Во-первых, создаваемые ими тексты могут отражать видение определённого образа таким способом, как он на самом деле осмыслен в той или иной языковой картине мира. Во-вторых, материалы публицистики оказывают огромное влияние на формирование общественного мнения, в связи с чем в сознании людей закрепляются уже новые смыслы и создаются представления, которые в дальнейшем могут отпечататься в языковом восприятии действительности.

Данное исследование опирается на методы социолингвистического анализа. Мы выбираем самые затрагиваемые темы в «Газете Выборчей» и «Новой газете», в дальнейшем на основании выбранных текстов сосредотачиваем внимание на смысловых единицах текста. Благодаря использованию той или иной лексемы мы выявляем, какое отношение автор публицистического текста проявляет к описываемым событиям. Авторское отношение также может проявляться с помощью употребления в тексте метафоры, в связи с этим мы также обращаем внимание на использование такого средства выразительности, как метафора. В совокупности данный анализ позволяет определить, какое отношение к тем или иным событиям может сформироваться у читателей данных газет.

Материалом исследования являются тексты «Газеты Выборчей» и «Новой газеты», в которых описываются польско-российские отношения на фоне важнейших исторических, экономико-политических и культурных событий за период 2005–2010 годов. Как показал предварительный анализ текстов данных газет, большое внимание в средствах массовой информации за приведённый период уделяется темам Катюни, а также вводу российского эмбарго на польское сельскохозяйственное производство, достаточно большое место отведено теме кинематографа. На основании представленных материалов мы и рассмотрим, как выстраивается образ России в Польше и образ Польши в России.

Тезис данной статьи заключается в следующем: образ России, представленный в материалах «Газеты Выборчей», меняется в зависимости от затрагиваемого аспекта. Образ Польши в материалах «Новой газеты» не будет существенно отличаться от рассматриваемого аспекта. Такое предположение строится на основании политической ориентации данных газет. Дело в том, что «Новая газета», как и «Газета Выборча» имеет либерально-демократическую направленность, к тому же, она является оппозиционной. Данные газеты имеют подобные ценности и цели, это, в свою очередь, можно проследить на примере того, что многие позиции по определённым политическим и историческим событиям в этих газетах совпадают. Это, в свою очередь,

даёт основание предположить, что касательно вопросов польско-российских отношений в текстах «Новой газеты» будут прослеживаться те же самые идеи, что и в «Газете Выборчей».

Проведенный нами анализ текстов, описывающих польско-российские отношения на фоне ввода эмбарго, позволяет сделать вывод о том, что Россия представлена как страна, ставящая препятствие в отношениях, в связи с этим Россия представлена, как страна, тормозящая развитие.

1. *Szlaban* na polskie mięso.
2. Rosja: *stop* polskiej żywności.
3. Władze Rosji *zablokowały* import mięsa.

Интересно отметить, что при описании российско-польских отношений задействована метафора игры/спорта, это в свою очередь способствует созданию картины двух противников. С помощью слов *grać*, *taktyka*, *ustąpić* присутствует элемент соревнований, в котором Россия является конкурентом, которому не стоит проигрывать, как это показывает пример 9.

7. Warszawa *gra* z Moskwą w Brukseli.
8. Moskwa zdaniem obserwatorów *obrała taktykę* na przeczekanie.
9. Dobrze się stało, że nie *ustąpiliśmy*. Rosyjskie embargo na polską żywność nie miało podstaw weterynaryjnych, co potwierdziły unijne inspekcje.

Из анализируемых ниже примеров эксплицитно выражается информация, что Россия – это страна, которая вводит нестабильность, тревогу, а также ей свойственна неожиданность, причём данная неожиданность оценивается отрицательно. В примере 11 присутствует лексема *grozić*, при помощи которой создаётся образ России как вызывающий тревогу и опасность.

10. To kolejny *niepokojący* sygnał z Moskwy.
11. Rosjanie *grożą*, że wprowadzą embargo na mięso z całej Unii, jeśli Bruksela do końca grudnia «nie stworzy mechanizmu izolowania bułgarskiego i rumuńskiego mięsa» na europejskim rynku.

Как показывает большинство контекстов, ситуация, связанная с вводом эмбарго, оценивается авторами текстов отрицательно. Среди всех примеров находится немного употреблений, описывающих сложившиеся отношения с положительной стороны. Таковым является следующий пример, в котором именно с помощью лексемы *ocieplenie* выражено, что отношения между странами улучшаются.

12. Nasi producenci już *czują ocieplenie* stosunków.

Значение данной лексемы в то же время указывает на то, что для достижения уровня доверительных отношений необходимо приложить усилия, поскольку признаки улучшения только начинают себя проявлять. Кроме того, в предложении 12 содержится глагол *czuć*, благодаря которому становится ясно, что в данном утверждении нет абсолютной уверенности, поскольку значение глагола *czuć* ‘*odbierać wrażenia za pomocą zmysłów*’ [Słownik PWN, online] говорит о том, что информация основывается не на конкретных знаниях, а лишь на ощущениях.

Рассмотрим, как структурируется образ Польши на материалах «Новой газеты». Здесь мы также обнаруживаем обилие лексем, свидетельствующих о том, что польско-российские отношения, с позиции авторов текстов, характеризуются как недружественные. Эта мысль подчёркивается, например, употреблением слова *разногласие* и словосочетания *глубокая деградация*.

13. Председатель Еврокомиссии Жозе Мануэль Баррозу сказал, что Евросоюз приложит усилия, чтобы уладить *разногласия* между Россией и Польшей.

14. Что в состоянии *глубокой деградации* пребывают отношения России с Польшей – самым крупным из «новых» членов ЕС.

Весьма существенным является тот факт, что в «Новой газете» имеется огромное количество материалов, в которых выражается критика в адрес России, а также проявляется недоверие к российской стороне по данному спорному вопросу. О недоверии в частности свидетельствует частица *якобы*, значение которой в словаре Татьяны Фёдоровны Ефремовой выглядит следующим образом: «употребляется при обозначении мнимости, несоответствия действительности; соответствует по значению сл.: *будто бы, как будто*» [Ефремова, online]. Её использование говорит о том, что автор статьи ставит под сомнение аргументы российской стороны.

15. Россия ввела запрет на импорт из Польши мяса и овощей в ноябре 2005 года из-за опасений, что *якобы* часть указанных товаров реэкспортируется польскими предпринимателями из стран, где ветеринарный контроль за качеством продуктов сельского хозяйства не соответствует международным требованиям.

Перейдём к рассмотрению контекстов, описывающих вторую важнейшую проблему российско-польских отношений за период 2005–2010 годы. К ней относится тема Катыни. Исследуя материалы «Газеты Выборчей»,

мы выявляем большое количество лексем, на основании которых можно обозначить следующую смысловую сторону: отношения между странами весьма испорчены, и одной из причин неприятных и негативных отношений являются разногласия по вопросу Катыни. За счёт употребления слов *brzemie*, *utopia* может создаться негативное представление об отношениях Польши и России.

16. To będzie *kolejne brzemie* w stosunkach polsko-rosyjskich.

17. Zdaniem Millera *utopia* jest sądzić, że uda nam się stworzyć wspólną wizję historii.

Обратим внимание на пример 18, в котором, с одной стороны, говорится, что честно рассмотрено дело о Катыни, но, с другой стороны, в данном отрывке выражается мысль, что объективизм российской стороне, как правило, не свойственен, поскольку здесь присутствует междометье *o dziwo*. Согласно словарю польского языка, данное междометье обозначает ‘восклицание, выражающее удивление’ [*Słownik języka polskiego*, online]. Как известно, удивление зачастую появляется при неожиданных событиях, в данном случае таким является факт справедливой оценки истории с российской стороны.

18. Całkowitym milczeniem pomija się represje wobec Polaków na Kresach Wschodnich. Wyjątkiem jest sprawa Katynia – *o dziwo*, bardzo rzetelnie relacjonowana przez historiografię rosyjską, nawet tę konserwatywną.

Интересно заметить, что в одном из примеров автор текста выражает мысль, что Россия – это противоречивая страна, которая не обладает постоянством, поскольку часто меняет своё мнение. Данный смысл вычленяется в предложении 19 с помощью повторяющегося слова *raz*, употребление которого указывает на постоянную изменчивость.

19. Problem Katynia mają Rosjanie, którzy *raz* przyznają się do zbrodni, *raz* mówią, że to sprawa niejednoznaczna, *raz* – że Polaków zamordowali Niemcy.

Рассмотрим ещё два примера, в которых при помощи приёма сравнения выражается отрицательная оценка к России и совершаемых ею действий. В приведённых ниже предложениях Россия сравнивается с насильником и пациентом. Прежде всего, большую роль в конструировании негативного образа играет глагол несовершенного вида *gwałcić*, его употребление указывает на регулярность обозначенного акта. Кроме того, Польша представлена как жертва в данной ситуации, что значительно может усилить воздействие

на получателя информации и укрепить в его сознании сложившееся представление о России как преступнике.

20. Polska oskarżała kraj, który ją *gwałcił*, a Rosja mówiła: «Co? Ja ciebie zgwałciłam?»

Перейдём к рассмотрению примера 21, в котором Россия сравнивается с пациентом. Такое сравнение может формировать представление, согласно которому Россия нездорова и ей нужно исправление, а в пребывающем состоянии с ней не представляется возможным договориться. Данный пример способен сформировать негативное отношение к России, поскольку известно, что болезнь в сознании многих народов имеет отрицательные коннотации. Подтверждением могут служить употребления из «Народного корпуса польского языка», которые в большинстве своём описывают болезнь как нечто негативное: *choroba zabijała innych; choroba jest nieuleczalna; choroba byłaby najgorszym, co mogłoby mnie spotkać* [NKJP, online].

21. Politycy, politolodzy i publicyści rosyjscy powinni z niego korzystać i dyskutować z sąsiadami, używając argumentów, a nie kierując ich do psychiatry, bo stawiają swój kraj w pozycji *pacjenta*, który powinien coś zrobić ze swoją manią wielkości.

Что касается материалов «Новой газеты» по проблеме Катыни, то в них в значительном большинстве преобладают контексты, в которых даётся отрицательная оценка российской стороне. Кроме того, в данных контекстах эксплицитно выражается то, что Катынь – это страшное преступление, совершённое сотрудниками НКВД. На это в свою очередь указывают лексемы *бессудный* и *преступление*, используемые в примерах 22–23. Кроме того, отрицательно оцениваются лица, по чьей инициативе были совершены данные преступления. Как видим, вместо нейтрального слова *сподвижник* используется *приспешник*, то есть употребляется лексема с пейоративным компонентом.

22. С нашей точки зрения, *бессудные* расстрелы военнопленных и гражданских лиц должны быть квалифицированы в соответствии с пунктами «b» и «с» статьи 6 Устава Международного военного трибунала в Нюрнберге – как военное *преступление* и *преступление* против человечности.

23. В значительной степени именно этим объясняется безуспешность попыток реабилитации польских офицеров, *расстрелянных по решению Сталина и его приспешников* из Политбюро.

Следует обратить внимание на примеры 24–25, в которых в целом выражается недоверительное отношение к российским органам, занимающимся расследованием Катынского дела. Например, как мы можем наблюдать, в контексте 24 используется выражение *вопиюще неадекватная оценка*, что несомненно характеризует сложившуюся ситуацию как необъективную. Большую роль играет лексема *засекречивание*, которая подчёркивает непрозрачность данного дела, и это может означать, что с российской стороны скрывается информация, которая является правдивой. По этому поводу в примере 25 проявлено недовольство, поскольку в данном предложении имеется выражение *лишь на словах*, которое отсылает к пословицам «слов много, а дел мало», «не словом, а делом». Данные выражения способны актуализировать в сознании читателей информацию о несоответствиях обещанного и выполненного.

24. Прекращение расследования «Катынского дела», *засекречивание* его материалов, *вопиюще неадекватная правовая оценка*.
25. Вероятно, в том и заключается сверхзадача российского руководства, чтобы не отдавать в Польшу юридически значимые и имеющие доказательную силу документы, а признавать ответственность за Катынское преступление *лишь на словах*.

Заметим, что к концу 2010 года в материалах «Новой газеты» появляются тексты, в которых российско-польские отношения рассматриваются в положительном ключе. Согласно авторам данных примеров, начинает проявляться этап доверия, поскольку использованы лексемы, которые положительно оценивают действительность: *открытость, сближение, восстановление, доверие*. Употребление данных слов способно настроить читателей на конструирование положительного образа российско-польских отношений, в том числе и Польши как страны.

26. *Открытость* окончательного решения послужит *восстановлению доверия* между российским и польским народами. Это очень важно.
27. Есть и другая возможность: что это *сближение народов* может повлиять на *сближение* наших государств в вопросах, связанных с Катынью.

Перейдём к рассмотрению ещё одного аспекта польско-российских отношений. В данном случае речь идёт о восприятии друг друга на фоне событий культуры (кино). При изучении материалов, описывающих данные явления, мы сталкиваемся с совершенно другим видением. В создании образа, способного вызывать положительные эмоции у получателя информации,

играют такие словосочетания, как *tryumf filmów z Rosji, zobacz koniecznie, świetny debiut* и так далее. Кроме того, положительный образ выстраивается за счёт упоминаний в текстах известных российских представителей искусства, к которым в Польше относятся с доверием. Иван Вырыпаев, Владимир Высоцкий, Андрей Звягинцев являются ключевыми фигурами, служащими выстраиванию позитивных эмоций к России/русским.

28. *Tryumf nowych filmów z Rosji*. Od wczoraj w kinach *Euforia* Iwana Wyrypajewa nagrodzona Grand Prix na Warszawskim Festiwalu Filmowym
29. 700 ballad, 30 filmów, burzliwe życie, szybka śmierć. *Włodzimierz Wysocki to dziś ciągle postać kultowa*.
30. *ZOBACZ KONIECZNIE* dramat, reż. *Andriej Zwiagincew*, Rosja 2003.
31. *Świetny debiut rosyjskiego aktora*. *Złodziej* Pawła Czuchraja to bez wątpienia najgłośniejszy film rosyjskiej kinematografii ubiegłej dekady.

Кроме того, к таким личностям можно отнести таких польских представителей, как Анджей Вайда, Кшиштоф Занусси, Барбара Брыльска.

32. Rosja pamięta o urodzinach *Wajdy*.
33. Polskie filmy w Rosji. Rosyjska publiczność obejrzała *Persona non grata Zanussiego...*
34. Za co Rosjanie kochają naszą *Barbarę Brylską?*

Интересными примерами для рассмотрения, на наш взгляд, являются приведённые ниже контексты, поскольку в них, с одной стороны, указывается, что в отношениях России и Польши присутствует огромное количество проблем взаимного восприятия, но, с другой стороны, отмечается, что есть объединяющий фактор, которым является кино.

35. *Poprzez rosyjskie kino można dziś spojrzeć na Rosję inaczej – nie przez pryzmat zaborów i PRL-owskiej półniewoli, ale oczyma samych Rosjan*.
36. *Przywykliśmy, że z Rosji przychodzą do nas niedobre wiadomości. Ta akurat jest dobra – mają znakomite kino*.

Из контекстов, посвящённых описанию культурных событий, главным образом вычленяется информация о том, что в вопросах культуры польско-российские отношения достигают высокого уровня взаимопонимания. Однако, несмотря на этот факт, информация о проблемах, существующих на других уровнях польско-российских отношений, также присутствует. Например, как видим, в примере 37 указывается, что фильм *Катынь* столкнулся с проблемой, связанной с допуском на широкий показ, но, несмотря

на это, фильм пользуется интересом у большого количества населения. Тем самым подчёркивается мысль, что данный фильм служит объединяющим фактором в отношениях.

37. Będzie to pierwszy pokaz *Katynia* w państwowej ogólnokrajowej telewizji rosyjskiej. Wcześniej film Wajdy był pokazywany w polskiej ambasadzie, także Instytut Polski zorganizował pojedyncze pokazy w kinach w Moskwie i kilku innych miastach. Choć cieszyły się one zainteresowaniem, a większość rosyjskich krytyków wypowiadała się o nim bardzo życzliwie, miał problemy ze znalezieniem dystrybutora. Komentatorzy tłumaczyli to niechęcią władzy do rozliczeń ze stalinowską przeszłością oraz obawami firm dystrybucyjnych o wynik finansowy filmu na tamtejszym rynku.

О проблемах, связанных с выходом фильма *Катынь* на российские экраны, пишет и «Новая газета». В материалах данной газеты можно проследить, что по отношению к российской стороне, не допускающей фильм в широкий прокат, выражается негативная реакция. Подтверждающим примером является контекст 38, в котором обозначается, что российская сторона избегает ответственности, поскольку не выходит на контакт.

Что касается остальных материалов «Новой газеты», то здесь в основном обнаруживается, что между странами существует большой уровень взаимопонимания. Символами доверительных отношений также становятся многие известные личности. К ним относятся Кшиштоф Занусси и Анджей Вайда. В материалах, посвященных польскому кинематографу, обращают на себя внимание лексемы *доверие*, *сближение*, поскольку благодаря им создаётся положительное отношение к Польше и её кинематографу.

38. Кто спорит, кинематограф – территория *доверия* и *сближения*. С этой целью энтузиасты «Спутника» организуют «ответный смотр» в Москве «Висла» с демонстрацией новейших польских фильмов. Им хотелось показать москвичам и *Катынь* Анджея Вайды. Но российская фирма, купившая фильм, и на контакты не идет, и в прокат картину не выпускает.
39. *Кшиштоф Занусси* в очередной раз приехал в Москву, где целую неделю проводит ставшие уже традиционными мастер-классы на Высших курсах режиссеров и сценаристов (...).

Значимо, на наш взгляд, рассмотреть пример 40, поскольку здесь выражается мысль, что отношения между двумя странами благодаря кинематографу становятся лучше. Как видим, в данном случае отмечается схожесть русских и поляков: «Реакция польской публики неотличима от российской.

Смеются в тех же местах». В данном отрывке отмечается, что польский зритель одобряет российское кино, на это указывают лексемы, настраивающие на положительные эмоции *аплодировать, хохотать, успех*.

40. Как поляки относятся к русскому кино? Захожу в зал во время показа шаханазаровского шлягера *Мы из джаза*. Удивительно, но во всех нюансах реакция польской публики неотличима от российской. *Смеются* в тех же местах. На открытии с *успехом* прошёл фильм *Стиляги*, который здесь именуют «голливудским мюзиклом с русской душой». Во время показа в большом зале *аплодировали, хохотали*.

Анализируя лексические единицы и языковые приёмы, используемые в текстах рассматриваемых СМИ, мы выявляем, что образ России в текстах газет «Газета Выборча» и «Новая газета» наполнен преимущественно негативными значениями. Анализ показывает, что сквозь призму политических, экономических и исторических событий польско-российские отношения оцениваются негативно. Однако на фоне культурных событий польско-российские отношения приобретают другие смыслы и уже рассматриваются в положительном ракурсе.

Относительно образа Польши, представленного в текстах «Новой газеты», необходимо отметить, что данная страна предстаёт, прежде всего, в положительном ключе, то есть независимо от аспекта видения Польши сильным образом не меняется. Конечно, стоит отметить, что данный образ Польши конструируется только в пространстве, создаваемым «Новой газетой», а это означает, что представленный образ Польши может создаваться только у определённого контингента, а именно у читателей данной газеты.

В заключение ещё раз хотелось бы подчеркнуть, что в конструировании образа польско-российских отношений играет затрагиваемый аспект, что подтверждает идею о том, что политико-исторические и экономические темы являются полем разногласий, споров, а тема культуры является одной из немногих тем, способной выстраивать доверительные отношения, благодаря которым обе страны могут создать благоприятную платформу для сотрудничества и развития.

БИБЛИОГРАФИЯ

Ворошилова Мария, Дроздецкая Анастасия. 2016. *Образ русского в сознании польского человека*. Ред. Чудинов А.П. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет: 63–72.

- Ефремова Татьяна Фёдоровна *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. «Русский язык».* (online) <https://www.efremova.info/> (доступ 11.05.2019).
- «Новая газета». (online) <https://www.novayagazeta.ru/issues> (доступ 30.05.2019).
- Польша–Россия. Социологический диагноз 2013.* 2013. Варшава: Центр польско-русского диалога и согласия.
- Россия–Польша: проблемы взаимного восприятия.* 2013. Ред. Шутов А. Ю. Москва: Издательство Московского университета
- Bartmiński Jerzy, Lappo Irina, Majer-Baranowska Urszula. 2007. *Stereotyp Rosjanina i jego profilowanie we współczesnej polszczyźnie.* W: Bartmiński J. *Stereotypy mieszkają w języku. Studia etnolingwistyczne.* Lublin: Wydawnictwo UMCS: 262–298.
- Bugajski Marian. *Rosja i Rosjanie w polskiej prasie.* (online) <http://staff.uz.zgora.pl/mbugajsk/wp-content/plugins/downloads-manager/upload/Rosja%20i%20Rosjanie%20w%20polskiej%20prasie.pdf> (доступ 24.03.2020).
- „Gazeta Wyborcza”. (online) <http://classic.wyborcza.pl/archiwumGW/0,0.html> (доступ 30.05.2019).
- Narodowy Korpus Języka Polskiego.* (online) <http://www.nkjp.pl/> (доступ 5.05.2019).
- Słownik języka polskiego PWN.* (online) <https://sjp.pwn.pl/> (доступ 20.05.2019).
- Słownik języka polskiego SJP.* (online) <https://sjp.pl/> (доступ 24.05.2019).

REFERENCES

- Bartmiński Jerzy, Lappo Irina, Majer-Baranowska Urszula. 2007. *Stereotyp Rosjanina i jego profilowanie we współczesnej polszczyźnie.* In: Bartmiński J. *Stereotypy mieszkają w języku. Studia etnolingwistyczne.* Lublin, Wydawnictwo UMCS, pp. 262–298. (In Polish)
- Bugajski Marian. *Rosja i Rosjanie w polskiej prasie.* Available at: <http://staff.uz.zgora.pl/mbugajsk/wp-content/plugins/downloads-manager/upload/Rosja%20i%20Rosjanie%20w%20polskiej%20prasie.pdf> (Accessed 05 May 2019). (In Polish)
- Efremova Tat'ána. 2000. *Novyj slovar' russkogo ázyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj* [New Russian Dictionary. Explanatory Dictionary of Word Formation] Moscow, Russkij ázyk. Available at: <https://www.efremova.info/> (Accessed 20 May 2019). (In Russ.)
- „Gazeta Wyborcza”. Available at: <http://classic.wyborcza.pl/archiwumGW/0,0.html> (Accessed 30 May 2019). (In Polish)
- Narodowy Korpus Języka Polskiego.* Available at: <http://www.nkjp.pl/> (Accessed 05 May 2019). (In Polish)
- Novaâ gazeta* [Novaya Gazeta]. Available at: <https://www.novayagazeta.ru/issues> (Accessed 24 May 2019). (In Russ.)
- Pol'sa–Rossiâ. Sociologičeskij diajnoz 2013.* 2013. [Poland and Russia. Sociological diagnostics] Warsaw, Centr pol'sko-rossijskogo dialoga i soglasiâ. (In Russ.)
- Rossiâ–Pol'sa: problemy vzaimnogo vospriâtiâ.* 2013. [Russia and Poland: problems of mutual perception] Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russ.)
- Słownik języka polskiego PWN.* Available at: <https://sjp.pwn.pl/> (Accessed 20 May 2019). (In Polish)
- Słownik języka polskiego SJP.* Available at: <https://sjp.pl/> (Accessed 24 May 2019). (In Polish)
- Vorošilova Mariâ, Drozdeckaâ Anastasiâ. 2016. *Obraz russkogo v soznanii pol'skogo čeloveka* [Image of a Russian in the consciousness of a Pole]. Yekaterinburg, Ural'skij gosudarstvennyj pedagogičeskij universitet, pp. 6–72. (In Russ.)

**Zasady przygotowania artykułów nadsyłanych do druku
w czasopiśmie naukowym „Acta Polono-Ruthenica”
(teksty w języku polskim)**

Teksty (wyłącznie w formatach *doc*) prosimy nadsyłać za pośrednictwem platformy czasopism UWM: <https://czasopisma.uwm.edu.pl/index.php/apr/about/submissions> lub drogą elektroniczną na adres redakcji: acta.pol.rut@gmail.com

W oddzielnym pliku należy dołączyć **Oświadczenie** o tym, że publikacja nie była wcześniej publikowana oraz o wkładzie poszczególnych autorów w powstawanie publikacji (zob. Oświadczenie na <http://czasopisma.uwm.edu.pl/indeks.php/apr/about/submissions>).

Doktoranci zobowiązani są ponadto do dołączenia opinii swojego opiekuna naukowego/promotora, dotyczącej składanego tekstu.

1. Układ tekstu

- tytuł artykułu w języku polskim,
- streszczenie w języku polskim,
- słowa kluczowe w języku polskim,
- tytuł artykułu w języku angielskim,
- streszczenie w języku angielskim,
- słowa kluczowe w języku angielskim,
- tekst zasadniczy,
- Bibliografia,
- References.

2. Wymogi redakcyjne

Objętość artykułów nie powinna przekraczać 12 stron (ok. 22 000 znaków ze spacjami), a objętość recenzji – 5 stron (ok. 10 000 znaków ze spacjami).

Tytuł artykułu (pogrubiony, wyśrodkowany, czcionka Times New Roman 14)

Streszczenie: (nazwa pogrubiona, dwukropek, czcionka Times New Roman 11)

Streszczenie w języku polskim (do 1000 słów, czcionka Times New Roman 11)

Słowa kluczowe: (nazwa pogrubiona, dwukropek, czcionka Times New Roman 11)

5–6 słów lub wyrażeń (bez pogrubienia, rozdzielonych przecinkami, bez kropki na końcu, czcionka Times New Roman 11).

Abstract: (nazwa pogrubiona, dwukropek, czcionka Times New Roman 11)

Streszczenie w języku angielskim (do 1000 słów, czcionka Times New Roman 11)

Keywords: (nazwa pogrubiona, dwukropek, czcionka Times New Roman 11)

5–6 słów lub wyrażeń (bez pogrubienia, rozdzielonych przecinkami, bez kropki na końcu, czcionka Times New Roman 11)

Tekst artykułu

Preferowany edytor tekstu Word

Czcionka: Times New Roman, wielkość czcionki – 12; odstęp między wierszami – 1,5

Marginesy każdej kartki wydruku powinny mieć wymiary: górny, dolny, prawy – 25 mm, lewy – 35 mm.

- W wydruku dopuszcza się stosowanie wyróżnień, np. kursywę w wyrazach obcych, ale bez podkreślania wyrazów.

- Kursywą podajemy tytuły cytowanych pozycji zwartych i artykułów (w tekście, bibliografii).
- W cudzysłów (bez kursywy) ujmujemy w tekście tytuły rozdziałów (powieści i prac naukowych) oraz tytuły czasopism.
- Wszystkie człony w nazwach czasopism piszemy wielkimi literami (oprócz spójników).
- W tekście polskim stosujemy cudzysłów polski, w tekście rosyjskim stosujemy cudzysłów rosyjski.
- Cytaty ujmujemy w cudzysłów (bez kursywy). Cytaty przekraczające trzy linijki tekstu wydzielamy wcięciem z lewej strony – 1,25; zmniejszamy czcionkę na 11 Times New Roman, interlinia 1,5.
- Fragmenty opuszczone należy oznaczyć trzema kropkami w nawiasach okrągłych (...). W takich nawiasach umieszcza się wszystkie odautorskie komentarze.
- Dopuszczalne są komentarze w formie przypisów dolnych (czcionka 10 pkt., interlinia pojedyncza).
- W tekście stosujemy półpauzy (np. 1990–2000, s. 10–20) i dywizy (np. polsko-rosyjski).
- Przy zapisie lat stosujemy liczebnik zapisany cyfrą (liczebniki porządkowe z kropką) np. lata 70.
- Przy nazwiskach w tekście po raz pierwszy stosujemy pełny zapis imienia, następnie podajemy tylko nazwisko.
- Tabele i rysunki powinny być opatrzone opisem oraz źródłem opracowania (np. Tab. 1. Przykłady użycia zwrotów obcojęzycznych. Źródło: opracowanie własne).

Sposoby zapisu przypisów

W czasopiśmie stosujemy jeden rodzaj przypisów. Przypisy zamieszczane są w tekście głównym (**bez wariantu transliterowanego**) zgodnie z następującą konwencją:

[nazwisko rok wydania, strony], np. [Bartmiński 1999, 105]

[nazwisko rok wydania, tom, strony], np. [Балдаев 1997, I, 45–46]

[tytuł rok wydania, strony], np. [*Słownik biograficzny teatru polskiego...* 1973, 73]

- Odwołanie do kilku źródeł

[nazwisko rok wydania, strony; tytuł rok wydania, strony; nazwisko rok wydania, strony], np. [Mościcki 2010, 47; *Słownik biograficzny teatru polskiego...* 1979, 52; Нитрауп 1989, 17]

Źródła internetowe

[nazwisko, online], np. [Спиридонова, online]

Sposoby zapisu bibliografii

- Autor sporządza jeden wykaz literatury dla całej pracy (Bibliografia, Библиография).
- Kolejność pozycji bibliograficznych powinna być alfabetyczna, według nazwisk autorów lub tytułów prac zbiorowych.
- **W bibliografii nie stosujemy numeracji.**

Monografie

Kozak Jolanta. 2009. *Przekład literacki jako metafora. Między logos a lexis*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.

- Język – stereotyp – przekład*. 2002. Red. Skibińska E., Cieński M. Wrocław: Dolnośląskie Wydawnictwo Edukacyjne.
- Kasack Wolfgang. 1996. *Leksykon literatury rosyjskiej XX wieku: od początku stulecia do roku 1996*. Przekł., oprac., bibliografia pol. i indeks osób Kodzis B. Wrocław–Warszawa–Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Куприн Александр Иванович. 1970–1973. *Собрание сочинений: В 9 т.* Москва: Издательство Художественная Литература.
- Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения*. 1998. Ред. Скляревская Г.Н. Санкт-Петербург: Фолио-Пресс.

Rozdziały w monografiach

Redaktorów zbiorów należy oznaczyć przed nazwiskiem skrótem w języku zgodnym z publikacją (Red. / Ed., Eds / Hrsg. / Ред.)

- Munia Henryka. 2010. *Semantyka nazw własnych w tytułach utworów rosyjskiej prozy wiejskiej*. W: *Literatury i języki wschodniosłowiańskie wobec swego czasu*. Red. Ksenicz A., Łuczyk M. Zielona Góra: Wydawnictwo Uniwersytetu Zielonogórskiego: 75–81.
- Трубникова Елена. 1997. *Тэффи*. В: *Литературная энциклопедия Русского Зарубежья (1918–1940)*. Ред. Николюкин А. Т. 1. Москва: Российская политическая энциклопедия: 395–398.

Artykuły w czasopismach

- Pietras Elżbieta. 2007. *Moskiewski konceptualizm – między awangardą a postmodernizmem*. „Acta Neophilologica” nr 9: 131–142.
- Łanda Siemion. 1982. *Jak Odyniec redagował „Czaty” Mickiewicza*. Z „Kroniki życia i twórczości Mickiewicza. 1824–1829”. „Pamiętnik Literacki” nr 73, z. 1–2: 225–235.

Publikacje internetowe

- Piętkowa Romualda. *Językowy obraz świata i stereotypy a nauczanie języka obcego*. (online) http://sjikp.us.edu.pl/pliki/ksiazki/romualda_pietkowa.pdf (dostęp 3.02.2015).
- Кодзис Бронислав. 2011. *Драматургия первой волны русской эмиграции*. «Новый Журнал» № 236. (online) <http://magazines.russ.ru/nj/2011/263/ko20-pr.html> (дostęp 20.06.2017).
- (online) <https://www.starinnyye-noty.ru/песни-романсы-и-арии/песенка-о-трех-пажах-вертинский/> (дostęp 4.06.2017).

References

Jeśli w bibliografii uwzględniono literaturę w języku rosyjskim, białoruskim lub ukraińskim, należy dodatkowo sporządzić wykaz References.

Wykaz powinien obejmować wszystkie pozycje ujęte w bibliografii (w nowym układzie alfabetycznym).

- Tytuły zapisujemy kursywą.
- Należy podać angielski wariant miejsca wydania (np. zamiast Москва – Moscow, Warszawa – Warsaw).
- Zamienić W: lub B: na In:

- Zamienić Red., Ред. na Ed. lub Eds
- Dwukropek po nazwie miejsca wydania należy zamienić na przecinek.
- Zamienić zaznaczenie zakresu stron: zamiast s. 45–47 – pp. 45–47.
- Zamienić (online) na Available at:; (dostęp), (доступ) na Accessed:
- Na koniec adresu bibliograficznego dodać wskazania na oryginalny język artykułu (In Russ.), (In Polish) itd.
- Pozycje bibliograficzne zapisane cyrylicą powinny posiadać wariant transliterowany zgodny z PN-ISO 9:2000. Transliteracji dokonujemy automatycznie na stronie <https://www.ushuaia.pl/transliterate/> (należy sprawdzić, czy został wybrany system PN-ISO 9:2000).
- Po zapisie transliterowanym w nawiasie kwadratowym umieszczamy tłumaczenie tytułów publikacji w języku angielskim.
- Literatura w innych językach niż cyrylica nie jest transliterowana ani tłumaczona na język angielski.

Przykłady:

- Bakuntsev Anton. 2012. *I.A. Bunin v Pribaltike. Literaturnoye turne 1938 goda* [Bunin in the Baltics. 1938 Literary Tour]. Moscow, Dom Russkogo Zarubež'a im. A. Solženicyna. (In Russ.)
- Berberova Nina Nikolaevna. 1983. *Kursiv moj* [The Italics are Mine]. New-York, Russica Publishers. (In Russ.)
- Berdâev Nikolaj Aleksandrovič. 1949. *Samopoznanie (Opyt filosofskoj avtobiografii)* [Self-knowledge (An Essay of Philosophical Autobiography)]. Paris, IMKA-Press. (In Russ.)
- Bukalov Aleksej. 2019. *Obšij sleng i gorodskoe prostorečie: problema differenciacii* [Common slang and urban prostorechie: the problem of differentiation]. Available at: <http://eKhSUIR.kspu.edu/handle/123456789/181> (Accessed 26 December 2019). (In Russ.)
- Kapanadze Lamara. 1984. *Sovremennoe gorodskoe prostorečie i literaturnyj âzyk* [Modern urban prostorechie and literary language]. In: *Gorodskoe prostorečie. Problemy izučeniâ* [Urban prostorechie. Problems of Study]. Eds Zemskaâ E., Šmelev D. Moscow, Nauka, pp. 5–12. (In Russ.)
- Ocup Nikolaj Avdeevič. 1933. *Klim Samgin* [Klim Samgin]. "Čisla" no 7–8, pp. 178–183. Lyon, Fonds slave des jésuites. (In Russ.)
- Pietraś Elżbieta. 2007. *Moskiewski konceptualizm – między awangardą a postmodernizmem*. "Acta Neophilologica" no 9, pp. 131–142. (In Polish)
- Scheler Max. 1994. *Cierpienie, śmierć, dalsze życie. Pisma wybrane*. Trans., preface and notes by Węgrzecki A. Warsaw, Wydawnictwo Naukowe PWN. (In Polish)

Prace niezaopatrzone w wersję elektroniczną oraz niespełniające wymogów przygotowania prac naukowych do czasopisma „Acta Polono-Ruthenica” nie będą przyjmowane do druku.